

АЛТАРЬ ОТЕЧЕСТВА

А Л Ь М А Н А Х

• ВОСПОМИНАНИЯ • ДОКУМЕНТЫ •
• СТИХИ • ОЧЕРКИ • РАССКАЗЫ •
• ПЕСНИ •

МОСКВА
2010

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ,
ОБАГРЕННЫЕ СОЛДАТСКОЙ КРОВЬЮ,
ПОСВЯЩАЮТСЯ

65-ЛЕТИЮ
ПОБЕДЫ

СОВЕТСКОГО НАРОДА
В Великой Отечественной войне
1941 – 1945 годов

СКОЛЬКО ВЕКОВ
БУДЕТ ЖИТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО НА ЗЕМЛЕ, –
СТОЛЬКО ДОЛЖНА ЖИТЬ ПАМЯТЬ.

ПАМЯТЬ О ТЕХ, КТО НЕ ЖАЛЕЛ СВОИ ЖИЗНИ
И ПОЛОЖИЛ ИХ НА «АЛТАРЬ ОТЕЧЕСТВА»
ВО ИМЯ ЗАРОЖДЕНИЯ И ПРОЦВЕТАНИЯ
ДРУГИХ ЖИЗНЕЙ – ВЕЧНА.

СОХРАНИМ ВО ИМЯ БУДУЩЕГО
ИМЕНА ВСЕХ СОЛДАТ,
КТО ВЫСТОЯЛ И ПОБЕДИЛ
СТРАШНЕЙШУЮ ВОЙНУ XX ВЕКА!

ББК 63.3(2)622+С62.
А-52

Издание осуществлено «на финансовые средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 16 марта 2009 года №160-рп»
(на реализацию проекта «Пусть не гаснет свеча на ветру» 2010)

А-52 **Алтарь Отечества.** Альманах (воспоминания, документы, фотографии, очерки, рассказы, стихи, песни, адреса плэйкастов). Посвящается 65-летию Победы советского народа в Великой отечественной войне 1941 – 1945 годов. Автор-составитель М.М.Веселовская-Томаш. – М.:ПРОБЕЛ-2000,2010. – 260 с.: ил.

ISBN 978-5-9901894-1-6

Альманах издан к 65-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

В нём воспоминания самих фронтовиков, их родных и близких о тех, кто дошёл до великого и святого Дня Победы, и о тех, кто навечно остался на своём боевом посту... От некоторых из них не осталось и следа на земле, но их подвиг, самопожертвование во имя продолжения жизни других мы обязаны чтить и помнить.

В книге представлены семейные реликвии: письма с фронта, фотографии.

Во многих историях называются имена или фамилии других солдат – 141 участника Великой Отечественной войны (в том числе и двух мальчишках), проливается свет на их судьбу. Их фамилии даны отдельным списком в алфавитном порядке.

Книга издана для того, чтобы сохранить для потомков имена наших героических предков, чьё мужество и доблесть привели к Победе добра над злом, чтобы привить подрастающему поколению чувство любви и преданности к своей Родине, гордости за своё прошлое. Указаны адреса плэйкастов на тему «Это было недавно, это было давно».

ББК 63.3(2)622+С62.
А-52

ISBN 978-5-9901894-1-6

© Веселовская-Томаш М.М., 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Указатель имен 141 участника в Великой Отечественной войны, встречающиеся на страницах книги (в том числе двух детей)	7
Слово к Читателю	12
ПРОЛОГ	15
АПОЛОНОВ Иван Михайлович и ВАСИНА-АПОЛОНОВА Екатерина Григорьевна	20
АРОНОВСКИЙ Марк Яковлевич	28
БАБАКОВ Иван Иванович	29
БОНДАРЬ Павел Захарович	37
ВЕСЕЛОВСКИЙ Александр Петрович и КОЧУНЁВА-ВЕСЕЛОВСКАЯ Таисия Григорьевна	41
ВОЛЕГОВ Пётр Федорович	57
ГРИГОРЬЕВ Леонид Сергеевич	58
ГРИШИНА-РЫЖИХ Нина Федоровна	63
КАЛИНИН Дмитрий Тимофеевич	69
КАРТАШЁВ Евгений Сергеевич	73
КАШКОВСКИЙ Матвей Еромолаевич	83
ЛАПТЕВ Владимир Андреевич	87
МАРАСАНОВ Павел Петрович	90
НИКЕРОВ Алексей Иванович	92
НИКОНОВ Иван Петрович	109
НУЖИН Николай Павлович	119
ОВЧИННИКОВ Иосиф Емельянович	122
ОПОЙКОВ Николай Павлович	123
ПЕРЕЛЬМУТЕР Григорий Рувимович	126
ПИЧУГИН Борис Федорович	128
ПОРТНОВ Эмиль Лазаревич	141
СОЛДАТОВ Алексей Михайлович	153
СТАРОВОЙТ-КАРТАШЁВА Юлия Ивановна	156
ТАЛПА Павел Алексеевич	161
ТОМАШ Максим Парфентьевич	165
ТРЕЙСТЕР Исаак Фиселевич	173

ХОДЖИБЕКОВ Евгений Константинович и КОШАЕВА-ХОДЖИБЕКОВА Варвара Ивановна	175
ЧЕКМАРЁВ Василий Михайлович	181
ЧЕКМАРЁВ Иван Михайлович	182
ЧЕКМАРЁВА Александра Андреевна	184
ЧЕРВЯКОВ Василий Сергеевич	185
ШЕВЕЛЁВ Николай Григорьевич	189
ШЕЙКО Василий Павлович	192
ВАЛЬС ЗАБВЕНИЯ	197
ПЕСНИ, РОЖДЁННЫЕ ЭХОМ ВОЙНЫ	
Локон волос	206
Королевская сирень	208
Победа	210
Анастасия	214
Царицынский вальс	218
Потомки, достойными будьте!	221
Вечной памяти лампада	225
Пусть не будет могил неизвестных	228
Военный вальс	235
Русь моя жива	239
Что с Землёю стряслось?	242
Колокола России	247
Плэйкасты о войне – это тоже память	250
ЭПИЛОГ	251

141 участник Великой Отечественной войны,
встречающиеся на страницах книги (в том числе – двух детей)

1. АЛЯБИЕВ Н.Н.
2. АМЕЛЬЧЕНКО Иван Яковлевич
3. АМОСОВ Николай
4. АНТОНОВ
5. АПОЛОНОВ Александр Михайлович
6. АПОЛОНОВ Семён Михайлович
7. АПОЛОНОВ Сергей Михайлович
8. БАБАКОВ Василий Иванович
9. БАБАКОВ Михаил Иванович
10. БАБАКОВ Константин Иванович
11. БАБАКОВА-КАРЕВА Анна Ивановна
12. БАБАКОВА Матрёна Ивановна
13. БЕЛОВ
14. БЕЛОСЛУЦОВ С.А.
15. БЕЛОУСОВ Василий Иванович
16. БЕЛЯЕВ
17. БЕРЕГОВОЙ Георгий Тимофеевич
18. БОТЯКОВ
19. БОЯРШИН Михаил
20. БРИЖЕНЕВ
21. БУДЁННЫЙ М.С.
22. БУДЯКОВ Анатолий Иванович
23. БУДЯКОВ Михаил Демьянович
24. БУНИН Александр П.
25. БУШМИЛЕВ В.С.
26. ВАСИЛЬЕВ

27. ВЕСЕЛОВСКИЙ Пётр Николаевич
28. ВОЛОДИН Михаил
29. ГАЛКИН Алексей Павлович
30. ГАЛУТИН Зиновий Вениаминович
31. ГАЛЬЧЕНКО Андрей
32. ГАФУРОВ Ш.М.
33. ГОНЧАРУК Ф.И.
34. ГОРЮНОВ Алексей Иванович
35. ГОСОПРОВИЦ Е.И.
36. ГРИШИН В.М.
37. ГРИШИН И.М.
38. ДАНИЛИН Я.И.
39. ДЕМИДЕНКО И.Я.
40. ДРЕВАЛЬ И.И.
41. ДУШИН Степан
42. ДУШИН Миша
43. ДУШИН Петя
44. ЕВДОКИМОВ П.М.
45. ЕРМИЛОВ Д.
46. ЖОЛУДЕВ В.Г.
47. ЗАБОЛОТСКИЙ Владимир
48. ЗЕЛЕНОВ А.
49. ИВАНОВ Е.И.
50. ИВАНОВ П.М.
51. ИКОННИКОВ Вадим (Качалов?)
52. ИКОННИКОВА Мария
53. ИЛЬЧЕНКО В.М.
54. ИЛЬЯШИНКО А.И.
55. КАЗАКОВ И.А.
56. КАЛИСТРАТОВ Иван
57. КАРЕТНИКОВ А.
58. КАРЯКИН Павел Николаевич

59. КАТРОВСКИЙ Б.И.
60. КОВАЛЕНКО Анатолий
61. КОВРИЖНЫХ В.П.
62. КОЖЕДУБ Иван Никитович
63. КОЛОБОВНИКОВ
64. КОНОВАЛОВ И. Г.
65. КОПЫЛОВ Влад.
66. КОРЖ Иван Н.
67. ВКрахт (ВКухт?)
68. КРЫЛОВ Ф.А.
69. КУБРАК М.П.
70. КУДРЯШОВ
71. КУЗНЕЦОВ А.А.
72. КУЗЬМИЧЁВ М.Д.
73. КУЛИКОВ Ф.П.
74. КУРОПАТКОВ Евгений Петрович
75. ЛАЗАРЕВ
76. ЛАПШОВ А.Л.
77. ЛИЩУК Г.Т.
78. МАРАСАНОВ Иван Петрович
79. МАСЛОВ В.К.
80. МАШРАМОВ М.М.
81. МЕЩЕРЯКОВ
82. МОРДКОВИЧ
83. НАЗАРОВ
84. НИКИТА (дед)
85. НУЖИН Александр Павлович
86. НУЖИН Пётр Павлович
87. НУЖИН Семён Павлович
88. ОРБЕЛЯНА Михаил
89. ОГАРЁВ
90. ОСИПЕНОК Дмитрий

91. ОСЬКИН Иван Григорьевич
92. ПЕТРОВ
93. ПЛАНДОВСКИЙ К.В.
94. ПОДЗАТЫЛЬНИКОВ
95. ПОЛОЗОК Иван Ст.
96. ПОЛЯКОВ
97. ПОЛЯКОВ Виталий Константинович
98. ПРИТЮПА Н.И.
99. ПРОНЧЕНКО В.П.
100. ПУШКАРЕВ Иван Ниф.
101. РОГИНСКИЙ З.И.
102. РОДИМЦЕВ А.И.
103. РОДИН
104. РУДЕНКО Сергей Игнатьевич
105. РЫБАЛКИН Пётр Петрович
106. РЯЖЕНЦЕВ
107. САВИЦКИЙ М.П.
108. САУНИН Павел Иванович
109. САФОНОВ Борис Феокистович
110. СЕДЛЯР
111. СЕРОВ М.
112. СИГАЕВ
113. СИДОРЕНКО А.А.
114. СИДОРЕНКО Тимофей
115. СИНЯКОВ Михаил А.
116. СКАКУНОВ Матвей Иванович
117. СКАКУНОВ Михаил Иванович
118. СКОРОБОГАТОВ
119. СКОРОБОГАТОВ Василий Абрамович
120. СМУРОВА
121. СОКОЛОВ Д.
122. СОЛЖЕНИЦЫН Александр Исаевич

123. СОЛОУХИН Ал. Иванович
124. СОРОКИН Захар Артёмович
125. СОРТАКОВ Д.А.
126. СТЕЦЕНКО
127. СУМБАДЗЕ
128. ТАЛПА Павел Алексеевич
129. ТАМАК Д.Ф.
130. ТАТАРИНОВ И.В.
131. ТЕРЁХИНА Ольга Никитична
132. ТИМОХИН А.И.
133. ТИХОМИРОВ Николай
134. ТОЛСТИКОВ Николай Кириллович
135. ТОМАШ Парфентий Васильевич
136. ТЮРИН Леонид
137. ФИЛАТОВ Иван В.
138. ШЕВЧЕНКО В.М.
139. ШУМКОВ
140. ЩАПОВА ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА
141. ЩЕЛКУНОВ А.

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Безвозвратно ушедший в прошлое XX век был полон драматических событий: Первая Мировая война 1914-1918 гг.; Гражданская война 1918-1922 гг., которая началась вскоре после победы Великой Октябрьской социалистической революции; голод в СССР 1930-1934 годов; Вторая Мировая война 1939–1945 годов. На этот период пришлось и Великая Отечественная война 1941–1945 годов, которая была самым страшным, изуверским преступлением против человечества: она унесла несколько десятков миллионов жизней.

Точное количество потерь неизвестно и уже никогда не установить масштаб, как солдатского состава, так и мирного населения, взрослых, детей, женщин. Послевоенный голод 1946–1947 годов также оставил глубокий след в истории нашего государства.

Альманах «Алтарь Отечества» посвящается победителям Великой Отечественной войны – доблестным воинам, добывшим Великую Победу – «одну на всех». Сейчас предлагается много разных политических трактовок Второй Мировой войны, и за ними подчас «затирается» в памяти самое главное – подвиг советских солдат и солдат стран союзников. Тех, кто своей кровью избавил мир от фашизма. Они на разных языках и разных идеологиях, но речь в них идёт о страданиях, унижениях, ужасах, бессмысленном уничтожении Человека.

Альманах – это воспоминания самих фронтовиков, их родных и близких о тех, кто-то дошёл до великого и святого дня или навечно остался на своём боевом посту... Когда над страной нависла смертельная опасность, в военкоматах стояли огромные «живые» очереди из добровольцев: то наши мужчины – отцы и деды, наши мальчишки и девчонки стремились на фронт, чтобы скорее уничтожить врага. О некоторых из них не осталось и следа на земле, но их подвиг, самопожертвование во имя продолжения жизни других мы обязаны чтить и помнить. О них сложены стихи и песни, написаны рассказы, очерки, снято множество фильмов, – но нереально показать ВСЕХ героев, а ЗНАТЬ И ПОМНИТЬ – НАШ ДОЛГ. В книге представлены семейные реликвии: письма с фронта, фотографии. Их мало: не каждой семье удалось сохранить тончайшую нить с прошлым. Но без семени прошлого не прорастёт деревце будущего...

Во многих историях называются имена или фамилии других солдат, 141 участника Великой Отечественной войны (в том числе и двух детей), проливается, пусть и слабый, свет на их судьбу. Их фамилии даны отдельным списком

в алфавитном порядке. Многие воевали рядом друг с другом! На одних и тех же фронтах, шли по одним дорогам войны – разные герои упоминают одни и те же места сражений: их пути пересекались тогда на земле, а теперь – в Интернет-галерее и в настоящей книге. Указаны адреса плаэйкастов на тему «Это было недавно, это было давно» – это тоже память благодарных потомков.

Она издана для того, чтобы сохранить для потомков имена наших героических предков, чьё мужество и бесстрашие привели к Победе добра над злом, чтобы привить подрастающему поколению чувство любви и преданности к своей Родине, возродить величие и гордость за нашу великую Родину.

«Вальс забвения» – в этом разделе акцент ставлю на недопустимо небрежное отношение живых к памяти павших на фронтах войны, о запустении на военно-мемориальном комплексе города Кисловодска. (Такое положение, увы, не только в этом городе!). Потрясение, всколыхнувшее меня при первом посещении этого мемориала более двадцати лет тому назад, подтолкнуло к написанию первого стихотворения «Пусть не будет могил неизвестных» (текст его приводится в этом же разделе). Оно положено на музыку композиторами Э.Сторожевым (г. Калининград) и А. Ломовицкой (г. Москва).

В 2007 году при спонсорской поддержке Компании 1ITАльянс открыт и продвигается до сих пор сайт ПараАртийского Центра «Иван да Марья» <http://www.paraartiada.com/>.

На его поддержку использовались средства, полученные в виде гранта от Государственного учреждения города Москвы «Дом общественных организаций» (Центр по связям с общественными объединениями) – Проект «Интернет-галерея Алтарь Отечества – в рамках Фестиваля художественного творчества инвалидов – «ПараАртиада – 2006–2007». На эти цели использовались также финансовые «средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта – Проекты: «Жизнь, как подстреленная птица, подняться хочет – и не может...» в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 14 апреля 2008 года № 192-рп» и «Пусть не гаснет свеча на ветру» в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 16 марта 2009 года № 160-рп». Одна из рубрик сайта – «Алтарь Отечества». Её материалы легли в основу книги.

Использованы стихи Ю.Друниной, литературные и музыкальные произведения членов ПараАртийского Центра «Иван да Марья»: А.Забара, А.Медведева, В.Колесниковой, Т.Нужиной, Я.Пичугина, А.Шебеко и автора-составителя.

В сборе материала и подготовке рукописи альманаха к изданию мне помогли коллеги: Галина Иванцова, Александр Медведев, Раиса Митлаевская и Дмитрий Портнов, за что выражаю им сердечную признательность.

С благодарностью примем замечания, пожелания, новые материалы и документы для их размещения в Интернет-галерее и издания в дальнейшем альманаха с новыми героями Великой Отечественной.

*Президент ПарАртийского Центра «Иван да Марья»,
Член Международной Ассоциации Писателей и Публицистов
и Международного Союза славянских журналистов*

Мария Максимовна ВЕСЕЛОВСКАЯ-ТОМАШ

**Я порою себя ощущаю связной
Между теми, кто жив
И кто отнят войной...**

**Я – связная.
Бреду в партизанском лесу,
От живых
Донесенье погибшим несу.**

Юлия ДРУНИНА

**«Благословенны солдаты,
которые умирали во имя любви к Родине».**

*Евгений ШВАРЦ.
«Обыкновенное чудо»*

АЛТАРЬ ОТЕЧЕСТВА

Цену Победы над Германией нельзя измерить. Советский Союз победил, но победа досталась сверхвеликой ценой:

Из 33,4 миллионов человек, надевших шинели, оставалось в живых 12,8 миллионов человек.

Безвозвратные человеческие потери Вооружённых сил СССР составили 11 миллионов 944,1 тысячи человек.

Общие демографические потери СССР составили 27 миллионов человек. Во Второй мировой войне мир потерял 55 миллионов человек.

(По материалам Интернета)

Прошло более 65 лет после смертельных, незабываемых, полных незатишающей боли, слёз и горьких утрат событий!

Имена многих погибших солдат неизвестны: они просто входят в цифры «12,8» или «55 миллионов».

Солдаты Великой Отечественной войны, не пожалевшие свои жизни во имя Победы, погибли, пропали без вести или вернулись с трагической отметиной – глубокими ранами, если не на теле, то на душе...

Александр Веселовский и Иван Никонов

На Алтарь Отечества положены жизни детей, юных и взрослых людей. О них нигде не рассказано: они входят только в общее число миллионов.

Некогда великая держава разрушилась. Её восстановить удастся не скоро. И удастся ли?..

Своей Интернет-галереей мы хотим восстановить дух и силу солдата, чувство общей Родины. А ещё мы хотим, чтобы молодое поколение научилось любить свою Родину так, как любили её наши предки!

На «стендах» галереи виртуального музея воинской славы размещены необычные экспонаты: фотографии, письма военных лет и рассказы о солдатах – участниках Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов. Их стихи, проза, песни. Или всё это – о них или в их честь...

Если вам есть о ком рассказать, напишите нам: мы с радостью разместим новые «экспонаты» в Интернет-галерее.

Посещайте галерею! Она будет пополняться – мы надеемся на то, что люди откликнутся и будут присылать копии своих реликвий.

Давайте назовём всех-всех солдат-победителей поимённо!

Мы должны оставить свой добрый след на нашей прекрасной планете Земля. Вернее сказать – своеобразный след в космосе. Души погибших, вознёсшихся на небеса, сердца ещё живущих ныне фронтовиков будут рады памяти благодарных потомков.

Мы должны быть достойны своих предков!

*Только что закончился концерт-реквием.
Благотворительная акция для фронтовиков в ресторане «Босния».
Москва, 2005 год*

*Весенний бал параартистов «Красота и доброта спасут мир!».
Иван Бабаков и Мария Веселовская-Томаш.
2003 год. Московский дом общественный организаций
Фото Алексея Горшкова*

Контакты:
т/ф: 8 (495) 386-65-12;
388-42-27 8-916-244-21-87
E-mail: altar-07@mail.ru paraartiada@mail.ru

THE PROLOGUE

**“Blessed are the soldiers,
who died in the name of their love for Fatherland”**

*From the play E.Shwartz
“Simply a miracle”*

THE ALTAR OF FATHERLAND

The price of our Victory over fascist Germany can't be measured.

The Soviet Union has won in the war, but the price of the Victory was too great.

Out of 33,4 millions people who wore uniforms only 12,8 million stayed alive.

Human losses in the military forces of the USSR are about 11,944 thousand but on the whole the USSR made 27 millions . The whole world lost 55 millions people.

(Based on the internet materials)

Since the time of the end of the most terrible war in history more than 65 years passed.

The names of many soldiers are still unknown, and they are just included in the indicated above figures.

The soldiers of the World War II sacrificed their lives and died for the Victory, many of them became MIAS (missing in action), — they never returned from the front: others came back with wounds not only on their bodies, but in their souls.

The lives of children, youths and adults are to be found on the Altar of Fatherland.

Nobody has told us their stories – they are included in the general member of millions.

The former great power broke up.

It won't be restored soon.

In our “internet- gallery” we want to bring back the spirit and strength of the soldier. The spirit of the common Fatherland and we want the younger generation to learn how to love our Fatherland as it was loved by their forefathers.

Let the stands of “the gallery”, the virtual museum of military glory have unusual exhibits: the letters of war years, the stories of those years about the soldiers, who participated in the war of 1941-1945, their verses, fiction and songs – all that should be in their glory.

Come to see “the gallery”, it will be expanded, we hope that people will respond!

Let’s call every soldier by name!

We must leave our good footprints on our beautiful planet – Earth in our words, our good memory in outer space.

The souls of those, who died and found their way to Heaven as well as those still living war veterans will be grateful to us for the memory of thankful descendants.

We must be worthy of our forefathers!

(Translated by Nina Lukina)

The Contacts:

t/f: (495) 386-65-12; 388-42-27 8-916-244-21-87

E-mail: altar-07@mail.ru paraartiada@mail.ru

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ АПОЛОНОВ ЕКАТЕРИНА ВАСИНА-АПОЛОНОВА

*Иван Аполлонов.
В Учебном центре города Грозный.
Накануне Дня Победы 1945 года.*

*Катя Васина.
Первый год после войны*

А ЛЮБОВЬ КАТЮША СБЕРЕЖЁТ

Очерк

Шёл 2003 год. Страна готовилась к празднованию 50-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. По всем округам города Москвы шли отборочные туры, как произведений художников, так и музыкально-поэтических.

Художники и мастера декоративно-прикладного искусства спешили расставить свои работы на выставке, которую монтировали в Управе Чертаново Центральное.

Стоял невообразимый гул, словно на ярмарке. Кто-то бегал в поисках скрепок, кто-то – молотка, гвоздиков, скотча: скоро прибудет телебригада, надо закружляться с монтажом экспонатов. Приспосабливались, кто как мог:

«зал» не выставочный, но на гладких стенах, перилах и столах «товар» лицом всем хотелось показать.

Толпы людей проходили мимо прямо в конференц-зал: там шёл концерт, и отбирались лучшие номера для последующего, общегородского концерта.

Е.Ф. Аполонова – одна из тех, кто спешил порадовать себя и других своими поделками. Скромная, тихая, с гордой осанкой, Екатерина Фёдоровна не стремилась выделиться из большой группы талантливых женщин-мастериц. Её работы – вышивка, панно из природного материала – привлекали взоры посетителей своей оригинальностью: ну, вот, например, на заборе у деревенского домика застыл в бойцовой позе красавец-петух с ярким, шикарным хвостовым опереньем. Готов, кажется, взлететь сию минуту и ввязаться в драку.

Наблюдая за всем происходящим, я заметила, как к Екатерине Фёдоровне подошёл бравый, молодцеватый мужчина в прекрасно сидящей на нём военной форме – как влитая! Бывших кадровых военных, вышедших в отставку, в хорошо сохранившихся формах, не часто встретишь. Оказалось, он – муж Е.Ф. Аполоновой, этой очаровательной дамы. Позже он расскажет, как его приглашают в школы для выступлений перед ребятами и просят обязательно прийти в форме. Жаль, кстати, что фронтовики не ходят в ней чаще. Возможно, о ветеранах вспоминали бы не только накануне очередного святого праздника – Дня Победы.

Катюша, как её ласково зовёт Иван Михайлович, чувствовала себя королевой: её супруг не отходил ни на минуту. Рядом с ней он постоянно: они, как два голубка.

По окончании торжества договорились, что Екатерина Фёдоровна с радостью войдёт в наш центр творчества. И, действительно, она стала активным членом нашей организации. Затем и Иван Михайлович, однажды сопроводив к нам свою дражайшую Катюшку, так и остался.

Видя трепетное отношение этих двух немолодых людей, мы называем их «золотая пара». Всегда ставим другим в пример: так трогательно муж ухаживает за женой, угадывает все её желания. Просто удивительно! А немного позже мы узнали, что Екатерина Фёдоровна чуть не попала под машину: подвело зрение. Стало понятно, почему муж ни на минуту её не оставляет одну. Ни под каким предлогом даже в больницу не хочет ложиться – как она без него!? С тех пор, как поженились, после войны, не расстаются. И теперь, как ниточка за иголкой.

Однажды, готовясь к очередной выставке, я попала к Аполоновым: надо было отобрать работы. У них просторная трёхкомнатная квартира. Большая

лоджия, на которой полно распутившихся цветов и овощей – просто оранжерея!

Разговорились, незаметно беседа перетекла в воспоминания о прошлом, кто откуда родом.

Иван Михайлович – бывший стрелок-радист, прошёл Великую Отечественную, любит порядок во всём, аккуратист. Стал рассказывать, как они попали в столицу. Грамотный, начитанный, очень словоохотлив – и не мудрено: он бывший лектор.

Уютно устроившись на диванчике, подсев ближе к окну, слушаю внимательно. Иван Михайлович неспешно начал своё повествование.

– Родился я третьего июля 1921 года в деревне Большая Сосновка, что в Ново-Шешминском районе Татарской АССР. В семье нас было пятеро: четыре брата и сестра. Жили мы, русские, среди татар дружно. Нам неведомы были сегодняшние проблемы, связанные с толерантностью – терпимостью, уважением одной нации другой.

В нашей деревне была только четырёхлетка, в которую я пошёл с восьмью лет. А семилетку пришлось заканчивать в соседнем селе, куда я ходил пешком за двенадцать километров. На субботу и воскресенье приходил домой, а во время учёбы жил на квартире. Иногда по дороге, которая тянулась полем, потом заворачивала в густой лес, мне встречались волки, приходилось прятаться от них в заброшенной старой мельнице. Учиться я любил. Семилетку закончил с отличием, и, как отличника, меня без вступительных экзаменов приняли в Казанский финансово-экономический техникум, по окончании которого я работал инспектором государственных доходов в Марийской АССР.

В октябре 1940 года меня призвали в армию. Закончил учёбу в школе младших авиаспециалистов как стрелок-радист для службы в бомбардировочной авиации.

Грянула война.

Мне было тогда около двадцати лет.

Попал на Северный Кавказ. Нас, стрелков-радистов, разместили на важных огневых точках для защиты от ударов немецкой авиации, охраны наших военных объектов.

Вместе с экипажем самолёта я участвовал в боевых вылетах по разгрому немецких танковых колонн. В одном из боевых вылетов сбил немецкий самолёт-истребитель «Мессершмитт». Так впервые «встретился» с врагом. Волнение было страшное.

Часто задумывался: что меня ожидало в будущем? Долго ли продлится война? Никто не знал ответов на эти вопросы.

Роковой для меня эпизод из военной жизни никогда не забуду!

Однажды, – продолжал гвардии полковник в отставке Аполлонов, – после выполнения боевого задания нас направили в столовую обедать. Не успели мы даже расположиться, как по радио прозвучала боевая тревога. Все побежали в укрытие. Устремился и я, но мне под ноги попала большая, лохматая, рыжая собака, и я с огорчением упал на неё. Мы кубарем скатились в яму и... спаслись от осколков взрыва. Это была счастливая случайность! Когда мы вылезли из ямы, я увидел страшную картину: мои боевые друзья, те, кто живым вернулся с боевого задания, погибли здесь, под бомбёжкой. Моё огорчение сменилось благодарностью собаке за то, что остался жив. Через секунду, очнувшись, понял, что боевых друзей нет в живых. Я, молодой крепкий юноша, не выдержал и заплакал.

Повисла тишина.

Я растерялась, догадавшись: пусть поплачет! Ведь причина для слёз, действительно, веская. Прошедший в войну сквозь ад кромешный Иван Михайлович, мужественный, бесстрашный, растроганный воспоминаниями, вновь не выдержал и заплакал.

– Когда вспоминаю этот случай, всегда плачу, – пояснил он. – Ведь мог не дожить до этого дня. С того случая с большой любовью отношусь к собаке. Ей я обязан жизнью.

Знаю, что фронтовики часто вытирают слёзы, вспоминая те суровые дни. Их сердца, обожжённые пожаром войны, болят до сих пор.

– А вот ещё один необычный случай произошёл с нами – я говорю об экипаже, в который входили лётчик, штурман и я, – продолжил Иван Михайлович. – Наш самолёт готовился к выполнению боевого задания. Он находился на взлётной полосе на расстоянии двух метров от оврага. Моторы уже были запущены. Вдруг один из них отказал в работе – по этой причине самолёт скатился бы в овраг. Нам угрожал неминуемый взрыв. На мгновение мне стало страшно до ужаса, я был просто парализован, оказавшись на волосок от гибели! Слава Богу, мотор удалось выключить, и всё обошлось. Кое-как выбрались из кабины, нашли тягач, и он оттащил нашу крылатую машину от края пропасти.

В конце 1943 года нас направили учиться в 1-е Московское Военно-авиационное училище связи. Окончил я его также с отличием в звании «Лейтенант». Дальше был направлен в город Грозный в Учебный центр подготовки лётчиков-штурмовиков на должность начальника связи авиационной эскадрильи. В Учебном центре шла переподготовка офицеров-фронтовиков для

работы на новой авиационной технике. После завершения переподготовки их снова отправляли на фронт.

...Война подходила к концу.

День Победы я встретил в том же Учебном центре. На фронт меня больше не отправляли. В сорок шестом был командирован на учёбу в Военно-Воздушную Инженерную Академию имени Жуковского, которую закончил в 1953 году. Работал в Центральном аппарате Министерства Обороны, которому отдал двадцать три года. А вообще в Советской Армии прослужил тридцать четыре года.

По заданию Всероссийского общества «Знание» отучился последовательно и в двух Университетах лекторов: в них готовили лекторов-международников и лекторов-рецензентов. После увольнения из Армии десять лет работал ведущим инженером в ОКБ Лианозовского электромеханического завода.

– Иван Михайлович, а где Катюшу свою встретили, когда? – Спросила я.

Екатерина Фёдоровна, слушая рассказ, молча улыбнулась, полная гордости за мужа. Чувствовалось, что она привыкла к его выступлениям, воспоминаниям и уже знала, что будет дальше, о чём фронтовик может ещё рассказать – был бы благодарный слушатель.

– С Катюшкой мы познакомились в 1948 году в обществе «Крылья Советов» на соревнованиях по вольной гимнастике. Мы оба бывшие гимнасты. Я занял второе, а Катя – третье место. Там подружились и... на всю жизнь. Вот, прожили вместе... ой, скоро шестьдесят лет!

– Будем праздновать бриллиантовую свадьбу! – Заметила я.

– Да, действительно! Бриллиантовая она!

Удивительно: такой длинный путь прошла эта «золотая пара», вернее назвать её «бриллиантовой», а сохранили друг к другу любовь, тепло, уважение! Да, это счастье! Только позавидовать можно.

В беседу вступает **Екатерина Фёдоровна АПОЛОНОВА**, хоть и не любит о себе рассказывать. Пальму первенства отдаёт Ивану Михайловичу. О себе скромно молчит. Попыталась её разговорить, спросила, где она была в те суровые годы.

– В начале войны меня эвакуировали из Москвы в Шиловский район Рязанской области. Работала в тылу. С 1942 года, с четырнадцати лет, бельё стирала для нужд Действующей Армии, и сено для армейских лошадей косила, капусту выращивала, затем выкапывала. В 1943 году рыла со всеми окопы для укрытия населения во время бомбёжки. Где нуждались в наших руках, туда нас и направляли. Мы с радостью готовы были всё делать для Победы.

В сорок четвёртом меня отправили на Украину очищать лес от трупов. Там я попала в милицейский отряд, с которым охраняла склады с порохом, стоя ночью в лесу на посту с винтовкой в руках. Ничего не боялась! – Сама сегодня удивляется Екатерина Фёдоровна. Если кто приближался, тут же раздавался мой звонкий голос:

– Стой! Кто идёт? Стрелять буду!.. Ой, а со мной в те годы был комический случай в лесу. – Вспомнила Екатерина Фёдоровна. – Обход патрулей. Нас, охраняющих склады, было много. У каждого склада стояли с ружьём.

Стою в темноте в большущем тулупе до пят, смотрю по сторонам. Затем перевожу глаза на деревья, на небо. Зырк-зырк! И вдруг на фоне неба виднеются... головы. Чьи-то головы! Кто-то как будто осторожно подкрадывается.

Тут из меня вырвалось: «Стой! Стрелять буду! Стой!» – Кричу и удивляюсь, откуда смелость взялась. И тут слышу:

– «Птичка! Птичка! Я – Птичка!». – Это был пароль.

Я обмерла. Откуда знать мне, что начальство пришло? А это было, на самом деле, какое-то высокое военное начальство.

Екатерина Фёдоровна сейчас смеётся, а тогда не до смеху было, конечно. Чуть не погибло начальство от пули бдительной охранницы!

– Сейчас я бы ни за что не встала ночью, с ружьём, да в лесу! – От души хохочет Катюша.

Трудно было после войны, но мы выстояли и вытащили страну из разрухи. Я была секретарём комсомольской организации в артели «Конпроводник» и на военной фабрике типографии им. Дунаева, затем заведующей ателье, директором ателье с их филиалами по пошиву женской одежды. Выросла до заместителя начальника отдела Госбанка СССР.

– А когда рукоделием увлеклась, Катюша? – Позволила себе и я так обратиться к Екатерине Фёдоровне, чему она обрадовалась. С тех пор я часто её так называю. Уж больно милая женщина, тёплая!

– Художественным рукоделием занимаюсь с 1959 года. Со своими поделками я неоднократно принимала участие в различных художественных выставках в Москве. А ещё я вела драматический кружок, активно участвовала в туристических походах.

– Работа Катюши отмечена Правительством. Моя жена была удостоена медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и другими медалями, – добавил Иван Михайлович.

– Ну-у-у, не это главное! Он сам за боевые заслуги награждён «Орденом Отечественной войны 2-й степени», «Орденом Красной Звезды» и множеством медалей, – дополнила жена рассказ мужа.

Спohватившись, Иван Михайлович с грустной гордостью добавил:

– Мои братья тоже воевали. Старший брат, **Александр Михайлович АПОЛОНОВ**, 1912 года рождения, служил на Западном фронте в ракетных войсках. Был ранен.

А брат **Семен Михайлович АПОЛОНОВ**, он с 1918 года, был лётчиком-штурмовиком на самолётах «Ил-2», наносил удары по немецким войскам на передней линии фронта. Тоже был ранен. Долго лечился в госпиталях.

Младшего брата, **Сергея Михайловича АПОЛОНОВА**, семнадцатилетнего, призвали в армию в 1944 году в парашютно–десантные войска. Хлебнул и он войны, хоть и воевал тогда, когда она была на последнем издыхании. Добивал гадину!

С тех пор, как я поближе познакомилась с четой Аполоновых, они для меня и моих коллег стали воплощением нежного, бережного, трепетного отношения друг к другу, порядочности, справедливости, совестливости. Когда звоню им, услышав мой голос, они радуются, как будто я их дочь. Единственный сын, к великому их сожалению, умер в детстве.

К этим милым людям всегда обращаюсь за советом: обязательно выслушают, помогут в любых жизненных ситуациях. И постоянно журят меня, что не берегу себя, не отдыхаю, принимаю всё близко к сердцу...

Обращаюсь к ним: «Иван Михайлович» и «Катюша», а в мыслях каждый раз всплывают слова знаменитой песни, символа их тревожной молодости: «Пусть он землю бережёт родную, а любовь Катюша сбережёт!».

Уверена, встретить они друг друга ещё до суровых испытаний сороковых-роковых, Катюша обязательно бы сберегла костёр той крепкой, чистой, как ключевая вода, и красивой любви, которая светится на их лицах до сих пор.

Апрель 2005 – август 2007

РОЖДЕНИЕ МАРША

Застолье... Чествовали ветеранов войны.

Шум: тосты, песни, воспоминания фронтовиков...

Откуда-то слева нет-нет да и донесётся необычный для моего уха тихий звон. Прислушалась: он то исчезает, то «оживает»... Пригляделась: Иван Михайлович встал – прорвалось коротенькое, но чёткое «дзинь-дзинь», произнёс тост, сел. На секунду повисла тишина, которую нарушила песня, затем тосты.

Иван Михайлович снова встал, протянул руку за салатиком, повернулся к Катюше... Звон, еле слышный, долетел до моего уха.

Я напряглась и догадалась: это звон орденов и медалей!

Удивилась необычайно – дело в том, что у меня снижен слух, я и не слышала раньше подобного звона, а, может, и слышала – не придавала значения... В полночь родился марш «Русь моя жива» – его я посвятила Ивану Аполонову.

Текст и ноты песни – в конце книги.

2006

P.S. Ивана Михайловича Аполонова не стало два года назад

МАРК ЯКОВЛЕВИЧ АРОНОВСКИЙ

Перед отправкой на фронт

ОБИДНО!

Как родственники мне рассказывают, Марк, мой родной дядя по материнской линии, жил в центре Москвы на улице Новослободская, в 17 лет ушёл добровольцем на фронт.

С первых дней войны был тяжело ранен в голову. Домой возвратился в 1945 году.

Однажды, месяца через два после возвращения с фронта, он с другом переходил улицу, чтобы позвонить по автомату...

Ехал троллейбус: за рулём сидела необыкновенной красоты девушка. Она только что отучилась на курсах вождения! Это был её первый выход на линию...

Марик погиб так нелепо: он не успел перебежать улицу!

Трагически погиб – в год Победы. В двадцать один год...

Обидно!

*Марина Григорьевна Павлова-Перельмутер,
племянница Марка Яковлевича*

Москва. 1944 год. Михаил и Иван (справа)

ГОРЬКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Когда меня спрашивают о названии моей организации:

– Вы – «Марья». А кто «Иван»? – Отвечаю:

– Иван Бабаков!..

Как-то завели мы с И.И.Бабаковым разговор: откуда родом он, где его застала Великая Отечественная война – далёкая и такая близкая, незаживающая рана и боль неутрачиваемая...

Иван Иванович, потрясающий рассказчик, говорит быстро, помнит массу интересных событий, мельчайших подробностей! Говорит-рассказывает, вспоминает, сворачивает куда-то по пути в сторону, опять «выбирается на нужную тропу» и снова ведёт рассказ на «заданную тему».

– Родился я в многодетной крестьянской семье в Курской области, недалеко от города Льгова, в деревне Чапли Иванинского района.

Деревня – всего-то триста дворов, а, сколько славных людей в ней проживало!..

Мама моя – героиня: родила нас восьмерых детей. Вырастила трёх братьев – Константина, Михаила, Василия и трёх сестёр – Анну, Матрёну и Марию. Ещё двоих детей не смогла уберечь в голодный 1933 год. Умерли! Брат и сестра. Бабушка с нами жила, тоже умерла от голода.

У всех тогда от голода опухали руки и ноги, мы ходить не могли.

Бабушка как-то сказала:

– Берите сумку, идите в другие села, может, они побогаче будут нашего, может, чья-то добрая душа поделится куском хлеба!

Мы ели травы разные, лебеду, коровяк, крапиву... всё другое, что жевалось. Во рту язык, зубы – всё было терпким, чёрным-чёрным. Кое-как спаслись. Выкарабкались, а тут война!

Брат мой, **Константин БАБАКОВ**, прошёл войну от Москвы до Смоленска, кажется, в 108-й бронетанковой дивизии. Он был артиллеристом. Согласно справке из Министерства Обороны, осенью 1943 года пропал без вести под Смоленском.

Военная дорога **Михаила БАБАКОВА** пролегла от дома до Ленинграда, на Курск, Курскую Дугу. Воевал он под командованием генерала Белова пулемётчиком конной армии.

*1946 год. В День Победы.
Василий стоит слева во втором ряду*

Василий БАБАКОВ, младший из братьев, ушёл на фронт в конце 1943 года. Под командованием Рокоссовского воевал и дошёл до Восточной Пруссии, до Кёнигсберга. Был ранен – осколок попал в спину. Долго болел, умер от ран в 1952 году.

Тут Иван, не раз смотревший смерти в глаза, заплакал от горя. У него даже голос и руки задрожали – как будто их некуда деть, как будто он в эту минуту, если б смог, расстрелял бы всех фашистов... Помолчал, потом, проглотив комков в горле, продолжил:

– **Анна КАРЕВА** (по мужу) и **Матрёна БАБАКОВА** (она не стала брать фамилию мужа), сёстры мои – им было в ту пору лет по двадцать пять – работали в госпитале во Льгове, затем жили и работали в колхозе. Время было трудное, Матрёна работала на лесоповале, грузила, сплавляла брёвна, доски и другой лесоматериал.

*Москва. 1943.
Анна и Матрёна в госпитал*

*Москва. 1943 год. Госпиталь.
Анна Карева с друзьями (стоит вторая справа)*

Мария БАБАКОВА, третья сестра, когда в 1941-1942 годах немцы вошли в деревню, оставалась дома с моим братом Василием, шестнадцати лет, и восьмилетним сыном. Муж ушёл в партизаны.

В нашей избе расположилась группа фашистов, семь или восемь человек: заняли кровать, полаты, на полу лежали... Один из них увидел Василия в пилотке, на которой горела на солнце, сверкала звёздочка. Немца это взбесило! Схватил пацана, стянул пилотку, швырнул её и хотел расправиться с Васей. Но мама моя стала отбивать сына и кричала:

– Оставьте сына, вы, изверги проклятые! Не троньте, он не виноват ни в чём! Ироды!

Их спасло, наверно, лишь то, что немцы не поняли этих проклятий и оставили её в покое: Васька схватил пилотку и убежал – закопал её в землю.

Фашисты потом узнали, что муж Марии – партизан, один из них грубо схватил её с младшим сыном, Мишкой, и повёл на расстрел.

В эти минуты молодая женщина стала усердно молиться Богу, держа сына на руках. Причитала и молилась Богу! Молилась и причитала! Слёзы, обжигая головку сына, текли ручьём, капали на землю. Немец смотрел на эту несчастную, невинную женщину и что-то дрогнуло в его душе – может,

вспомнил свою мать? – Подошёл к ним ближе и столкнул в яму. Не выстрелил. Они остались жить!

Сам я ушёл на фронт из Льгова под Москву. Когда нас привезли в Москву, всех выстроили и спросили:

– Кто имел дело с лошадьми, кто умеет с ними обращаться? Шаг вперёд!

Все сделали шаг вперёд, остался стоять я один, хотя и работал в колхозе с лошадьми, очень любил этих красивых, выносливых, работоспособных животных.

– А ты что ж стоишь? Что, ни разу не обращался с лошады? – Спросил меня работник сборного пункта.

– Я хорошо знаю лошадей, но я ещё и тракторист. Я окончил курсы трактористов. Работал на гусеничных тракторах ЧТЗ, потом «НАТИ». Хочу на танк!

– Иди пока на лошадь, а когда будут танки, тогда и пересадим тебя! Сейчас важна лошадь!

Иван Иванович объяснил, что такое «НАТИ»:

– Это первые машины, которые появились перед войной. Во время вспашки захватывали пашни по два метра в ширину. – И признался:

– Я был передовиком, пахарем-отличником. В своё время ночами пахал, а мой напарник, друг Мишка – днями. Нам было по семнадцать лет!

С Мишкой мы обрабатывали по девятьсот гектаров земли! И что интересно: Мишка, **Михаил Демьянович БУДЯКОВ**, в войну дошёл с боями до Варшавы, он был водителем, возил снаряды. Был в окружении. В боях мимо и поверх его головы свистели пули, рядом взрывались бомбы, снаряды, а ему – хоть бы хны! Ни царапинки! Однажды в кузов машины попал снаряд – кузов был в щепки разбит, а Мишка остался цел и невредим! Вернулся домой с Победой. Счастли-и-вый!

Его однофамилец, **Анатолий Иванович БУДЯКОВ**, после войны восстанавливал Курск, построил себе дом на окраине города, церковь построил. Был прекрасным плотником. Имел столярную мастерскую, парники. На его доме прибита табличка: «Образцовый дом».

А был ещё у меня друг **Пётр Петрович РЫБАЛКИН** – Петька-чудак его звали – сирота, пас скот и выучился играть на мандолине, балалайке, гитаре... На всех инструментах играл!

В войну его взяли в Московский духовой оркестр при Доме Советской Армии. После войны не нашёл я его...

– Да-а-а, повоевал я, навоевался досыта...

После ранения меня направили поднимать разрушенный Смоленск, Ржев, Нелидово. Война шла к концу, и мы поднимали сожжённые, разру-

шенные сёла. Всех, кто мог пахать, позвали на трудовой фронт. Брёвна для строительства домов возили. Там и встретил День Победы. Лет на десять задержались там с женой: обрабатывали огород, плели лапти...

Сегодня я, вот, с Вами – пою да стихи читаю, с подругой-балалайкой не расстанюсь. Да я с ней всю войну не расставался. Веселил однополчан. Музыка обладает магическим свойством: уведит человека в мир грёз, прогоняет страх и дарит надежду. Музыка – это святое! Ах, сколько родилось в войну прекрасных стихов, песен! Они самые лучшие из всех песен! Как они учат нас любить свою землю!..

Тут Иван Иванович спохватился – не всё рассказал:

– Знаете, не смотря на то, что мы, деревенские, пасли скот, пахали землю, сеяли хлеб, а ведь в каждую свободную минуту, особенно, в дождливую пору, брали только что вышедшую в свет – в 1937 или 1938 году – книгу Николая Островского «Как закалялась сталь», и читали её. Повсюду с собой таскали и перечитывали: она нас воспитывала.

Или, например, «Чапаев» Фурманова в переполненных вагонах поезда, мчавшего нас на фронт, читал кто-то, а все солдаты слушали.

Эти книги учили нас и закаляли! Учили мужеству, стойкости, терпению и любви к Родине.

Апрель 2007

Иван Иванович Бабаков до сих пор увлекается поэзией, прекрасно декламирует стихи. В военные годы писал заметки с фронта и рассказы.

*Иван Бабаков. 2004 год.
Весенний бал парартийцев.
Перед концертом.*

СИРОТА

Рассказ-быль

В июле сорок первого у Лены Душиной было двое детей. Меньшего **МИШУ**, фрицы увезли в Гамбург, а **Петя ДУШИН** остался в деревне под Курском.

Лена была большая мастерица, труженица, вела хозяйство, шила, вязала, тяпала свеклу в колхозе.

Рослая, статная, с косой чёрных волос, она походила на бабушку поэта Лермонтова, знакомая нам всем по книжному портрету.

Но дать пожить Лене до взросления своих детей судьба не удосужилась.

Муж **Степан ДУШИН**, серьёзный, или скорее, слишком гордый, уйдя в армию служить, в деревню боле не вернулся. Лена ездила к мужу в Кострому, звала его домой, к детям. Но он был почему-то зол, сердит. Торопился проводить жену и у моста толкнул Лену на перила. Она оступилась, упала и ушибла голову.

Петина мать не долго страдала: она умерла накануне фашистского нашествия. Ей было всего тридцать четыре года.

Степан, к тому времени уже средний командир, в зелёной фуражке, в сапогах, приехал в деревню на могилу жены: чувство вины не покидало его или совесть замучила?.. Или «нашёл» расплату за свой проступок?

Откуда ни возьмись немцы явились. Степана пленили. Правда, что потом с ним стало, никто не знал. Немцы «спрятали концы в воду». Возможно, как и сына Мишу, в Германию угнали...

Других пленных, военных и штатских, кто попадал под руку, гнали в соружённый лагерь у рощи, недалеко от станции «Пены».

Дощатый барак был отгорожен редким забором, сверху и снизу шла проволочная колючка. Петька не раз подходил к забору и сквозь щели высматривал пленников: нет ли тут отца? Они в грязной, потёртой одежде, обросшие, худые, уставшие, с ранами на лице, голове, руках с трудом передвигались по барaku. Как ни всматривался Петька, но никто не был похож на отца. Петя рыдал до икоты. Как жить: ни отца, ни матери?

Как-то пленников ввели на станцию грузить вагоны с ящиками, которые подвозили машины.

Вдруг появился немец: одет он был в серый мундир с иголочки, на груди красовался крест. И этот щёголь заподозрил Петю в связи с партизанами и затащил его в зал станции!

Вызвали переводчика, который, расспросив мальчика, сказал, что Петя ищет отца Степана. Покрутили Петю туда-сюда, осмотрели, проверили узелок

со снедью, карманы сюртука и вытолкали взащей. Падая, Петя расшиб нос, рукавом стёр кровь и, ругая фашистов: «Гады, гады!». – Пошёл к роще, к селу. В селе из жителей осталась пара-тройка немощных стариков.

Была осень, в лесу холодно.

Петин башмак продырявился – «каши просил», сюртук плохо согревал тело. Петька замёрз. И хотелось пить.

В конце леса у оврага усатый пастух в старом плаще, который спасал старика от ветра с дождём, пас овец.

– Что расквасился? Где был? – Остановил он Петю.

– Отца искал на станции. Вот, фашист долбанул в спину, – я упал и нос расшиб.

Пастух выпрямился и посуровел.

– Вот, гады! Детям не дают житья, что делать?.. А давай фашистам, Петя, отомстим! Вот эту «баночку» положить бы под колёса вагона, на рельсу, – мечтательно произнёс дед...

Он вынул из сумки банку, завернутую в тряпицу, и показал Пете её изгибом книзу. Это было самодельное взрывное устройство, напоминавшее мину.

– Меня эти изверги заметят днём, – как бы сокрушаясь, промолвил пастух, – а ты можешь прошмыгнуть!

Вытирая рукавом слезу с лица, Петя согласился отомстить гадам.

– Только ты жди меня у леса! – Строго наказал старик пацану.

Они пошли к станции.

Как было велено, малец положил «банку» на рельсу изгибом книзу. И только отошёл на двадцать-тридцать метров, как раздался гудок паровоза: стучали буфера. В это самое мгновение произошёл взрыв: угол вагона отломило, задымился мазут в бумажках, поезд застопорился.

Фашисты забегали, залаяли собаки, и, не найдя партизан настоящих, схватили Петю, оторвали у сюртука полу, сорвали картуз и затащили вновь в зал станции.

– Партизан? Кто послал? Чей ты? – Орал на него пожилой немец в мундире, держа в руках плетё.

– Я Душин, я Петя Душин, ищу отца, он в лагере, еду нёс ему. – Он показал узелок.

Его били ремнями, засовывали пальцы правой руки в дверь и зажимали до крови. Мальчик дико кричал от боли, судорожно подпрыгивая то на одной, то на другой ноге, ударяясь головой и спиной о дверной косяк, всё время повторял:

– Ищу отца! Я ищу отца!

Почти потерявшего сознание, его уже вечером оттащили в кювет, к зарослям, где он провалялся до утра. Утром там парнишку нашёл пастух, отвёл

в Пенскую больницу. Пете обработали раны, забинтовали руку, и дед привёл мальчика к себе домой. Только и сказал страдальцу:

Будешь пасти телёнка на лугу и пригрозил:

- Только никуда от избы! Вместе будем ждать своих.
- А скоро будут свои? – Спросил Петя.
- Скоро, будем ждать.

Дед **НИКИТА** предугадал приход нашей армии: фашистов с Курской земли изгнали в 1943 году. Советская Армия, развивая наступление, разгромила фашистов на «Курской дуге» и погнала катов за Днепр. Проходила Армия через станцию «Пены». Солдат радостно привечали в каждой избе все, кто остался жив.

Петю-сироту командир части, полковник КУЛИКОВ Ф.П., пристроил на кухню к повару НАЗАРОВУ. Однажды, проезжая на подводе с солдатом вдоль леса, Петя заметил в овраге группу фрицев.

Фашисты даже не подозревали, что Петька о них уже доложил высшему военному начальству. Гадов пленили: наконец, Петька отомстил за себя и других. Его наградили биноклем за бдительность.

– Наблюдай округу! – Воодушевлял его командир. – У тебя глаз острый!

Вскоре наступил 1944 год. Артиллерийская часть Куликова с боями двинулась на Ленинград.

Петя по всему пути продвижения видел развалины домов, пепелища от пожаров, трупы людей, погибших от бомбардировки и голода.

Довелось ему видеть и главарей фашистского гестапо, ответственных за злодеяния в Ленинграде.

Их, около сорока палачей, привезли на грузовых машинах и всех рядком повесили на построенных в центре уже освобождённого Ленинграда на перекладинах. Повешенные больше недели качались на морозе.

В начале сорок пятого, незадолго до Победы, сироту увёз на Южный Урал весь израненный офицер, подружившийся с Петькой в походах.

На Урале Петя, подросток – на верхней губе появился еле заметный тёмный пушок, окончил сельхоз-училище, женился. Потом построил себе добротный домик, завёл хозяйство, вырастил двоих детей в целинном зерносовхозе «Ленинградский».

Там и по сей день уже его дети пахут землю, сеют, выращивая новый сорт уральской зимостойкой пшеницы «Остая 4145».

Внуки работают на зерноэлеваторе «Троицкий», построенном с большим размахом в 1987 году комсомольцами Урала.

2004-2007

ПАВЕЛ ЗАХАРОВИЧ БОНДАРЬ

*10 апреля 1949 г., город Тамбов
Павел (слева) с сослуживцем*

Нелли Илларионовна, вдова бывшего фронтовика, ветерана Великой Отечественной войны Павла Захаровича Бондарь, любезно предоставила его воспоминания, которыми он делился после войны с учащимися школ. Наброски после его смерти так и остались в школьной тетрадке.

– Родился я 21 декабря 1925 года в семье крестьян в селе Закреничье Винницкой области. Через несколько лет после моего рождения наша семья переехала в Оренбургскую область, где я окончил школу и работал в колхозе.

8 февраля 1943 года был призван в ряды Советской Армии, учился в военно-пехотном училище города Актюбинска. После окончания училища с июня 1943 года был направлен в 17-ю Гвардейскую Воздушно-десантную бригаду.

В 1944 году в составе 106-й гвардейской дивизии был отправлен в Действующую Армию 3-го Украинского фронта.

В марте 1945 года наш полк вступил в бои в Венгрии и Австрии, участвовал в боях за взятие Вены, за что я был награждён медалью.

Тяжёлые бои были на озере Балатон, где наш полк разбил одиннадцать танковых дивизий фашистской армии.

После взятия Вены полк был переброшен под Прагу – там мы и узнали об окончании войны. Но немцы отходили трудно, с кровопролитными боя-

ми. Нашей задачей было их преследование и уничтожение. С боями дошли реки Влтава, по другую сторону которой стояли американские войска. Немцы пытались сдаться американцам, но те их не принимали, пришлось фашистам сдаваться русским. Их, немцев, было так много, что шествие во всю ширину улицы длилось около пятнадцати дней.

Летом 1945 года нашу дивизию направили под Будапешт, где мы стояли долго, жили в вырытых землянках.

Местное население встречало нас с восторгом. Несмотря на трудный марш, настроение бойцов было хорошее, так как закончилась война, и все готовились к возвращению на Родину.

В январе 1946 года наш полк передислоцировали в город Тейков Ивановской области, а в июне – в город Тулу, где он был расформирован. Я был направлен в 347-ой Гвардейский воздушно-десантный полк старшиной батальона.

В октябре 1948 года наш батальон был переформирован в 51-й Гвардейский воздушно-десантный полк.

В 1950 году мне присвоили воинское звание «лейтенант интендантской службы» и направили на должность начальника финансового довольствия госпиталя в составе Советских войск в Австрию.

В 1953 году меня назначают начальником финансового довольствия в составе Советских войск в Венгрию.

С 1957 года служил в военном госпитале № 402 города Калинина в должности начальника финансового отделения.

Затем служба продолжилась в городе Туле, и в 1972 году я был переведён на службу в штат Московского военного округа, где прослужил до октября 2004 года.

– 21 января 2005 года, – рассказывает Нелли Илларионовна, – после тяжёлой болезни мой муж Павел Захарович Бондарь скончался.

Пока жила рядом с таким человеком, как мой муж, бывшим фронтовиком, я не чувствовала его значимости в истории нашего государства. Их, воевавших, ещё было много, но каждый год они уходят. От ран, от болезней, которых полно в таком возрасте. Теперь с горечью осознаю, как много он и его сверстники сделали для нас, они подарили нам жизнь. Нам и следующим поколениям.

Павел Захарович был награждён двенадцатью правительственными наградами, в том числе и за участие в боях, четырьмя медалями и орденом Отечественной войны II степени.

ДЫХАНИЕ ЛЮБВИ

*Александр Веселовскому,
защитнику Сталинграда*

Солдатская каска торчит из болота –
Тяжёлые шли здесь когда-то бои:
Друзья мои гибли повзводно, поротно –
Врагу не отдали и пяди земли!

Иду вдоль окопа, что в зарослях скрылся, –
Я, словно, листаю страницы войны...
Здесь друг мой в предсмертье воды не напился,
Чуть-чуть не дожив до победной весны!

Строчил пулемётчик вот тут... где-то рядом,
И вдруг тишина: он подкошенным пал!
К нему не успела сестричка, что градом
Свинцовым была сражена наповал.

Под этой берёзой в бреду я валялся,
От ран обескровлен, почти что убит...
Хоть в миг просветленья я с жизнью прощался, –
Счастливая карта мне выпала «Жить!».

В беспмятство пал я на четверо суток.
Очнулся внезапно – поют соловьи,
Щекочут лицо лепестки незабудок, –
А я ощущаю дыханье любви.

И так захотелось мне вырваться, люди,
Из огненных лап той страшной войны, –
Чтоб выжить и жить в ожиданье прелюдий
Осенней поры, лета, зим и весны!..

Чтоб шуриться, глядя на яркое солнце,
Иль просто по полю пройти босиком,
Чтоб девушка мне улыбнулась в оконце,
К себе пригласила зайти вечером...

Отдал бы я всё за столетия мира, –
Дороги к Победе ведь слишком трудны!
И ноют глубокие раны-пунктуры...
Я всё-таки счастлив!
Я счастлив, что дожил до этой весны!

29 апреля 2006
М. Веселовская-Томаш

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ ВЕСЕЛОВСКИЙ ТАИСИЯ ГРИГОРЬЕВНА КОЧУНЕВА-ВЕСЕЛОВСКАЯ

29 июня 1941 года

*После битвы под Сталинградом
в госпитале города Магнитогорска.
Конец 1942 года*

ЗАПАХ ГОРЬКОЙ ПОЛЫНИ

Очерк

В праздники чаще всего мы собирались у родителей мужа.

За длинный стол, на котором красовались вкусные блюда, свекровь садилась слева от нас, а свёкор – справа. Мы, дети и внуки, восседали по обе стороны от них.

Почти всегда чаепития, застолья заканчивались воспоминаниями родителей о военных годах: как воевали, как встретили друг друга, а затем поженились, как трудно было восстанавливать порушенную экономику, страну поднимать из руин – они помнят всё до мелочей.

...Казалось бы, события отошли в давность, а свежи в памяти – будто только-только закончилась война, ещё гремит победный салют.

Когда стрелка Великой Отечественной войны стала заметно склоняться к своей второй половине, в 1942 году Тая поступила в Рязанское пехотное училище. Воевать ей, слава Богу, не пришлось, хотя несколько месяцев была во фронтовом резерве лейтенантом-миномётчиком под Сталинградом. Как раз наступил переломный момент, и Тая на передовую не попала. Можно сказать, ей повезло. Но она, кстати, была награждена Орденом Отечественной войны II степени.

Маховик войны, сначала набравший сумасшедшие обороты, стал со скрипом буксовать. Наступил светлый день, и фашистская колесница смерти остановилась!

Победа, оплаченная ценою миллионов человеческих жизней, пришла в каждое селенье, каждый город, большой и маленький. Пришла она, выстрадавшая сердцем каждого жителя огромной страны.

К счастью, Тае не пришлось заглянуть смерти в лицо, хотя дыхание она её ощутила в полной мере. В новом будущем без войны ждала её встреча с молодым, высоким, стройным, красивым лейтенантом Сашей. Особая выправка подсказывала, что он вчерашний солдат. Портрет мужественного молодого человека дополнял ёжик густых, пышных волос цвета шатен. Он был несколько раз ранен, но к любви это не имело никакого отношения!

...Шёл 1944 год.

Демобилизованный по ранениям молодой лейтенант Александр Веселовский работал в средней школе города Бора.

Военкомат его направил в город Дзержинск провести военные сборы с учащимися химического техникума. Тая в это время работала в военкомате. И тоже была направлена на эти же военные сборы.

...Александр, идя по тропинке двора, заметил: навстречу ему идёт симпатичная ну совсем молоденькая, невысокого росточка девушка-лейтенант. Ближе она оказалась ещё милей, но чуток взрослее.

*Таисия Кочунёва (в центре)
с подругами в г. Дзержинске
на военных сборах. 1944 год*

Он заговорил с ней, о чём – уже и не упомнит, так и познакомились.
– Тая! – Представилась девушка на вопрос, как её зовут.
Надо же, – подумал Саша, – и девушка красива и имя необычное!

Шустрая девчонка двадцати лет оказалась не только обладательницей необычного и редкого имени, стройной, а ещё в её глазах вечно плясали-вертелись весёлые чёртики. А какие пироги пекла! Была искусницей-рукодельницей.

Так переплелись их судьбы!

... Я решила: надо непременно оставить воспоминания родителей для потомков рода Веселовских. Сегодняшнее поколение передаст их следующему, чтоб никто никогда не забывал о тех зловещих событиях, которые творили варвары-каты на нашей родной земле. Чтобы помнили Александра Веселовского, который не прятался за спины других и героически сражался не на жизнь, а на смерть. Трижды был ранен и контужен. До сегодняшнего дня в его голове остаются пять осколков, застрявших во время войны, пять страшных «шансов» смертельного исхода: трогать опасно. Так и носит в себе постоянное напоминание о жизни и смерти. Как напоминание о зыбкости пребывания на земле... Чтобы потомки гордились своим дедом, прапра...дедом.

Обязательным «атрибутом» воспоминаний родителей было то, как прошла их «свадьба»: оба в военной форме, шинель в руках одного и другого, расписались без всяких формальностей, без ожидания на проверку месяца два. Из богатства – только любовь! Но разве этого мало?!

Где-то среди всего вороха воспоминаний, когда увлажнялись глаза и се-ребрились слёзинки, Таисия Григорьевна поднималась, подходила к Александру Петровичу, целовала в макушку. Он отвечал ей той же нежностью, обняв жену, прикасаясь губами к щеке и ко лбу.

Доставался альбом, и начиналось очередное путешествие по прошлому. Через фотографии оживали годы их молодости. События, которым, казалось, уже нет места в памяти, истёрлись они. Ан нет: всплывают чёткие и ясные родные лица. Всё вращается, как в калейдоскопе: то военные эпизоды приблизились, то вкрапнулись события уже мирной жизни, то опять они влывают в «до войны»...

В каждую встречу с родителями мужа я, ещё не только не открывшая дверь в литературу, а даже и не имевшая этого в помыслах, просто сидела и слушала, завидуя этим двум прекрасным людям: да, выпала война на их долю, но и огромное счастье. В пору всеобщей беды, горьких потерь и труд-

ностей они нашли друг друга и никогда не расставались, пройдя все суровые испытания, неожиданно ворвавшись в судьбу их поколения.

Таисии Григорьевны не стало семь лет назад. Шесть лет прошло, как скоропостижно скончался брат мужа Сергей, совсем молодым. Отец заметно сдал, пережив трагические минуты. Но жизнь продолжается во внуках, правнуках Тимофее, Элике, Владике и правнучке Милане – мы зовём её Милашкой.

По-прежнему семья Веселовских собирается за праздничным столом, правда, теперь реже и не в прежнем составе.

Горько сожалая о том, что когда-то не сохранила воспоминаний родного отца, которому тоже довелось воевать, кажется, под командованием прославленного полководца маршала Г.К.Жукова, внимательно слушаю Александра Петровича, боясь пропустить хоть слово.

Чуть слышно звучит слегка дрожащий от волнения его голос: Александр Петрович окупился в своё прошлое.

– Я родился третьего сентября 1923 года в селе Смолино Ардатского района Нижегородской области. Это между Дивеевым и Саровым. Вы все, уверен, слышали о Саровской пустыни, монастыре. Его так назвали в честь великого святого Серафима Саровского. Там после войны расположился атомный центр.

Отец мой, Веселовский Пётр Николаевич, родом из тех же мест. Он родился 12 октября 1903 года. Работал бухгалтером. В 1919 году, в шестнадцать лет, ушёл добровольцем в Красную Армию, это в Гражданскую войну. Ещё раньше, в 1918-1920 годах, тоже была война, – уточнил для малышни Александр Петрович. – Он был комиссаром лыжного батальона! Вот настолько к виду мальчишки были в то время серьёзными!

3 апреля 1949 год.

Слева направо:

Таисия, Евдокия Кузьминична и Александр Веселовские

Мама моя, ваша бабушка-прабабушка, Маресева Евдокия Кузьминична, родом из города Ардатова, работала учителем. В нашем роду были артист, пономарь, крестьянские бедняки, учителя, воспитатели детских садов...

В тот знаменательный для нас день мать приготовила нехитрый свадебный стол: сварила картошку в мундире и поздравила нас с Тасей. Тогда не то, что сегодня: таких богатых столов, которые ломались бы от яств, деликатесов, не могло быть... В наши дни роскошные свадьбы играют, а молодые поживут год-полгода и разбегаются. Да-а-а, мы с Тасей прожили долгую и счастливую жизнь. Почти шестьдесят лет! Дни нашей молодости пришлись на войну, но души не зачерствели, мы не озлобились. Да и в жизни послевоенной мы нашли достойное место.

Я, кажется, отвлёкся. – Александр Петрович поправил очки, отодвинул чашку с горячим, душистым чаем, чтоб остыл немного.

– Начало войны? Да, помню. Сразу, после окончания школы я поступил в Ленинградское Краснознаменное артиллерийско-техническое училище. А восьмого июля 1941 года уже был контужен под городом Лугой.

После ускоренного окончания училища в январе 1942 года меня в звании воентехника II ранга направили военпредом на Тульский оружейный завод № 314, эвакуированный в город Медногорск, что под Оренбургом. Но я там служить отказался – в тылу, с женщинами, которые тут же зашушукались: «Женишка к нам прислали!».

Поехал я в Оренбург, в штаб военного округа.

– Прошу отправить меня на фронт!

– У нас сейчас не формируются артиллерийские части, только пехота.

– Согласен в пехоту!

Так я оказался в 196-ой стрелковой дивизии, которая формировалась в местечке Соль-Илецк на границе с Казахстаном.

В дивизии было много казахов, не все они говорили и понимали по-русски, что вовсе не было преградой для дружбы. Да и не велось пустых разговоров. Не до них было. Через некоторое время кое-кто из казахов уже смешно лопотал по-русски, кто-то что-то начинал понимать. Солдаты только и говорили о том, чтобы скорее разгромить врага и вернуться к мирной жизни!

Пришлось специально изготавливать в артмастерской кипятильники, так как казахи очень любили чай.

После формирования дивизия была переброшена под Сталинград, где вошла сначала в 7-ю резервную армию, преобразованную затем в 62-ю. Позднее она стала 8-й Гвардейской.

Десятого июля того же 1942 года наша дивизия была переброшена за Дон, где заняла оборону. С запада, со стороны Донбасса, надвигалась одна

из сильнейших в гитлеровском вермахте 6-я армия Паулюса, прошедшая победно по Европе, имевшая богатый боевой опыт. В ней было более четверти миллиона солдат. После того, как она встретила упорное сопротивление с нашей стороны, к ней присоединилась 4-я танковая армия. Вместе с 6-й армией Паулюса к Дону шли румынская, итальянская, венгерская армии. Немецкие солдаты передвигались на машинах, мотоциклах, а у итальянцев были даже ослы! У венгров – конница.

Наша армия и дивизия боевого опыта не имели, приобретали его уже на поле боя.

В начале боёв немцы превосходили нас численностью в полтора раза – это, примерно, сто шестьдесят тысяч человек, в танках – в два, а в самолётах – в четыре раза.

Бои уже развернулись в Донской степи. Совершенно голая, слегка всхолмленная, выжженная зноем равнина, перерезанная реками Чир и Лиска. Вдоль речек и по балкам расположены хутора, в которых росли сады.

В балках росли кустарники, но от их некогда бывшей изумрудной, кучерявой шапки остались блёклые или уже высохшие, свёрнутые листики, почти серые, которые в руках рассыпались в порошок. Они опадали слёзками на землю. За такими кустами не очень-то замаскируешься.

Днём нас мучили зной и жажда: воды было мало. Подвоз боеприпасов, пищи и воды был крайне затруднён, так как всё время в воздухе господствовала немецкая авиация, а укрыться было трудно, почти невозможно.

С рассвета по двадцать пять – пятьдесят самолётов выстраивались в «карусель». С воем пикировали и бомбили, обстреливая всех и вся из пушек и пулемётов. В воздухе постоянно барражировали «рамы» – двухфюзеляжные самолёты-разведчики.

Наша армия оборонялась активно, предпринимала крупные контратаки, перераставшие в упорные встречные бои. Доходило дело и до рукопашных схваток. Силы были неравные, но всё же нам удалось сорвать план немцев – двадцать пятого июля с ходу захватить Сталинград. Не получилось у Гитлера блиц-крига!

Ценой своих жизней нам удалось на целый месяц задержать продвижение немцев на Дону. Не только мы, но и немцы несли значительные потери. Всего за двести дней Сталинградской битвы они потеряли полтора миллиона своих солдат. Особенно тяжёлые бои за Доном шли двадцать пятого и двадцать седьмого июля, когда в сражении участвовали наши две танковые армии, 1-я и 4-я. Они находились ещё в стадии формирования и комплектования.

После боя на одном из холмов вся земля была серой от осколков. Я смотрел на землю – казалось, была глубокая осень. Ни травинки зелёной, ни цветочка: всё выгорело, побурело, поседело. От взрывов, от огня, от горя...

Как мы выжили в тех условиях, сегодня даже трудно представить! Каждый из нас располагался в окопе или ячейке, которые едва успевали отрыть. Верхний слой земли был твёрдым, как камень. Днём нас изнуряли зной, жажда, а ночью было довольно холодно. Завернёшься в плащ-палатку или шинель, как в кокон, согреешься, боишься шевельнуться, чтоб не ушло тепло. Только разносится по степи густой, терпкий запах горькой полыни, к которому примешивались гарь и пыль. Резкий запах облизывал слизистую носа и глотки, разъедая её, затем по горлу всасывался в лёгкие – по самые бронхиолы, вызывая приступы удушья. Пока частично не приседала пыль, и не рассеивалась гарь, спасал кашель. Но кашлять громко – нельзя! Всё-таки фронт!

Чувство опасности как-то притупилось. Я даже не могу сказать, что было страшно – скорее любопытно: лез туда, куда мне совсем не надо было!

В дни смертельной опасности больше думал о матери: ей тяжело будет, если меня убьют.

В 1942 году мой отец, **Пётр Николаевич ВЕСЕЛОВСКИЙ** также, как и в Гражданскую войну, ушёл на фронт добровольцем. В первый же день пропал без вести: поезд отошёл от вокзала, попал под бомбёжку... И всё – никаких следов о том, что жил человек на земле! А ведь у него была броня, освобождение от армии, так как у него было очень плохое зрение. В ту пору маме было всего сорок лет. Она так и не вышла больше замуж – всё ждала мужа с войны. А прожила восемьдесят девять лет!

Пётр Николаевич Веселовский (первый ряд, крайний справа) – в 16 лет в должности комиссара лыжного батальона. 1919 год

Должен заметить, что тогда не было чувства какого-то героизма: делал то, что нужно. И всё! Сейчас уже многое забылось, вспоминаются отдельные эпизоды.

Однажды ночью мы с шофёром на грузовом автомобиле везли мины к 120-миллиметровым миномётам: это боеприпасы очень большой взрывной силы.

Уже рассветало, а мы были ещё в пути. Буквально в полукилометре от батареи, куда я вёз мины, был мостик через небольшую, безымянную речушку, вернее, ручей. Брёвна на мосту, видимо, не скреплённые между собой, раскатились в разные стороны, и наша машина села на раму. В это время более десятка наших танков пошли в атаку. За ними на бреющем полёте гонялись немецкие самолёты. Ко мне подбежал майор-танкист.

– Убери машину! – Кричал он, размахивая пистолетом.

Один из самолётов дал очередь прямо по нам, и мы упали рядом.

Я говорю ему:

– В машине 120-миллиметровые мины, если они сдетонируют, от нас останется лишь мокрое место.

Один из танков вытолкнул наш автомобиль вместе с остатками моста. Другие танки форсировали ручей сходу и вступили в бой. Мне пришлось добираться до батареи под обстрелом. Тем не менее, мины я привёз вовремя: как оказалось, их запас на батарее подходил к концу.

Мы внимательно слушали мерный, тихий голос нашего выдавшего вида бывшего фронтовика.

День Победы Александр встретил буднично: студент Горьковского индустриального института (сегодня это Технический Университет), в который поступил в 1944 году на автобронетанковый факультет. Он шёл от поезда домой. Его ждала мама.

– Моросил дождик. Я шёл быстро. Навстречу шли люди, которые и сообщили мне радостную весть. Наконец, наконец-то разгромили врага!..

Александр Веселовский после пяти с половиной лет учёбы в институте стал дипломированным специалистом, и в январе 1950 года был направлен на Горьковский автозавод. Прошёл все этапы становления руководителя: мастер, начальник участка, заместитель начальника цеха. Член партии стал заместителем секретаря парткома. И пошёл в рост по партийной линии. Секретарь райкома партии, заместитель председателя Комитета Областного Партийно-Государственного Контроля. Не удивительно, что образованный, умный и серьёзный специалист в один прекрасный день стал заместителем главного инженера Горьковского автозавода, а через некоторое время – директором Заволжского моторного завода, откуда его перевели в Москву в

Госснаб СССР (Государственный комитет СССР по материально-техническому снабжению) на должность начальника Управления машиностроения. На этом посту Александр Петрович находился до выхода на пенсию.

Не могу представить его начальником: он никогда не повышает голос. О крепких выражениях не может быть и речи. И сейчас льётся спокойный, полный драматизма, рассказ.

– Удивительно, – встрепенулся Александр Петрович, – как лошади чувствовали бой! Жаль, погибало их много.

Как-то ночью я наткнулся на нашу разбитую батарею. Весь расчёт погиб, а непривязанные лошади хмуро стояли, понутив головы, как будто скорбели. Когда я тронул одну из них, она переступила с ноги на ногу и снова приняла такую же печальную позу. Ржание лошадей, как плач по бойцам, было еле слышным. Даже дарованная лошадям свобода казалась совсем ни к месту, не радовала их.

В конце июля, видимо, из-за больших потерь в технической силе, у немцев появились танки и небольшие двукрылые самолеты «Фиат», окрашенные в жёлтый цвет. Они первоначально, как говорили, предназначались для ведения боёв в Африке. Заняв место на господствующих высотах, лётчики с этих самолётов наблюдали и гонялись даже за одинокими людьми. Один из них обстрелял и меня. Я ехал верхом на лошади, вдруг на меня с горки буквально на высоте телеграфного столба летит самолёт. Каким-то образом я успел слететь с лошади, а он первым заходом убил лошадь. Потом дважды разворачивался и строчил по мне. Я, скорее инстинктивно, чем осознанно, укрылся за телеграфный столб, – если человек вообще может укрыться за столбом. Другого выхода не было.

В третий раз, не знаю почему, немецкий лётчик высунулся из кабины – я хорошо видел его лицо в больших очках – пригрозил мне кулаком и улетел.

Уцелел я только благодаря тому телеграфному столбу.

И ещё помню, как мне дважды говорили о смерти без всяких на то видимых причин. Как предчувствие.

– Кто говорил? – Не понял Евгений, старший сын Веселовских, мой муж.

– Мы с квартирмейстером полка шли в хутор Плесистовский. Был хороший, тихий солнечный день. Словно и не было войны вокруг. Вдруг он говорит:

– Меня сегодня убьют!

Я даже не обратил внимания на его слова. Смерть ходила за нами по пятам, потому и не придавал особого значения его высказыванию.

В хуторе квартирмейстер зашёл в одну из хат, а я остался на улице.

Начался авианалёт. На этот раз я притаился за погребом, покрытым

дёрном, и переползал с одной стороны на другую, когда самолёты меняли направление. Вдруг одна из бомб попала прямо в хату! Все, в том числе и квартирьер, погибли! Тут же вспомнил его слова о смерти, и мне стало не по себе. Выходит, человек предчувствует последние мгновения своей жизни?..

Второй случай был на пароходе «Иван Тургенев», когда меня тяжело-раненого везли из Сталинграда. Там, в одном из госпиталей, мне удалили четыре осколка без обезболивания: держали за руки и ноги, так как никаких наркотических средств не было. Даже водки не дали – не было!

Один из моих соседей, старший лейтенант, был ранен в кисть руки. На пристани в Камышине он плясал под гармошку, а потом сел ко мне на постель и говорит:

– Я сегодня умру...

– Ты что? – отвечаю ему, – здесь вон, какие лежат: одному кишки запихнули в живот, у другого обе ноги ампутировали, а ты ранен в руку! Ты что, брат?!

Когда раздавали ужин, медсестра спрашивает:

– А где старший лейтенант?

Я ответил, что после Камышина он сидел рядом со мной и почему-то говорил, что сегодня умрет. Стали искать его везде, и нашли на багажной полке мёртвым.

г.Магнитогорск. Декабрь 1942 года. Эвакуационный госпиталь.

Начальник госпиталя врач Стурова (в первом ряду третья справа).

Раненые перед выпиской. Крайний справа в первом ряду Александр Петрович Веселовский

*Александр после госпиталя.
Начало 1943 года*

Горько, очень горько и обидно, когда гибнут люди.

Шестого августа 1942 года после отражения немецкой атаки остались мы, несколько солдат, с начальником штаба нашего полка капитаном **САУНИНЫМ Павлом Ивановичем**. От огня противника и без того малочисленные наши подразделения несли тяжёлые потери. Поэтому в бою участвовали все – и мы, и штабные санитары. Боем руководил непосредственно Павел Иванович. После боя мы возвращались на командный пункт полка. Шли рядом. Вдруг ему чем-то снесло верхнюю часть головы. Я онемел от ужаса, потом по инерции рванул вперёд: вот она, Косая, дышит прямо в затылок!

В это время неподалеку появились немецкие танки и автоматчики. Похоронить капитана я не смог.

С группой в пять-шесть человек по оврагу мы отошли к хутору Гуреев. О том, как и где погиб капитан Саунин П.И., я смог рассказать однополчанам только через сорок лет, когда на встрече с учениками московской школы имени В.И.Чуйкова, нашёл Совет ветеранов нашей дивизии. А тогда, во второй половине дня седьмого августа 1942 года мимо нас, нескольких бойцов, шедших по дороге из хутора Плесистовского, промчалась телега. Ездовой крикнул:

– Что вы здесь сидите?! Впереди уже никого из наших нет! – Проехал мимо.

Некоторое время спустя на этой самой дороге появилась наша пушка на конной тяге. А затем один за другим стали спускаться с бугра шестнадцать немецких танков, сопровождаемые большим количеством автоматчиков, ведущих огонь.

Наша единственная пушка решительно приняла бой на себя. К сожалению, не знаю, кто были те артиллеристы, но они оказались настоящими героями: шли заведомо на верную гибель, так как отступить возможности не было.

Прикрывшись берегом реки Лиски в трёхстах метрах от нас, молодые, бесстрашные ребята открыли огонь по приближающимся немецким танкам, которые потом развернулись по фронту и пошли на нас в атаку. У нас же были только винтовки, мы оказались под шквальным огнём танков и автоматчиков. Пройдя берегом спасительной речки по пшенице перевалили через высоту и вышли из-под обстрела.

Вечером подошли к Дону, переправились на другой берег под ливневым огнём. Здесь я был ранен в ногу и, касательно, в голову. Добравшись уже до восточного берега, я снова получил ранение, на это раз тяжёлое, и потерял сознание.

Очнувшись где-то в полночь, не мог сразу сообразить, где я и что со мной. Понял только, что дела серьезнее, чем предполагал: подобрал перебитую руку с мелкооскольчатым переломом; рана была в боку и на ноге; кровь от ранения струилась по щеке и шее, капала на грудь. Багровые капли застыли, кое-где на одежде уже и высохли. В таком вот виде и состоянии собрался с силами, рискнул пойти ночью под артобстрелом на восток. К утру был подобран зенитчиками Отдельного Зенитного Артиллерийского Дивизиона (ОЗАД) № 1088.

Александр Петрович надолго замолчал, находясь во власти тяжёлых воспоминаний.

– Что было дальше? – Не выдержав длительной паузы, уточнила я.

– Дальше? – Операции. Четыре с половиной месяца находился в эвакуационном госпитале в городе Магнитогорске: туловище и рука были в гипсе. У раненых эта повязка называлась «самолёт». В итоге был признан негодным к строевой службе.

Александр Петрович приумолк. Перебирал в памяти события, словно чётки, припоминая, всё ли рассказал, не пропустил ли что важное, интересное для ребятшек.

Очнувшись, «возвратившись за стол», он придвинул чашку с давно остывшим чаем, хлебнул и продолжил:

– Хочу рассказать об одном эпизоде героизма, которому был свидетелем.

В один из августовских дней немецкие самолёты стали беспорядочно сбрасывать бомбы, нарушив строй своей «карусели». Я заметил, как два наших истребителя пикируют сквозь этот чёткий строй двадцати пяти немецких самолётов вверх-вниз и строчат из пушек и пулемётов. Один сбитый ими «Юнкерс» упал рядом с нами. Как и чем кончился бой, не знаю, они удалились за холмы.

После лечения в военных госпиталях, я приступил к мирной жизни. Через сорок лет узнал, что просил пристрелить меня после тяжёлого ранения.

– Как? Почему? – В один голос спросили мы.

– На встрече со своими однополчанами в Совете ветеранов дивизии его председатель, полковник КУРОПАТКОВ Евгений Петрович, рассказал о том, что я просил меня пристрелить. Боль была невыносимой. Просто находился в ступоре, как говорят сегодня. Не помню, нет, не помню этого эпизода. Точно помню, что боялся в плен попасть. В ту пору мне ещё не было и девятнадцати. Этого момента в своей жизни я, находясь в шоковом состоянии, не помню, а, вот, соседа своего, который также просил его пристрелить, хорошо помню: старший сержант Иван КАЛИСТРАТОВ.

Александр Петрович тяжело вздохнул, умолк, засобиравшись домой.

Полковник Веселовский – весь во власти огненных событий более чем шестидесяти пятилетней давности...

Стало ясно: ни о чём больше спрашивать его не следует. Ему надо дать время отойти от прошлого, возвратиться в «сегодня».

Декабрь 2005 – октябрь 2007

КАЛИНА

*Светлой памяти бабушки
Евдокии Кузьминичны Веселовской –
Солдатской вдове*

Я тебя провожала в солдаты:
Поезд прямо на фронт уходил.
Для меня почернели закаты,
И рассвет алых зорь стал не мил.

Треугольников-писем ждала я.
Так ждала, что вернёшься домой!..
Похоронка меня отыскала,
Окрестила солдатской вдовой.

Каждый год я к тебе приходила
В скорби к братской могиле весной,
В День Победы цветы приносила
В них роняя слезу за слезой.

Целый день твоё имя шептала,
Глядя памятник нежно рукой.
Всей душой я войну проклинала,
О любви говорила с тоской.

Жизнь моя на исходе, любимый,
Ты прости, коль замкнётся мой круг.
Теперь чаще хожу я к калине,
А к тебе приезжать будет внук.

Ах, калина, калина лесная, –
Память вспыхнувшей первой любви,
Белым цветом весенним пленяя,
Огоньками под осень гори!

Много лет та калина цветёт-отцветает –
Ты её посадил перед самой войной.
Все дороги мои уже близятся к краю:
Я прошла их достойно солдатской вдовой.

25 января 2008

Мария Веселовская-Томаш

СПИТ МАМАЕВ КУРГАН

В1967 году я была на экскурсии в Волгограде – совсем недавно, в 1961 году, переименованный Сталинград, посетила Мамаев курган...

...Восьмидесятые годы прошлого столетия. Страна отмечала День Победы. Я прильнула к экрану телевизора: шёл репортаж о праздновании этого дня в разных городах.

...Волгоград: сразу узнала величественную скульптуру «Родина-Мать». Вдруг моё внимание привлёк фронтовик: одна штанина брюк подобрана, сложена в том месте, где должно быть колено, и приколоты сзади на уровне пояса.

Он осторожно прислонил свои костыли к кургану и на него опустил руки. Голова, плечи содрогались от рыдания. Мужчина уронил голову на руки и замер. Стоя на одной ноге, долго-долго плакал, гладил землю, как головёнку малыша.

Прошло много лет, но этого фронтовика на Мамаевом кургане я не могла забыть. И в последующие годы мне довелось видеть фотографию его – видимо, кто-то оказался рядом с фотоаппаратом и запечатлел горькую, трагическую минуту в жизни воина: историческое мгновение-фотографию потом я видела, кажется, на обложке журнала «Огонёк. Снова пережила состояние, когда всколыхнулось моё сердце. Уже в 2005 году читаю газету для ветеранов войны с напечатанными стихами незнакомого поэта. Выплеснулась душа: родились вот эти строки, которые посвятила А.П.Веселовскому. Строки поэта-незнакомца взяла в качестве эпитафии: в них мало слов, но столько драматизма! Столько невыразимой боли! Здесь всё соединилось-переплелось:

Тебе не больно, Земля,
Посреди тишины?
В тебя упираются два костыля
Инвалида войны...

Автор неизвестен

Спит Мамаев курган,
Тишиною объят,
И, страдая от ран,
Плачет бывший комбат.

Отложив костыли,
Он к кургану приник
И сквозь стоны земли
Слышит памяти крик...

«...Не на жизнь, а на смерть
Я бойцов посылал,
Грозный, огненный смерч
Не щадил их, сжигал...

Полегли сыновья,
Защищая свой дом.
Жив остался лишь я...
И вина ль моя в том?

Да, ребят не сберёт:
Сам подкошенный пал.
Я б прервал, если б смог,
Адский, ливневый шквал».

Замер бывший комбат,
Слёзы льются ручьём.
Он воюет опять –
Защищает свой дом...

Густо пенилась кровь,
В Волгу горько текла.
И своих, и врагов
Хоронила земля...

Сталинград... Волгоград...
Мой Царицын родной –
Здесь сыны твои спят,
Береги их покой!

И скорбит пантеон
Над могучей рекой.
Не погаснет огонь
Над священной землёй!

Спит Мамаев курган,
Тишиною объят,
И, страдая от ран,
Плачет старый солдат...

*24 ноября 2005
Мария Веселовская-Томаш*

ПЕТР ФЕДОРОВИЧ ВОЛЕГОВ

Фотография 1941 года – единственная, присланная с фронта. Реликвия.

Пётр Фёдорович Волегов родился в селе Жилино Алтайского края в 1915 году.

В первый день Великой Отечественной войны ушёл на фронт и не вернулся. Семье сообщили: «Пропал без вести». В двадцать шесть лет сгинул с лица земли.

Столько лет прошло, а рана в душе жены не заживала: ждала и ждала мужа с фронта. Всякое бывало в те годы: вдруг на рассвете кто-то стучался в окно, спящие во сне вздрагивали, а затем в одно мгновение дом оживал от радостных вскриков, рыданий, причитаний: «Вернулся! Жив!».

Родственники семьи Волеговых тоже ждали все годы после конца войны, так и не дождавшись взбуждающего радостью рассвета...

Где упокоилась душа Петра, молодого красивого парня из далёкого алтайского села?..

Какие вьюги поют ему свои колыбельные, чтобы спал он крепким сном?..

Какие дожди скорбят над ним и плачут неизбывными слезами?..

Какие ветра доносят радостные вести от родных?..

Неизвестно.

Как неизвестны могилы миллионов бойцов...

2006

Валентина Овчинникова-Милова, племянница

ЛЕОНИД СЕРГЕЕВИЧ ГРИГОРЬЕВ

*Леонид накануне войны.
Слышны... слышны уже шаги врага...*

Эта фотография, сделанная перед началом войны, уносит Леонида Сергеевича в те далёкие, полные трагизма, дни.

Он работал тогда в цеху № 5 завода № 207 «Дирижабльстрой». Завод располагался за городом – на станции Долгопрудная. Цех, в котором трудился высокий, стройный паренёк с густой шевелюрой тёмно-каштановых волос, серыми глазами и пухлыми губами паренёк, занимал помещение и территорию Храма Вознесения Господня у Никитских Ворот, в котором в своё время венчался А.С.Пушкин.

На заводе изготавливали плоскости хвостового оперения и гондол дирижабля и испытывали их. Материалом для изготовления плоскостей служила листовая нержавеющая сталь толщиной от 0,03 мм и выше.

Кроме этого, силами цеха, который разместили в католическом костёле на Малой Грузинской улице, изготавливалась, также из нержавеющей стали, многометровая скульптура «Рабочий». Кстати, это творение украсило впоследствии советский павильон на промышленной выставке в Нью-Йорке.

Свидетель исторических событий Леонид Сергеевич сокрушается: точно не помнит, когда была открыта та выставка, не то в 1939, не то в 1940 году, – но зато память сохранила имя её автора: Николай Андреевич Андреев.

– Этот разговор я повёл вот к чему: из обрезков нержавеющей стали на заводе я делал значки – символ воздушного флота. Значок состоял из крыльев, мотора и пропеллера. Крылья и пропеллер готовились из нержавеющей стали, а мотор – из двухкопеечной монеты. Вот этот самый значок красуется на лацкане моего пиджака.

Смотрю внимательно на фотографию и вижу: да, значок, как значок. Но не подумаешь, что самодельный. Но ведь это настоящий символ того времени.

По прошествии многих десятилетий Леонид Сергеевич задумывался над мыслью: а правильно ли поступили в годы советской власти, разместив завод в храме, а цех – в костёле? Это большой грех, естественно, но тогда это казалось нормальным явлением. Более того, не смели возразить... Слава Богу, всё вернулось на круги своя!

На войну Леонид попал, когда ему было почти 21 год. Страшно было, но пулям он не кланялся. Защитник города-героя, города-легенды – Сталинграда. В своих стихах он неоднократно обращается к теме войны и, в частности, – битве за город на Волге.

Весной 1942 года Леонид Григорьев был призван в Красную Армию и направлен в полковую школу при 200-м отдельном зенитно-пулемётном батальоне, располагавшемся на станции «Левобережье». После её окончания он был в звании сержанта распределён в Двинский Гвардейский миномётный полк.

Через город Елец на эшелонах новобранцев направили на Брянский фронт, где шли тяжёлые бои. В 1943 году Леонид Сергеевич участвовал в битве под Сталинградом, где получил контузию и надолго оказался в Камышинском военном госпитале. К сожалению, ни одной фотографии тех грозных дней не сохранилось.

Его заслуги перед Родиной отмечены орденом Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Москвы» и «За оборону Сталинграда».

После войны Леонид Сергеевич долгие годы работал в научно-исследовательском институте радиоизмерений Госстандарта. Он не стал учёным, но про таких, как он, принято говорить: «Мастер – золотые руки». В свободное от работы время он всегда находил для себя много интересных занятий. Среди его увлечений были: поэтическое творчество, астрономия, скульптура, авиамоделизм и создание моделей судов. Занимался он и парусным спортом, оснастив своими руками яхту. Свой интерес к окружающему миру он стремился привить дочери и сыну.

Уйдя на пенсию, Леонид Сергеевич ещё больше увлёкся поэзией, а, получив возможность публиковать стихотворения в районной газете, испытал большой прилив творческих сил.

Благотворное влияние на развитие его таланта, по его собственному признанию, оказали занятия в литературном объединении Центра «Иван да

Марья». Стихи Л. Григорьева вошли в ряд различных сборников, изданных при участии членов литобъединения. Он постоянный участник поэтических конкурсов, выступает со своими стихотворениями в концертных программах на сцене ДК «Маяк».

Поэт-фронтовик издал два поэтических сборника: «Только с нами память остаётся, Только память сердца не умрёт» и «Стихи» (посвящён любимой жене).

Творчество Леонида Григорьева самобытно и многогранно. Вот уже более десяти лет продолжается его сотрудничество с местной газетой «Персей», где впервые были опубликованы его стихотворения и поэмы, написанные в разные годы. Его лирические произведения такие непохожие по содержанию! Но все они отличаются необыкновенной выразительностью и образностью мышления. Немало поэтических строк в них посвящено военным воспоминаниям.

Священный май
Мне память теребят
Года пороховые...
Ах, где они лежат,
Ребята боевые?

Весна! Апрель признался:
За Пасхой май приходит.
Вон день как раскачался,
А ночь быстрее проходит.

Ох, майские денёчки
Мою тревожат память...
Хочу на Вас, дружочки
Войны далёкой, глянуть.

А предо мной страница
Зовёт: «Зажгите свечи»,
Там с Приднестровья Птица
Про Вас слагает речи.

Те речи непростые,
А писанные кровью,
И в них слова святые
О Вас, друзья, с любовью

02 апреля 2001

Я СТАЛИНГРАД НЕ ЗАБЫВАЮ

Я строчку скромную роняю –
Она души моей полёт,
И в том смысл жизни обретаю:
Строка потом добром взойдёт.

И пусть услышит Волга строки,
Которые друзьям дарил,
Потом, пройдя сквозь бой жестокий,
Их, недошедших хоронил.

Нет ближе города другого –
Отдать врагу его нельзя:
У стен разрушенного дома
Стояли насмерть мы, друзья.

Не дрогнув, смерть в бою встречали,
Для нас земли за Волгой нет!
Огнём «Катюши» отвечали –
В огне врагу был наш ответ.

Я Сталинград не забываю.
В руинах в памяти встаёт
Волна кровавая вскипает,
И Волга вдаль её несёт.

Что ж, времена не выбирают.
И мир теперь давно не тот...
Я строчку, как слезу, роняю,
Посев мой песнею взойдёт.

Взойдёт, неся мне облегченье,
Осветит душу мне добром,
Святой Победы откровенья...
Победы совести над злом.

27 февраля 2002

КАТЮША

Разлетелись головы и туши,
Дрожь колотит «Фрицев» за рекой –
Это песнь свою поёт Катюша»,
Посылая немцев на покой.

В страхе немец в яму прыгать станет,
Головой зароется в сугроб.
Но и здесь его мотив достанет, –
И станцует немец прямо в гроб.

Ты лети-лети, как говорится,
На куличики, к чёрту на обед,
И в аду таким же дохлым «фрицам»
От «Катюши» передай привет!

Расскажи, как песню заводила,
Расскажи про Катины дела,
Про того, которого лупила,
Про того, чьи кости разнесла.

Все мы любим душеньку «Катюшу»,
Любо слушать, как она поёт,
Из врага вытряхивает душу,
А друзьям – отвагу придаёт.

Октябрь 1942

НИНА ФЕДОРОВНА ГРИШИНА-РЫЖИХ

*Нина Гришина.
Лейтенант медицинской службы. 1943 год*

Нина Фёдоровна Гришина (Рыжих) – поэтесса, писательница.

Живёт в Москве, но часто приезжает в Муром, где она родилась в праздничный день 23 февраля. Там прошли ей детство и юность.

После окончания школы работала в госпитале города Муром. Ей приходилось дежурить на аэродроме во время боевых вылетов, заниматься эвакуацией раненых лётчиков, совершать долгие поездки на санитарной машине – в пургу, холод, мороз.

Нина Фёдоровна вспоминает:

– Думаю, что девушки на войне потому и вынесли невыносимую нагрузку, что были подготовлены физически. Я в школьные годы занималась физкультурой и спортом, сдавала нормы БГТО и ГТО, училась стрелять.

С 1943 года – по личной просьбе через Муромский военкомат – я была в действующей армии, в авиации дальнего действия. Служила начальником аптеки батальона 12-го Гвардейского (впоследствии Гатчинского) полка авиации дальнего действия. Участвовала в оказании помощи раненым лётчикам, занималась доставкой медикаментов, витаминов и продуктов питания для лётного состава.

Около тридцати лет эта необычайно энергичная и молодая душой женщина занимается «ветеранской» работой. Член президиума совета ветеранов авиации дальнего действия, человек удивительный, потому что никогда не сидит без дела, потому что посвятила себя поиску пропавших на фронтах войны.

В Муроме, благодаря её хлопотам, была открыта мемориальная доска на школе – скорбный список тех, кто здесь учился и работал и кто не вернулся с войны.

Она продолжает поиск погибших, чтобы увековечить их память.

Ещё одна знаменательная акция: Ни на Фёдоровна долго хлопотала, чтобы Муромской школе № 16 было присвоено имя её земляка – Героя Советского Союза Леонида ТЮРИНА, искала родственников Героя, посещала улицу и дом, разговаривала с соседями...

Нина Фёдоровна Гришина (Рыжих) – получила звание «Человек года» 2003 за доблестный труд по служению Муромскому краю. Награждена многими медалями за боевые заслуги и орденом Отечественной войны 2 степени.

В одной из подмосковных школ есть стенд, посвящённый Нине Фёдоровне.

Нина Гришина (Рыжих) – автор сборника «Я родом из Мурома», которая получила поощрительный диплом Правительства Российской Федерации, и только что вышедшей книги «Патриарх отечественной проктологии» – о профессоре, докторе медицинских наук Рыжих А.Н., о знаменитом, ныне покойном, муже Нины Фёдоровны. Примечательно, что издательство Рекламно-информационного агентства на «КМВ» этой книгой открыло серию «Жизнь замечательных врачей».

ПАРТИЗАНСКАЯ ЛЮБОВЬ

Стоял сентябрь 1943 года. В лесу было тихо. За два с половиной года Вадим впервые ощутил прелесть Брянских лесов. Ему бесконечно дороги красивые места с лесными братьями. Природа дорога не только своей красотой, но и тем, что отвлекала, согревала, побуждала к воспоминаниям. Вадим и Мария сидели, обнявшись, на лесной поляне и молча любовались окружающей их красотой. Они грустили о тех, кто лежал в земле, так тепло и мягко укутанной жёлто-красными листьями. Но это была светлая печаль. Молодые сердца их стучали радостно, впереди была жизнь, впереди было счастье, впереди была Победа!

Здоровье Вадима давало о себе знать. Ныли раны. Болело плечо. Одолевал затяжной кашель. Командование решило дать ему отсрочку от службы, настояло, чтобы он ехал домой. Радость предстоящей встречи с родителями окрыляла его.

Марии предстояло покинуть родные места. Как примут её родители Вадима?

И тут начались новые испытания. С трудом добрались они до Тулы, которая была проверочным пунктом. Здесь царила толчея и неразбериха. Из местных властей им никто не мог или не хотел помочь. Дело в том, что у Вадима были проездные документы. А у Марии – нет.

– Мы муж и жена, – говорил Вадим.

– Где документы, подтверждающие сказанное? – С холодом вопрошал один из тех, от кого зависело выдать пропуск или нет?

– В партизанском отряде нет ЗАГСов, – отвечал Вадим.

Марии пришлось возвращаться в свою Соловьёвку. От ближайшей станции она шла пешком. Ласковые лучи солнца, осеннее разноцветье родного края почему-то навевали грусть. Сёстры встретили Марию с радостью.

Тем временем Качалов прибыл в родной город Муром. Мать Вадима была на работе. Соседи поспешили на завод и просили идти домой.

«Тебя ждёт радость!». Она ответила: «Моей радостью может быть только сын, а его нет, он – погиб...». У порога дома её встретил муж, отец Вадима. На нём был галстук. Но не было верхней сорочки и пиджака. Он ходил взад и вперёд в носках, а новые ботинки держал в руках. Был как будто потерянный.

– Сын вернулся! – Проговорил он. Изумлённая мать зарыдала от счастья.

Вадим был назначен на медицинскую комиссию, которая признала его ограниченно годным.

Эпопея устройства на работу заслуживает особого разговора. Ему не верили в родном городе, подозревали, а здоровья тем временем не прибавлялось. Усилились кашель, головные боли. Он плохо спал. В бессонных ночах, оставаясь наедине со своими мыслями, он думал о Марии. Как же быть? Кто поможет?

Помог устроиться на работу отец одноклассника Володи Заболотского – Павел Ильич. **Володя ЗАБОЛОТСКИЙ** погиб в феврале 1944 года, и первым, кто пришёл разделить горе семьи Заболотских, был Вадим Качалов. Вадим был принят на работу начальником штаба ПВО завода им. Орджоникидзе, где работала мать Вадима.

В Соловьёвке у Марии родился ребёнок. Слабенький, он так и не поднял головку и через три недели умер. Мария заболела и пролежала месяц в

постели. Она жила надеждой. Она верила Вадиму. Верила в их любовь. Вера помогла встать на ноги, обрести и восстановить силы и дух. Ещё шла война, и Мария, как и весь народ, терпеливо ждала победы. Вадим и его родители посылали вызов Марии, но тщетно. Нужны были документы, чтобы поехать в Муром. Справка, которую ей выдали ещё в отряде, что они с Вадимом муж и жена, вызывала у людей просто усмешку. Она поселилась отдельно на краю села. Устроилась на работу. А когда заполняла анкету для поступления в члены ВКП(б), написала – замужем. Секретарь райкома пожалел Марию и выписал ей командировку... в Муром.

Почти сорок пять лет прожили Вадим и Мария в Муроме. Бесконечно дорога каждому из них медаль «Партизану Великой Отечественной войны» первой степени.

...Спустя много лет после войны довелось Вадиму обратиться к бывшему командиру соединения за жизненным советом. Не гладко шло устройство с бытом, с получением квартиры...

Хранит наш партизан, как память, внимание прославленного вожака, дважды героя Советского Союза Фёдорова. Письмо подписанное им лично.

...В моей домашней библиотеке есть небольшая книжка «Земля Брянская», издательства “Искусство”, 1972 года. Автор книги Михаил Цаплинко рекомендует побывать на древней Брянской земле и посетить “Мемориальный комплекс на партизанской поляне”, воздвигнутый в честь павших и живых участников партизанского движения.

Этой чести по праву удостоены и наши земляки – партизаны Великой Отечественной – **Вадим и Мария ИКОННИКОВЫ**.

В конце мая 1989 года Вадим скончался, сказались старые раны. От горя Мария не могла говорить. Казалось, оборвалась частица её жизни. Вадим был инвалидом второй группы. Нелегко было Марии всю жизнь ухаживать за ним, но их отношения были светом для всех, кто их окружал – близких, родных, соседей, друзей. Их партизанская любовь прошла через все испытания.

ПОМНЮ

Вновь война не даёт мне покоя,
Эпизодами входит в мой стих.
Может нынче об этом не стоит –
О погибших, а надо ль о них?

Помню город военной тревоги.
Все – на фронт. Толчая. И вокзал.
От него по казанской дороге
И меня на войну поезд мчал.

Миг прощанья. Заискрились слёзы.
Причитала напутствие мать
– Одевайся теплее в морозы
И не вздумай без шапки гулять!

Скрежет старых холодных вагонов
И гудка паровозного свист.
Помню, как на знакомом перроне
Незнакомый играл гармонист...

И помчались по рельсам колёса
Им – родные пейзажи во след.
На полях боевых, смертоносных
Земляки оставляли свой след.

Я о них, о живых – в сорок первом
Воевавших на разных фронтах,
Вспоминаю недремлющим нервом
И скорблю в девяностых годах.

Муром – Москва, 1991

Время неумолимо и безжалостно. В свой стремительный вихрь оно вовлекает и людей: всего неделю назад не стало Нины Фёдоровны... Остались её талантливые строки, как свидетеля войны, войны, у которой. Говорят, не женское лицо...

Январь 2010

ДЕВУШКИ СОРОКОВЫХ

Милые девушки в серых шинелях –
Их нежные руки в боях загрубели...
И серебром ваши косы, подруги,
Украсили рано военные вьюги.

Вас годы суровые сороковые
Обули в обмотки – ботинки мужские
И горем хрусталь ваших глаз затянуло
То грозное двадцать второе июня...

А вашим глазам бы – тепло излучать,
А вашим рукам бы – любимых ласкать, –
Но вместо кудрей держат пальцы девчонок
Злой вестник смертей – скорбный прах похоронок.

В холодной и тесной землянке вам снятся
Неспетые песни и школьные вальсы,
Красивые платья, балы выпускные...
Навек в вашей памяти сороковые!

1987

Валентина Колесникова (Крым, Украина)

ДМИТРИЙ ТИМОФЕЕВИЧ КАЛИНИН

ВСПОМИНАЯ ЗАЩИТНИКОВ РОДИНЫ

Дмитрий Тимофеевич Калинин родился в 1918 году. Как и многие его сверстники, он испытал все тяготы послереволюционного времени, страшную нужду и голод. Нетрудно представить, сколько усилий и настойчивости пришлось ему приложить, чтобы поступить в Ивановский мединститут.

Жизнь постепенно налаживалась. Студент Дмитрий Калинин строил планы на будущее. Уверенность в своих знаниях и необыкновенное трудолюбие служили основанием для того, чтобы эти планы сбылись. Всё перечеркнула война.

Вместе со своими однокурсниками Дмитрий ушёл на фронт. 23 февраля 1942 года он принял присягу, а с июня того же года стал старшим врачом полка. На его плечи легла большая ответственность. Можно считать большой удачей, что рядом с ним в одном медсанбате оказался известный хирург Николай АМОСОВ. Всю жизнь Дмитрий Тимофеевич гордился знакомством с этим замечательным человеком.

Нам трудно представить себе, сколько боли и страданий пришлось увидеть и испытать любому участнику войны, особенно врачу. Недаром, спустя годы, в стихах Калинина часто присутствует суровый лик войны.

Я помню всё в былых сраженьях –
Шрапнельный смерч и смерть солдат,
Морозный снег при наступленьях,
Залитый кровью маскхалат.

Всё повидал на белом свете –
Снарядный рёв и едкий дым.
Я был в армейском лазарете
Лечебным богом фронтовым.

С тех пор мне снятся вдовьи беды,
В дыму коричневый рейхстаг,
И тот счастливый день Победы,
И над Берлином алый стяг.

Военный хирург Дмитрий Тимофеевич Калинин дошёл до Берлина в звании майора медицинской службы. Памятью о «роковых сороковых» являются боевые награды – ордена Красной Звезды и Великой Отечественной войны, медали «За взятие Берлина», «За взятие Варшавы», «За боевые заслуги» и многие другие.

Прослужив в Германии ещё десять лет, Д.Т. Калинин вернулся в Россию, а в 1967 году вместе с семьёй приехал в наш город Мытищи Московской области. Он полюбил этот город, который стал для него второй малой родиной. Здесь он долгое время работал в центральной районной больнице врачом-дерматологом, здесь же познакомился с литературным объединением имени Дм. Кедрина, начал писать стихи. В них он вспоминает фронтовых друзей, «рисует» картины природы.

Вновь весна не за горами:
Стаял с крыш лежалый снег.
Вот и речка за холмами
Набирает быстрый бег.

Тучи мчатся вереницей,
Словно в небе журавли.
Мне б за ними вольной птицей
Улететь на край земли.

А в лесу на всех осинах
Разыгрался птичий спор,

Ручейки звенят в лощинах —
Тоже рвутся в общий хор.

Глухари поют на зорьке,
Пляшет звёздный хоровод.
Я стою один на горке
И дивлюсь на небосвод.

Вот и талая дорога
Обнажила санный путь...
Только зимняя тревога
Лихорадит часто грудь.

Чуткая отзывчивая душа поэта воспринимает пробуждающуюся от зимнего сна природу с лёгкой грустью. «Зимняя тревога»... Не отголосок ли давно прошедшей войны? В 2006 году исполнилось десять лет с того дня, как ушёл из жизни семидесяти восьмилетний ветеран Великой Отечественной войны. Но, благодаря его делам и стихам, мы помним о нём.

Татьяна Собежанская

ХИРУРГ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ. ДМИТРИЙ ТИМОФЕЕВИЧ КАЛИНИН

С этим человеком я познакомился в 1984 году перед свадьбой его сына Игоря. Он произвёл на меня впечатление человека порядочного, скромного, честного и очень отзывчивого. Впоследствии, примерно в течение десяти-двенадцати лет, мы время от времени периодически встречались, и он читал мне свои стихи, в основном посвящённые военному времени, но были и лирические.

В то время у нас в Мытищах действовало (оно и сейчас благополучно процветает) литературное сообщество — ЛИТО им. Дм. Кедрина. Дмитрий Тимофеевич посещал занятия литераторов, но его там воспринимали, как человека несколько неподготовленного в технике стихотворчества, но он не углублялся в эти тонкости и писал стихи сердцем, эмоциями своей открытой души, что мне очень нравилось. В тот период я не писал стихи, и мне казалось, что к нему напрасно придирались. Да, эти стихи с позиции сегодняшнего дня

мне кажутся несовершенными, наивными, но эмоциональный накал, открытость души полностью компенсируют недочёты. Оглядываясь назад, я думаю, что этот человек построил мне мостик в будущую творческую жизнь, за что я ему благодарен.

И в мирное время Дмитрию Тимофеевичу тоже приходилось «воевать» за здоровье своих земляков-мытищинцев в городской больнице и только в поэзии он ощущал благотворное состояние покоя. Темы были разные: природа, патриотизм, история родного края и другое...

ПОСВЯЩЕНИЕ ДМИТРИЮ КАЛИНИНУ

Хирург военных лет

Дмитрий Тимофеевич – хирург военных лет,

Ретро-фотография, твой памятный портрет,

Молодость, идущая по огненным путям,

Помощь, сострадание, стоны здесь и там,

На полях, окрашенных в ярко-красный цвет.

Наш хирург в готовности и даёт ответ

На вопрос решающий: «Жить или не жить?»,

Продолжая Родине клятвенно служить.

И война кончается, мир приходит вновь.

В сердце просыпается к творчеству любовь.

09 января 2010

Александр Медведев

*С другом – справа Евгений Карташёв.
Курсанты Арзавирского авиачилища. 1941 год*

А ВОКРУГ ЦВЕЛИ ТЮЛЬПАНЫ...

Очерк

Санаторий «Русский лес» расположен в лесу Владимирской области на живописном берегу реки Клязьмы. Место достойно кисти художника: сплошь сосны, ели, берёзы и другие деревья прямо у воды. Мне не приходилось видеть в Москве такого голубого, чистого, искристого снега – аж глазам больно смотреть! В это время года весь трудовой люд работает, а отдыхают, в основном, ВИП-персоны: ветераны, инвалиды, пенсионеры.

Среди нас были артисты-любители, и мы решили подготовить вечер «Память» – недавно отмечался трагический юбилей: снятие блокады Ленинграда...

Вечер прошёл замечательно, а мы, группа любителей активного отдыха, очень подружились.

«В лесу» я нашла и Е.С.Карташёва: он оказался не только обладателем приятного голоса, но и замечательным танцором! Все призы были наши!

По возвращении домой, конечно же, Евгений Сергеевич с супругой

Юлией Ивановной, стали членами ПараАртийского Центра «Иван да Марья». Часто на наших посиделках, выступлениях Евгений Сергеевич нет-нет да и вспоминал свою боевую юность.

Бывшие фронтовики для нас самые дорогие Иваны да Марьи! Им мы обязаны всей своей жизнью. Эти строки пишутся исключительно из благодарности тем, кто подарил возможность их писать.

Я стала расспрашивать своих старших коллег о том, какие события выпали на их долю. Понимаю, что тяжело вспоминать те годы, сердца до сих пор болят, раны терзают их, но ... если они уйдут с этой Земли, – кто расскажет нашим потомкам о тех днях, которые по насыщенности, накалу, значимости можно назвать только как «Героические дни»!?

Каждый боец свершал чудеса – он ковал Победу. Отдавал жизнь за наше с тобой, Читатель, будущее. Такова была сила духа, любви к своей земле, а не потому, что жизнь человека была бесценна в отрицательном значении этого слова. Жизнь была дороже всего на свете, но её отдавали во имя другой жизни...

Компьютерный набор этой рукописи я попросила сделать молодую девушку Лиду, только что окончившую среднюю школу.

Лида возвратила набранный текст со словами:

– Ой, я так хохотала, когда печатала воспоминания Евгения Сергеевича!

– Почему? – Спрашиваю.

– Он так расписал всё, что можно подумать, они тогда все сплошь героями были...

Мне стало стыдно. Потом стало горько и обидно. Подумала: пройдёт ещё немного, ещё совсем немного лет, и не станет никого из тех прославленных творцов Победы, героев. Настоящих героев! Никто не сможет вызвать никаких добрых эмоций в душе юного поколения. Так сегодня читают о победителях армии Наполеона... Неужели выветрится дух высокого патриотизма?

С ещё большим стремлением и желанием выпрашиваю своих старших коллег о Великой Отечественной войне. Даже если, вдруг, они что-то и украсят в своём рассказе – освободившие полмира от всепоглощающего огня имеют на это право.

Итак, даю слово Евгению Сергеевичу Карташёву.

– Родился я в 1921 году. Увлечаться техникой начал ещё до школы.

Семья наша жила на территории меховой фабрики в районе Покровско-Стрешнево города Москвы. Рядом с нами шумела стройка канала «Москва – Волга», где основную работу выполняли заключённые. Там я познакомился с шофёром грузового самосвала и часто приносил ему что-нибудь поесть. В

благодарность за это он брал меня в кабину грузовика и даже разрешал подержаться за руль.

В детстве я любил с пригорка наблюдать, как над Тушинским аэродромом летают самолёты, прыгают парашютисты. С восхищением вглядывался в небо, где кружили самолёты, словно исполинские птицы, выписывая разные фигуры, взлетали и приземлялись.

В душе я мечтал стать таким же бесстрашным, как те, кто бороздил небесные просторы, но меня всегда мучила мысль: а возьмут ли меня в авиацию? Ведь, наверное, все, кто там работает, – настоящие богатыри. Я же слишком худощав, если не сказать тощий, да уж больно высок.

После смерти отца наше семейство – я, мама и сестрёнка Галя – остались без средств к существованию. Мать не работала, всю жизнь была домохозяйкой. Мне ничего не оставалось, как идти работать на производство.

В конце 1939 года я стал учеником электромонтёра на автозаводе имени Сталина (ныне автозавод имени Лихачёва). За два года вырос от ученика до электромонтёра шестого разряда.

Однажды, в конце 1940 года, ко мне пришёл товарищ и позвал вступить с ним в аэроклуб Свердловского района города Москвы. Надо было только пройти медкомиссию. Я засомневался:

– Туда, наверняка, берут только крепких здоровяков, а я, как шпала, худой и длинный.

Он заверил меня, что и здоровяков, бывает, бракуют.

Медкомиссию, к моей радости, удалось пройти, и я был зачислен в аэроклуб.

После работы, не заезжая домой (а жили мы тогда уже в Останкино), я ехал в аэроклуб осваивать технику по моделям, чертежам и теорию полёта.

Успешно сдав все экзамены по этим дисциплинам в аэроклубе, который находился рядом с платформой «Планерная», мы приступили к полётам.

Помню первое впечатление восторга и радости от ощущения полёта и всего увиденного в воздухе.

... Заканчивался 1940 год.

Я уже летал самостоятельно на самолёте «ПО–2», крутился и вертелся в небе голубем, выполняя задания моего лётчика–инструктора.

22 июня 1941 год... Разразилась война, нас для окончания учёбы срочно решили вывезти из Москвы в Рязанскую область, в город Тума, в котором как раз располагалось авиаучилище.

Я подал заявление об уходе с производства и с аэроклубом выехал в Туму. Через три месяца, успешно закончив обучение, получил удостоверение лётчика–пилота четвёртого класса. Меня направили в Армавирскую военную авиационную школу пилотов (АВАШП).

По прибытии нас, юнцов, «обкатали» на самолётах «УТИ-4» – это двухкабинный самолёт «И-16».

Шло время. Мы снова изучали теорию полётов, материальную часть самолёта, тактику ведения воздушного боя и часто ходили в караулы, занимались шагистикой.

А война, кровавая, беспощадная, разгоралась с каждым днём всё больше и больше: враг был коварен. Родина наша истекала кровью, палач приближался к Москве, а мы всё ещё не получили самолётов, не летали, так как самолёты шли только на фронт: их там очень не хватало.

В конце 1941 года пришёл приказ маршала Тимошенко, чтобы из нашего училища отправить на Крымский фронт в Махачкалу шестьсот человек курсантов в пехотные войска. А ведь мы уже были готовые пилоты, имели свидетельства!

Когда собрали всех курсантов и зачитали приказ, сказали:

– Желающие драться с фашистскими извергами, два шага вперёд!

Весь строй шагнул вперёд. Вместе со всеми стоял и я. Нас всех отправили в пехотную часть.

Учитывая то, что мы уже имели военную подготовку, умели стрелять, ползать по-пластунски, нас учили недолго, где-то двадцать-двадцать пять дней, и, вручив нам оружие – винтовки образца 1918 года, гранаты и патроны – отправили эшеленом на Крымский фронт.

Из города Махачкалы далее двигались быстро, доехали до Новороссийска всего за два дня. Выгрузились, а тут до фронта рукой подать.

Помню, прямо с марша нас бросили в атаку на наступающих фашистов.

Уцелело тогда нас мало. Каким-то чудом остался в живых и я.

....После неудачной атаки мы, оставшиеся в живых несколько человек, влились в 57-й стрелковый полк 417-й дивизии и продолжали воевать с наступающими частями Майнштейна.

Бои показали преимущество немцев в людском составе, в технике, особенно, в авиации. Немецкая авиация полностью господствовала в воздухе. Не давала нам подвезти ни боеприпасы, ни питание, ни что-либо другое.

Как-то, изрядно проголодавшись, мы, солдаты, нашли немного сухарей на разбитом авиацией грузовике. И, самое главное, – пулемёт «Максим», бывший в употреблении, с запасом патронов. Я, естественно, взялся за технику, быстро его освоил и стал пулемётчиком. Со мной было трое солдат: двое – подносчики патронов и третий из них помогал тащить пулемёт.

Наступал май 1942 года.

Нас фашисты прижали почти к самому городу Керчь.

Последний приказ командира роты: нам троим, по возможности, надо было задержать наступающих немцев, чтобы рота могла по небольшому оврагу отступить на подготовленные позади нас новые рубежи обороны.

Приказ, есть приказ. Мы развернули «свой» «Максим» в сторону наступающих немцев и приготовились к бою.

Погода стояла прекрасная. Южная теплынь. Небо синее-синее, глубокое, как море. Вокруг нас на зелёном «ковре» цвели удивительно яркие, красивые розовые, красные и жёлтые тюльпаны. Как будто и не громыхала рядом война и смерть не подстерегала нас на каждом сантиметре неба и земли, ежесекундно готовясь забрать чью-то молодую жизнь.

Я, помню, ребятам сказал:

– Вот и венков не надо: кругом живые цветы. Вокруг какие тюльпаны цветут!..

Фашисты шли во весь рост, выставив вперёд автоматы. Это были «живые» наступающие цепи.

Справа от нас по асфальтированному шоссе шли немецкие танки. Определив расстояние и установив прицел, я открыл огонь по первой шеренге немцев. То ли с испугу, а, может, всё-таки достала моя очередь, но первая шеренга упала.

Вдруг «Максим» замолчал: что-то заело!

Я приподнялся над щитком и увидел в стволе застрявшую оторванную головку патрона. Хотел следующим патроном достать эту головку, но не успел. Фашистские снайперы, которых сбрасывали на парашютах впереди наступавших немецких войск, своим выстрелом меня «отключили». Я, потеряв сознание, упал.

Как мне потом рассказали, два оставшиеся в живых солдата положили меня на шинель и поволокли в овражек. Пронзившая острая боль от удара головой о камень привела меня в чувство. Я оклемался, не сразу понял, что ранен. Солдаты, потащили меня дальше, подхватив под руки, и так мы выбрались к нашей роте. Рота заняла уже подготовленную линию обороны. Мы спасены!

Откуда-то привели лошадь. Меня и ещё одного солдата, раненого разрывной пулей в обе ноги, посадили на лошадь. Мы, как потом выяснилось, через минное поле счастливо добрались до первого перевязочного пункта. У меня оказалось тяжелое пулевое ранение правой стороны груди.

Так я очутился в госпитале города Кисловодска. После нескольких операций извлекли из моей груди немецкую пулю и подарили «на память». Война – не до «сувениров»: потерял её.

...Я стал приходить в себя потихоньку и тосковать: ждал писем от Юлечки, девушки, с которой познакомился накануне войны, – а их не было. Невыносимо тяжело было на душе, так как не знал, жива ли она... Стал писать на все фронты, искал её. Она была медсестрой, постоянно находилась в опасности. Понимал, что не раз пригибалась и кланялась земле, ползала, подбирая раненых солдат. Всё понимал и тем паче волновался, боялся за её жизнь.

По излечении стал просить комиссара госпиталя направить меня снова в АВАШП для окончания учёбы, а меня собирались отправить опять в пехотные войска. Доказывал ему, что я пилот, вожу самолёт «ПО–2»:

– Вон женщины и девушки воюют на «ПО–2», а меня в пехоту, – почему? Я могу принести больше пользы там, где пригодятся мои знания!

Долго не сдавался комиссар. Приказ! Но всё-таки, не выдержав моего напора, сказал:

– Ладно! Дам тебе документ для направления в АВАШП. Но если ты не пройдёшь комиссию, вернёшься ко мне, и тогда уж я точно отправлю тебя в пехоту!

Медкомиссию я прошёл, меня оставили в школе. Направил, конечно, соответствующее письмо комиссару госпиталя с сообщением о том, что я стал курсантом авиашколы.

Опять учёба, опять муштра, опять... а техники всё нет и нет.

Наша АВАШП перебазировалась в Узбекистан, в город Андижан.

Я успешно закончил переобучение по управлению истребителем «ЯК–9». Снова рвался на фронт. Как москвич, был направлен в ПВО города Москвы, куда я и прибыл в начале 1943 года.

Пройдя обучение в полку на английском истребителе «Супермарин Спит-файер», я начал выполнять боевые задания.

Вместе с командиром звена **РЯЖЕНЦЕВЫМ** мы отрабатывали полёты парой, то есть двойкой – основной боевой единицей в то время.

Во время одного из таких полётов нам встретилась тройка «Мессершмиттов-109».

Закрутилась карусель! Удалось сбить один немецкий самолёт, остальные удрали, а мы, поднявшись выше облаков, увидели, что фашистский стервятник «Хенкель-111» направился на передовые позиции наших войск.

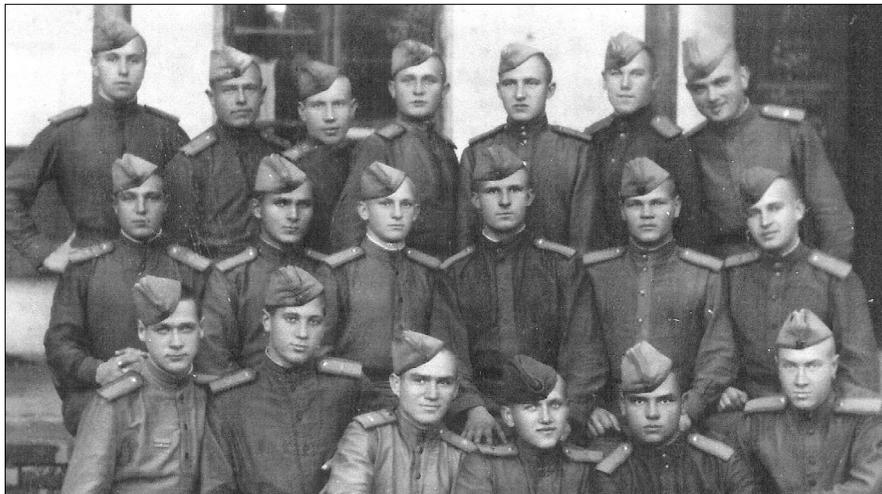
«Девятый», так обозначался командир моего звена, приказал мне, «Сорок седьмому», зайти фашисту в хвост, и мы с двух сторон открыли по нему пушечно-пулемётную очередь.

Фашистский стрелок был убит очередью командира звена, и моя очередь достигла цели: правый двигатель «Хенкеля-111» задымился, но самолёт

продолжал ещё лететь. Мы выпустили по нему все оставшиеся боеприпасы, и самолёт, объятый пламенем и дымом, рухнул вниз.

За этот бой командир звена получил орден боевого «Красного знамени», а я был награждён орденом «Красной звезды».

Война продолжалась, я воевал до победного разгрома фашиста...

Первый слева в первом ряду – Евгений Карташёв. Разбор полётов. Москва. 1944 год

После долгожданного Дня Победы я продолжал летать в составе 67-го авиаполка 6-го авиакорпуса. Только в 1946 году подал рапорт об увольнении из рядов войск. Ушёл работать на строительство. Но по 1955 год меня постоянно привлекали на военные сборы совершенствования лётного состава.

Уже в мирное время я строил жилые дома в родной Москве. Многие дома Новых Черёмушек, района северо-запада, Люблино, Рабочего Посёлка, Кунцево, наверняка, помнят мои лицо и руки ...

Кстати, и Кремлевскую больницу я строил. Сейчас она называется ЦКБ. В ней периодически «подкрепляю» и я своё здоровье.

Одно время работал главным специалистом в «Минмонтажспецстрое» СССР. Бывал в загранкомандировках по работе – главным механиком строительства, главным энергетиком строительного комплекса. В Минстрое СССР занимал пост главного энергетика. Работал и в Совете Министров СССР, который руководил эксплуатацией и ремонтом всех инженерных систем и оборудования в правительственных зданиях Кремля и в ближайших от него.

Забыл отметить: всю жизнь я не расставался с песней, очень уж люблю это дело! В песне живу. Музыка продлевает мою жизнь, даёт мне силы. Находясь на пенсии, в 1992 году я стал солистом Театра Ветеранов района Москвы Строгино, в этом районе живу. Выступаю перед жителями, как своего района, так и Северо-Западного, Центрального и Южного округов столицы.

Выступаю на концертных площадках в ДК «Красный Октябрь», «Салют», «Маяк», в кинотеатрах и концертных залах Дома Российской Армии, в Храме Христа Спасителя, в Доме общественных организаций, в домах ветеранов Москвы.

Пою до сих пор и благодарю Господа за то, что сохранил мне жизнь, подарил длинный путь и наградил способностью жить, растворяясь в музыке. Когда пою, забываю обо всём: о невзгодах и ноющих фронтовых ранах.

Наслаждаюсь жизнью!..

А Юлию свою я всё-таки нашёл – на «Дороге Жизни». И ей пришлось хлебнуть военного горя сполна.

Мы вместе с того победного, звенящего, поющего мая 1945 года.

Октябрь 2005 – август 2007

ЮЛИЯ

Свинцом всё небо тучи затянули,
Уплыли в ночь, как кипень, облака...
На верность мы Отчизне присягнули
Коварного разбить и наглого врага.

Но где-то на военном перекрёстке
Свою любимую, невесту, потерял.
Свистели пули беспощадно, хлёстко,
А я по письмам сокровенным тосковал.

«Юлия! – Всем звёздам в небе свой вопрос я задавал, –
Где она?» – В полях, лесах её отчаянно искал.
Плакало в ответ мне эхо равнодушной тишины.
... Юлию с «Дороги жизни» вынес, – вырвал у войны!

Ах, как длинны дороги фронтовые,
Но долгожданный День Победы наступил –
Сердца в глубоких шрамах, молодые
Салют любовью навсегда соединил.

Вновь соловьи спать не дают, шальные,
Поют без устали, как много лет назад,
Нас возвращают в годы фронтовые –
В полёты над Москвой, в блокадный Ленинград...

29 апреля 2004

Мария Веселовская-Томаш

ЗА ТЕХ, КТО ЖИЗНЬ СВОЮ ОТДАЛ (Поминальное танго)

Евгению Карташёву –

Война грозой разбушевалась,
Земля дрожала от раскатов,
Стена живая поднималась
На бой смертельный с супостатом.

Была в трагичный год, суровый
Та ночь июньская распята.
День новый огненно-багровый
Оплакал первого солдата...

Вам в белых вальсах не кружилось
И зорь вечерних не встречалось,
Не целовалось, не любилося –
Лишь о Победе вам мечталось!

Полк истребителей отважных
Вписал в историю страницу.
Героям-лётчикам бесстрашным
Должны все низко поклониться.

Налейте в чарки вина и молча поднимите
За тех, кто жизнь свою отдал во имя светлых дней.
Четыре тяжких года – нет, вы не забыты:
Вы раны и рубцы на сердце Родины моей.

*12 сентября 2006
М.Веселовская-Томаш*

МАТВЕЙ ЕРМОЛАЕВИЧ КАШКОВСКИЙ

Рукопись альманаха уже в издательстве. Идёт вёрстка оригинал-макета. Почтальон принёс конверт от В.М. Трубиновой-Кашковской с фотографиями – семейными реликвиями. В нём оказались её статья и письмо для нашего альманаха «Алтарь Отечества»:

«Уважаемая Мария Максимовна!

К 60-летию Великой Победы редакция окружной газеты «Октябрьское поле. Весь Северо-запад» объявила Конкурс «Эхо военных лет. История одной вещи». Надо было рассказать о вещи (ах), которыми пользовались в годы войны. А у нас их нет. Думала, что не возьмут мой рассказ о 2-х семейных реликвиях (предисловие не напечатано) – о военных фотографиях. Взяли! А мне присудили 1-ую премию с вручением подарка.

С праздником, милая женщина России! Много здоровья и такого же энтузиазма и мужества в жизни! В.М. Март 2010. г. г. Москва».

Я не смогла не дополнить Альманах присланным рассказом и фотографиями! Текст письма и статьи оставила в авторской редакции.

ОТЕЦ

С волнением прочитала название Конкурса, – и дрогнуло сердце, полились воспоминания. Сразу созрел заголовок статьи: «Отец! Ты не сгорел в огне, ты с каждым годом ближе, ближе!». «Не сгорел в огне войны» – эти слова когда-то прочитала на странице какой-то газеты, запомнила и твержу их...

В нашей семье Кашковских, где восемь внуков, десять правнуков и пять праправнуков, нет ни единой вещи, принадлежавшей нашему дорогому человеку: отцу, деду, прадеду и прапрадеду.

Был картуз, который отец привёз в первые годы советской власти из Ростова, куда уезжал на заработки. Его износил наш дедушка, Ермолай Анисимович Кашковский (1875–1956 гг.). Были хромовые сапоги, кожаная тужурка, сильно потёртая в плечах, и чёрная сатиновая рубаша со множеством белых пуговиц. Сапоги перешел сосед-сапожник, и мама износила их, – обуться было не во что. А тужурку и рубашку износил наш старший зять – фронтовик **Василий Иванович ДЕГТЯРЁВ**, вернувшийся в 1947 г. с Дальнего Востока, где закончил Вторую Мировую войну, и женившийся на нашей старшей сестре. Всю войну он прошёл в танке и в бронепоезде. О войне рассказывать спокойно не мог. Если мы его очень просили о чём-то вспомнить, то он рассказывал и горько плакал.

Но военные реликвии в семье есть! Это две фотографии: лето 1941 г. и лето 1943 г.

На одной из фотографий – наши родители: сосредоточенный взгляд, внутренняя собранность и натруженные руки. Вот и история это фотографии. Первые напряжённые месяцы войны. Отец прибежал домой, схватил за руку обезумевшую маму и потащил её в неизвестном направлении. Он очень спешил, а на вопрос мамы: «Куда?», ответил, что скажет потом. Так они оказались на территории Тушинского колхозного рынка, где в ту пору была одна единственная на всю округу маленькая фотография (фотоателье – авт.-сост.). Родители сфотографировались здесь. Отец хорошо понимал, что на войне такая мясорубка, что, может быть, семье останется только эта фотография...

На обеих фотографиях отец в гимнастёрке под ремнём, в галифе, пилотке, обмотках и ботинках. На фото 1941г. – без погон, на фото 1943 г. – уже с погонами. И, видимо, за всю жизнь он не износил ни одной пары сапог...

Смотрит на меня отец, родной, дорогой, и только не говорит и не двигается.

К началу войны мне было 2 года. Я совсем не помню отца, но я так хорошо его знаю по рассказам мамы, бабушки, дедушки, тёток, соседок и тех, кто работал с ним! В детстве отец блестяще учился, он сыпал пословицами и поговорками. У него был каллиграфический почерк. Среднего роста, рыжеволосый, со светлыми глазами, энергичный, он был необыкновенно трудолюбивый, никогда не жаловался на усталость, любил маму и нас, детей.

Детей было семеро. Двоих, в ясельном возрасте, родители похоронили на родине, в Рязском районе Рязанской области, с тремя (детьми) приехали в Москву в 1938 г., а двое (мы с братом) родились в Москве. Брат появился на свет перед самой войной (14 января 1941 г.).

С 1983 г., то есть с момента, когда мы узнали об отце (после 39 лет небытия!), дружим с его однополчанами, и недавно меня избрали секретарём Совета ветеранов дивизии.

В школе № 160 (бульвар Генерала Карбышева, 9а) есть музей 215-й Смоленской Краснознамённой орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии. Там хранятся материалы и об отце. В них говорится, что отец участвовал в битвах за Москву в составе 48-й курсантской бригады, прибывшей из Тюмени, в районе Истры, Волоколамска, в Ржевской мясорубке. Потом в неё влились москвичи и узбеки. Это позволило в мае 1942 года преобразовать 48-ую курсантскую бригаду в 215-ую стрелковую наступательную дивизию. Она в течение десяти месяцев формировалась в ожесточённых боях на Ржевской земле. Далее освобождала – Смоленск и всю Смоленщину, Белоруссию. От Витебска, пройдя 600 км с боями, оказалась на территории Литвы. В жарком бою между Каунасом и Вильнюсом при переправе реки Виляя отец был тяжело ранен и утонул. Тридцать девять лет считался без вести пропавшим. 9 мая 1983 года я пришла в Парк Горького с плакатом «Ищем однополчан старшего сержанта пехотинца М.Е. Кашковского, погибшего в 1944 г. Жена и пятеро детей». Ко мне подошёл пожилой человек – подполковник. Как оказалось, – военкрук, руководитель группы «Клуба Поиск» одного из московских техникумов **ГАЛУТИН Зиновий Вениаминович**. Он спросил: «Кто вы этому человеку?». – Ответила: «Дочь». – «Что вы знаете о своём отце?». – «Ничего»... Так мы нашли следы нашего родного, дорого человека.

А на территории Тушинской чулочной фабрики стоит обелиск с почти стёртыми фамилиями. Есть там и имя отца. Это единственное место поклонения. Здесь можно постоять с комом в горле, помолчать и поплакать. Сюда мы приходим 9 мая и 23 февраля. Сюда приходили трое моих детей в день их свадьбы. Сюда не раз приезжал из Украины боевой друг отца **В.М.ИЛЬЧЕНКО**.

И ещё одно яркое воспоминание – 9 мая 1945 года, Подмосковье. Мне 6 лет. Сплю на широкой сосновой лавке под образами, а рядом за стареньким круглым столом, покрытым потрёпанной клеёнкой, хлопочет бабушка.

За окном – яркое весеннее солнце. Тепло, буйно цветёт черёмуха, радостно щебечут птицы. И бабушка, оборачиваясь ко мне, говорит: «Валя, вставай! Победа!».

Этот день не забудется никогда!

Валентина Матвеевна Трубинова (Кашковская) родилась в Москве 10 марта 1939 г., 4-я дочь погибшего солдата Матвея Ермолаевича Кашковского (1903-1944гг); многодетная мать и бабушка, воспитатель детского сада, педагог специнтерната, зав.библиотекой (стаж 48 лет), краевед России, почётный краевед Рязского района Рязанской обл., активистка Рязанского землячества в Москве, Совета ветеранов 215 с.д. и просто пенсионерка, которой покой даже и снится!

ПОМНИТ СЕРДЦЕ, НЕ ЗАБУДЕТ НИКОГДА...

Когда началась Великая Отечественная война 1941-1945 годов прошлого века, мне было всего шесть лет. Ещё не вполне осознавая происходящее, дети тогда делили со всей страной трудности жизни. Мы вынуждены были в нетопленных классах писать свои первые буквы на старых газетах и журналах, испытывать и голод и холод. Но в то же время всей душой сопереживали родным, которые следили за происходящими событиями. Мы внимательно слушали, что говорят взрослые о продвижении наших войск, горевали вместе с ними о понесённых утратах и потерях, утешали тех, кто никогда уже не дождётся своих близких.

Эта беда коснулась очень многих семей, не обошла она и нашу семью. В конце войны под Калининградом погиб мой брат Владимир Андреевич Лаптев. Он родился в 1926 г. в Архангельской области, а призывался Сорокинским РВК Алтайского края, там родилась я.

Сведения о своём брате я взяла из информации, добытой трудом и беспримерным подвигом многочисленных отрядов поисковиков, которые возвращают имена фронтовиков, пропавших без вести.

Володя служил простым красноармейцем в 233-м Стрелковом полку, 97-й Стрелковой Витебской Краснознамённой ордена Кутузова 2 степени дивизии. По данным Центрального архива Министерства обороны (запись № 556448238) мой брат пропал 15 февраля 1945 года. Ему не было ещё и девятнадцати лет! Случилось это под Кёнигсбергом (Калининград) – это я узнала из именного списка пропавших без вести от 24 марта 1945 г. № 35416 за подписью командира 233-го стрелкового полка майора Злобина. И это почти в самом конце той зловещей войны, когда уже чувствовалось дыхание Победы!

Сейчас изданы многие «Книги Памяти», где записаны все кто погиб или не дошёл домой к своим родным с фронтов. В такой книге в городе Барнауле записан и мой брат. Мой отец всегда нам говорил, что Володя погиб. Недавно в печати появились сообщения о том, что под Калининградом нашли братскую могилу на 200 человек. Может быть, когда-нибудь отыщется захоронение и моего брата, ведь по данным Минобороны на штурме только Кёнигсберга погибло и пропало без вести около 150 тысяч солдат.

Вспоминаю военные годы: трудностей было много, но по сравнению с ежедневным ожиданием скорейшей Победы они были не главными: мы ждали успехов на фронтах буквально каждый час. Мальчишки бредили вестями с полей сражений и удирали из дома на войну. Патриотизм был просто невероятно высоким. Не забуду, как мы помогали собирать и отправлять на фронт посылки: это было для нас святым делом. Кажется, сказали бы нам положить в посылку своё детское сердечко, положили бы всё, только бы скорей пришла наша долгожданная Победа.

И вот она пришла! Ура! Ура! Ура! Нет слов, чтобы описать тот необыкновенный день: то был не день, не ночь – то был Великий Праздник, Праздник Победы Добра над Злом!

Сегодня, спустя более шестидесяти пяти лет, перебираю в памяти военные годы, также гулко, также учащённо, с той же гордостью за свою Родину, уничтожившую фашизм, стучит моё сердце. Сегодня некоторые страны по поводу Великой Победы позволяют себе уничижительно высказываться в адрес нашей Родины, стремятся переписать историю и умалить вклад нашего народа в дело мира. Я, как свидетель того времени, твёрдо заявляю: «Господа, прекратите! Вы не пережили того, что выпало на долю нашим воинам, ваши наветы бессмысленны! Ценою своей молодой жизни фашизм победил наш Великий советский солдат!».

Наступил 2010 год.

Ветераны разных возрастов, в том числе и мы, дети войны, также как и вся наша страна и все, кому дороги мир и покой, готовимся встретить большой праздник Победы, день «второго рождения», или «возрождения» многих народов Европы и Азии. Совсем скоро благодарные потомки тех, кто принёс Великую Победу, склоним головы в едином порыве вечной скорби, вечной памяти, слёз, радости и благодарности за свободу, за Жизнь перед Героями-Победителями. Потому что знаем: не должно быть пропавших без вести солдат, не должно быть короткой памяти. Память им вечная!

*Светлана Королева,
Художественный руководитель и основатель хора ветеранов «Родные напевы»
2010*

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ МАРАСАНОВ

*Павел Марасанов слева.
1940 год. Дальний Восток.*

Родился 12 июля 1921 года в городе Мытищи Московской области.

С 1940 года – в рядах Советской Армии. Когда началась Великая Отечественная война, Павел Петрович находился на Дальнем Востоке. Шла война с Японией – там и стояла Квантунская Армия. Ввязаться в войну с Японией не пришлось: Япония боялась развязывать второй фронт.

Павел Петрович со своим другом (см. фото) писал несколько раз заявление с просьбой отправить на фронт в Действующую Армию. Они попали на Ленинградский фронт.

Шестикратно раненого Павла Петровича комиссовали. Солдат вернулся домой инвалидом второй группы. Полный Кавалер трёх Орденов Славы.

В 1976 году Павла Петровича Марасанова не стало: фронтовые раны сократили его жизненный путь. Лидия Ивановна, проводившая мужа на войну и дождавшаяся его с сыном Анатолием, осталась одна. Анатолий, которому пришлось бороться с последствиями полиомиелита и хоть передвигается с трудом, стал художником-гравёром. Отца помнит хорошо, рассказывает о нём с теплом и уважением.

Анатолий говорит и о том, что дядя его – **МАРАСАНОВ Иван Петрович**, 1910 года рождения, призванный на фронт, пропал без вести в первый же день: эшелон с призывниками немцы разбомбили под Смоленском.

Мать, Наталья Николаевна, бабушка Анатолия, не дождалась сына. Оплакивая Ивана, не знала, где холмик, схоронивший сына, есть ли крест у его изголовья...

Сколько таких сыновей и дочерей Земли пропало без вести?!

Сколько останков их лежит, до сих пор на ветрах и солнце?!

Только дожди и льют свои слёзы над безымянными могилами героев...

2006

Анатолий Марасанов, член Союза Художников Московской области

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ НИКЕРОВ

Октябрь 1945 г., Германия

Ноябрь 1982 г., Ярославль

РАССКАЗЫВАЕТ СЫН ВИКТОР

Отец родился 7 марта 1920 года в деревне Захарово Сокольского района Ивановской области.

28 сентября 1941 года в составе группы студентов-добровольцев был зачислен в парашютно-десантные войска и определён стрелковым автоматчиком в 211-ю воздушно-десантную бригаду. В мае 1942 года бригаду забросили в тыл врага в брянские леса для вывода из окружения кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта БЕЛОВА. Задача была выполнена, за что бригаде было присвоено звание Гвардейской. После этого остатки бригады влили в пехотные подразделения, и она превратилась в 118-й полк 37-й Гвардейской дивизии. С августа 1942 года, не отступив ни на шаг, в течение двух месяцев полк воевал на Дону.

В конце сентября 1942 года 37-ю Гвардейскую дивизию сняли с обороны и на автомашинах доставили на левый берег Волги под Сталинград. В ночь на 2 октября 118-ый полк переправился на катерах и лодках под обстрелом в город и занял оборону в районе тракторного завода. Потери были так велики, что пополнения прибывали почти каждую ночь. Полк продержался здесь до

11 ноября. В этот день Никерова А.И. ранило осколком в правую ногу. Остальные полки дивизии перестали существовать ещё раньше. В результате атак гитлеровцев 11 ноября в живых из всего полка осталось около двадцати человек, почти все раненые. В декабре 1942 года они покинули Сталинград и направились на формирование в город Балашов.

С февраля 1943 года дивизия непрерывно наступала, причём, наступление приостановилось лишь в конце мая недалеко от станции Дерюгино на вершине образовавшейся Курской дуги. После боёв на Курской дуге отец форсировал Днепр, вступил в Белоруссию.

Осенью 1943 года после освобождения Речицы 37-й дивизией, она стала называться Речицкой. Один из соседских батальонов полка в конце 1943 года попал в плен, и в результате удивительного совпадения в ходе летнего наступления 1944 года был освобождён своим же полком, и в него влился.

Далее отец участвовал в наступательных боях в Польше на Наревском плацдарме и при ликвидации окружённой группировки гитлеровских войск в Грудзензе, в освобождении Гданьска, в форсировании Одры в конце апреля 1945 года. Демобилизовался 15 октября 1945 года.

Награждён многими орденами и медалями. Среди них: «Орден Красной звезды», «Орден Боевого Красного знамени», медаль «За отвагу», медаль «За оборону Сталинграда». Неоднократно ранен в боях.

После войны завершил высшее образование, затем учился в аспирантуре, защитил диссертацию и работал доцентом кафедры русского языка педагогического института на протяжении десятков лет. Автор ряда книг и многих статей. С мамой, Валентиной Ивановной, воспитали четверых детей: Елену, Ивана, Юлию и меня.

Данные сайта ГОУ «Ярославский государственный педагогический университет им.К.Д.Ушинского».

<http://www.yspu.yar.ru/vestnik/90/part2/filfak.htm>:

Факультет русской филологии и культуры. Кафедра русского языка. А.И.Никеров, доцент, ветеран войны, кандидат педагогических наук, в пединституте работал в 1954–1980 годах, вёл практикум по русскому языку, лекционные и практические занятия по методике русского языка, руководил педагогической практикой и кружком методики русского языка, многое делал по оказанию помощи учителям русского языка города и области. Свою учебную и методическую работу со студентами и учителями школ он органически связывал с исследовательской деятельностью по таким проблемам, как руководство мыслительной деятельностью учащихся при применении пунктуационных правил; предупреждение ошибок при обучении пунктуации; принципы отбора дидактического материала; требования к современному уроку русского языка.

С 1947 года при кафедре начал свою деятельность кружок методики русского языка, которым последовательно руководили Сонкина, Никеров, Лобанова. Особенностью этого кружка является то, что его члены связывали изучение теоретических вопросов методики русского языка со своей практической деятельностью в школе: изучали опыт учителей, проводили с учащимися школ внеклассную работу по русскому языку. Результаты этой деятельности отразились в докладах на студенческих научных конференциях.

Ниже мы приводим воспоминания фронтовика краткие и с подробностями: они об одном периоде его жизни, но есть отличные детали: упоминаются разные фамилии сослуживцев.

Краткие воспоминания А.И.Никерова

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

В воскресенье 22 июня 1941 года с утра я, **А.ЩЕЛКУНОВ** и **Д.ЕРМИЛОВ** пошли зачем-то в центр города. День в Казани был солнечный, тихий, и мы вели беспечно-шутливый разговор. Возвращаясь домой около десяти часов, услышали сообщение о том, что фашистская Германия напала на нашу страну. Это было так неожиданно, что мы растерялись и долго не могли опомниться. В общежитии разошлись по своим комнатам, а вскоре снова собрались у Д.Ермилова и продолжали обсуждать создавшееся положение.

Экзаменационная сессия шла, но мы готовились не столько к экзаменам, сколько к той новой жизни, в деталях ещё не обозначенной, которая ждёт нас впереди. По окончании сессии наш поток, две группы, направили на сельскохозяйственные работы в совхоз, находящийся километрах в восьми от Камского Устья. Мы выполняли там разные работы, в частности, очищали силосные ямы. Недели через две или три я пообносился и поехал в Казань, чтобы купить кое-что из рабочей одежды. Приехал туда, а стипендию не выдали. Встретился со знакомыми студентами. Кое-кого из товарищей уже призвали в армию. Остальным сказали, что до сентября они не потребуются. Я посоветовался с друзьями и решил, что мне следует ехать не в Камское Устье, а в Сенькино, чтобы увидеться с родственниками, отвезти книги и барахлишко. Приехал я туда во второй половине июля. Ещё многие мужчины призывного возраста были дома. Сразу же меня, **А.КАРЕТНИКОВА** и **М. СЕРОВА** послали на телеге в Долы Ковернинского района Горьковской области, чтобы мы там купили махорки (в наших магазинах она исчезла). Однако махорки нам не продали,

а самих чуть не задержали как шпионов. Шла война, но по воскресеньям, как и в прежние годы, молодежь собиралась на гулянья. Время мы проводили втроём: днём работали, а вечером шли в Ковригино или Чакрыгино. В Чакрыгинской школе второй год после педучилища начала работать однокурсница Каретникова и Серова Нина Александровна Гусева. Меня с ней познакомили, потом мы встречались несколько раз. Меня призвали в армию, между нами завязалась переписка, которая года через два как-то оборвалась.

Во второй половине августа призвали в армию семейных сенькинских мужиков – **М.Д.КУЗЬМИЧЁВА, Михаила БОЯРШИНА, Михаила ВОЛОДИНА**. К этому времени в деревнях были получены первые похоронки, поэтому проводы были тяжёлыми. Накануне к вечеру стали собираться за столами: появилась водка, начались шумные разговоры, пелись песни. В день отправления их в армию с утра продолжались застольные беседы и песни, во время которых мужчины держались мужественно, достойно, жёны всё время смахивали слёзы. А когда готовили лошадей (уезжали в Сокольское на телегах), заплакали и мужчины, и дети, а женщины заголосили. Все было почти по Твардовскому, с той разницей, что жёны провожали мужей до Сокольского, расставание было там:

«Кто речь держал, кто пил в запас,
Кто песню пел не в лад.
А бабы выли в этот час,
Как много лет назад.
И провожали мужиков –
Покуда те в виду,
И за борта грузовиков
Хватались на ходу.
И в жаркой билися пыли,
Дружны в беде одной.
Потом, утихнув, порознь шли,
Забрав детей, домой...»

*(А.Твардовский.
Голошение. День поэзии,
Л., 1985, с. 311-312).*

27 августа я прошёл по маршруту Сенькино–Попово–Васино–Тихонино–Захарово – Киркино–Чакрыгино–Кузино–Сенькино, простился с родными местами, родственниками и знакомыми. 28 августа пошёл в Слободку к Прониным, а от них на пароходе поплыл в Казань. Там узнал, что однокурсники ещё не в армии. Человек восемь из нас недели три работали грузчиками на

кондитерской фабрике. К концу сентября 1941 года в составе группы студентов-добровольцев я был зачислен в парашютно-десантные войска и определён стрелком-автоматчиком в 211-ю воздушно-десантную бригаду, которая формировалась километрах в двенадцати от города Маркса Саратовской области. Недель пять мы убирали там арбузы, махорку, зерновые культуры. Потом получили обмундирование, и начались занятия. В декабре 1941 года нас перебросили в Малаховку, это в Подмосковье, а в марте 1942 года – в Люберцы. Проходили учения, в частности, тренировка в прыжках с парашютом.

В мае 1942 года нашу бригаду забросили в тыл врага – в брянские леса: нужно было вывести из окружения кавалерийский корпус генерал-лейтенанта Белова. Задача была выполнена. Бригаде присвоили звание Гвардейской. Возвратились в палаточный лагерь на берегу реки Москвы. Здесь то ли бригаду преобразовали в пехотную часть, то ли остатки её влили в пехотное подразделение, но теперь это стал 118-й Гвардейский стрелковый полк 37-й Гвардейской стрелковой дивизии. В августе 1942 года мы отправились на фронт – на Дон (где-то пониже устья реки Тишанки). Там находились около двух месяцев, причём, не отступили ни на шаг. В конце сентября нас на машинах через Камышин доставили под Сталинград. Дня через два или три ночью на лодках и катерах мы переправились на левый берег Волги. Навсегда запомнилась картина: весь Сталинград был в зареве пожаров. Сзади сразу же за кормой лодки стоит стеной тьма, которая иногда разрывается вспышками выстрелов от орудий, бьющих по врагу из-за Волги. Впереди – нечастые разрывы немецких мин и снарядов. Дивизия заняла оборону в районе тракторного завода. С утра до вечера над нами завывали сирены фашистских самолётов, бомбивших наши позиции. Непрерывно шла стрельба: перерывы случались лишь в ночное время. Потери были так велики, что личный состав пополняли почти каждую ночь. В ноябре, думается, 11 ноября, гитлеровцы утром предприняли яростные атаки, которые продолжались весь день. Люди убывали. К вечеру от полка осталось человек двадцать, почти все раненые. У меня осколочное ранение в ногу повыше колена без повреждения кости. Собрал нас капитан и вывел сначала на КП дивизии Родимцев, теперь она стала крайней на правом фланге, потом провёл на 62-ю переправу, и ночью на катере мы перебрались на левый берег Волги. В декабре 1942 года дивизию направили на формирование в город Балашов.

В начале февраля 1943 года – снова на фронт. В городе Ельце мы вышли из вагонов и двинулись на запад. Наступление шло успешно. Дороги заносило снегом, и тылы отстали. Возникли перебои в снабжении, нас стали одолевать вши. Потом всё наладилось. Когда растаял снег, мы по грязи ходили в валенках: ботинки у нас были в вещмешках, но, когда продуктов не было, мы их променяли на что-то чуть похожее на хлеб. Трагическое соседствовало рядом с комическим!

Наступление приостановилось в конце мая, когда мы находились недалеко от станции Дерюгино на вершине образовавшейся Курской дуги. Мы не попали под удар немецкого наступления, в бои вступили уже потом, когда атаки врага были отбиты. Потом мы брали Севск почти без потерь: так много здесь было нашей техники; форсировали реку Сож. Немцы, стремясь сбить нас с правого берега Сожа, нещадно бомбили; рухнуло перекрытие блиндажа, мне царапнуло нижнюю часть спины, соседа убило. Взяв Днепр, вступили в Белоруссию. К зиме наступление выдохлось, и мы до 24 июня 1944 года вели лишь оборонительные бои. Весной я был контужен, несильно, но чем-то забило глаза, они болели, текли слёзы. Недели полторы или две лечился в санроте. После выздоровления меня временно взяли на офицерскую должность в штаб полка, а потом оставили там постоянно. В дальнейшем были наступательные бои в Белоруссии, в Польше на Наревском плацдарме и при ликвидации окруженной группировки гитлеровских войск в Грудзензе, при освобождении Гданьска, форсировании Одры в конце апреля 1945 года. Для нашего полка война на этом практически закончилась.

Мы, оставшиеся в живых участники войны, пережили невероятные физические, нравственные, эмоциональные перегрузки, но наши жертвы незначительны в сравнении с жертвой тех, кто навсегда остался на поле брани. В этом смысле глубоко справедливы слова У.Уитмена: «Самыми храбрыми были солдаты, которые не вернулись домой». Поэтому многие из нас стараются не носить награды: ведь большинство погибших наград не имели.

На стене литейного цеха Волгоградского тракторного завода установлена мемориальная доска со словами: «Здесь стояли на смерть и победили герои 37-й Гвардейской стрелковой дивизии генерала **В.Г.ЖОЛУДЕВА**. Октябрь. 1942 г.».

Демобилизовался я 15 октября 1945 года. Около 10 ноября приехал в город Юрьевец, побыл в Слободке, получил паспорт и военный билет. Потом отправился в Сенькино, обошёл всех родственников и в конце ноября поехал в Иваново заканчивать учёбу в пединституте.

В Ивановском пединституте заместитель директора по учебной работе В.Д.Левин, впоследствии уехавший в Израиль, встретил меня не очень приветливо: то ли сомневался, способен ли я после более чем четырёхлетнего перерыва учиться на IV курсе, да ещё пропустив почти весь седьмой семестр, то ли имел какую-то другую причину. Даже зачисление в институт не было оформлено, как следует, о чём я узнал спустя двенадцать лет, когда работал уже в Ярославском пединституте. Заведующая отделом кадров спросила, почему у меня в дипломе об окончании Ивановского пединститута записано: поступил в 1942 г. и окончил в 1946 г., тогда как по другим документам значится, что в 1942-45 гг. я был на фронте. На запрос в Ивановский пединститут получил три ответа. Я приступил к занятиям в институте, хотя, по-видимому, моё поступление официально не было оформлено.

Воспоминания фронтовика.

Военные годы.

Автономная Республика немцев Поволжья

28 сентября 1941 г. в составе группы студентов-добровольцев я был зачислен Молотовским райвоенкоматом Казани в парашютно-десантные войска.

Из Казани мы отправились на обычном пароходе вниз по Волге и прибыли в город Маркштадт, районный центр Автономной республики немцев Поволжья, находящийся в семидесяти четырёх километрах выше Саратова.

В Маркштадте размещался штаб 1-го воздушно-десантного корпуса, а наша 211-я воздушно-десантная бригада формировалась в селе Орловском, расположенном километрах в двенадцати от Маркштадта. Орловское – большое село, стоящее недалеко от Волги на её левом берегу. В нём несколько улиц и переулков. В центре на площади стоит каменная церковь с колокольной и большое каменное двухэтажное здание, которое занял штаб бригады. На противоположной стороне площади – здание магазина. В нём продавали и продукты, в частности, печёный хлеб. Так как получаемых в столовой харчей нам не вполне хватало, и, как говорится в старой пионерской песенке “наши бедные желудки были вечно голодны и считали мы минутки до обеденной поры”, то мы покупали в магазине немного хлеба. Потом продавать нам хлеб перестали, причина неизвестна, и мы по вечерам стали варить картошку, пока её можно было брать.

Когда мы прибыли в Орловское, немцы отсюда были уже вывезены. Дома стояли пустые и молчаливые. Кое-где солдаты находили «трофеи»: телёночка, домашнюю птицу, в одном месте даже улей с мёдом... Значит, коренные жители покинули село недавно, вывозили их спешно. Сколько, наверно, было пролито слёз! Что им пришлось пережить! И при эвакуации, и в дальнейшем.

Хотя леса в окрестностях Орловского нет, но почти все дома деревянные, причём, построены они, как правило, по одному плану. С невысокого крыльцаходишь в первую комнату, которую можно назвать прихожей; слева находится вторая комната, чуть побольше, она, возможно, являлась столовой; если из прихожей пройти вперёд, то попадёшь в третью комнату, а из неё – налево – в четвёртую, самую большую. На месте пересечения перегородок находится печь, в которую примерно в метре от пола вмазан обыкновенный круглый котёл, закрывающийся крышкой. Он доступен из всех комнат. Назначение этого котла мы так и не разгадали. При каждом доме участок (огород).

Во время нашего пребывания здесь в каждом таком доме размещался взвод – около сорока пяти человек. Солдаты спали на сооружённых ими двухъярусных нарах в двух больших комнатах.

В первое время, дней сорок, мы убирали урожай. Сначала занимались уборкой табака и арбузов. Арбузов было так много, и вывозили их так плохо, что мы жажду утоляли только ими и, кажется, совсем не пили воды. Потом перешли на более трудную и пыльную работу – на уборку пшеницы. Пока ходили в том, в чём приехали сюда. На работе одежда поистрепалась, многие сильно обносились. Не лучше было с обувью: ботинки у некоторых, как говорится, просили каши. В первой половине ноября мы получили солдатское обмундирование. И началось обучение военному делу.

Одним из занятий были стрельбы – учебные выстрелы по мишеням. У меня это получалось хорошо, и мне поручили вести в роте учёт выполнения нормативов. Далеко не все быстро овладевали меткой стрельбой: некоторые бойцы долго не получали зачёта. Как-то пришёл на стрельбище (стреляли без командира роты) командир батальона капитан **ПОДЗАТЫЛЬНИКОВ** и поинтересовался состоянием навыков стрельбы у солдат – не фактическим, а по учёту.

Поскольку некоторые бойцы ещё не достигли нужных результатов, он начал возмущаться, но ругал не тех, кто отстаёт, а меня, будто я плохо веду учёт. Вот так...

В конце ноября стали практиковать двухдневные и трёхдневные учебные походы. Мы увидели, что деревни в окрестностях Орловского большие, поэтому находятся одна от другой на значительном расстоянии. И все пустые. Лишь в декабре стали появляться беженцы из западных областей и заселять дома, но прибывало переселенцев немного.

Перед одним из таких походов нам выдали тесто для приготовления горячего блюда – клёцок. Быть моим компаньоном по приготовлению обеда изъявил желание политрук роты, человек лет тридцати-сорока, вроде бы добрый, но эта доброта почему-то не располагала к нему. Я и понятия не имел, как готовить эти клёцки. По-видимому, кулинарные познания и навыки моего компаньона были на том же уровне, так что это дело он полностью доверил мне, даже совета никакого не дал. Я нагрел в котелке воду, пустил туда тесто, весь кусок; довел содержимое до кипения и подержал некоторое время в этом состоянии. Приготовившись обедать, мы увидели, что тесто опустилось на дно и при высокой температуре подгорело. Нам с политруком пришлось есть какую-то баланду, от которой неприятно пахло горелым. Посмеялись, и всё. Про себя я подумал: политрук расположен ко мне.

Однако спустя года два работник штаба **А.ЗЕЛЕНОВ**, который раньше был в нашем батальоне и знал меня, сказал мне, что я длительное время был под наблюдением, и что наблюдение уже прекращено. Очевидно, когда-то я небдуманно что-то ляпнул и попал на заметку.

Около 20-25 декабря 1941 г. объявили, что нам предстоит длительный поход, в который мы должны забрать всё индивидуальное имущество...

Через три дня мы пришли в город Энгельс, погрузились в телячьи вагоны и поехали... А куда – в таком случае не говорят: военная тайна.

Как оказалось, я покидал тогда Автономную республику немцев Поволжья навсегда. Позже мне иногда приходила в голову мысль побывать в тех местах, но случая такого не представилось.

Приехали мы в подмосковную Малаховку. Наш батальон разместился в здании школы, находящейся недалеко от станции. Здесь, кроме прочего, стали заниматься парашютным делом и прыжками с парашютом.

Первый прыжок

Ещё в Орловском мы учились правильно приземляться, прыгая с четырёхметровой вышки. В Малаховке ознакомились с устройством парашюта, учились правильно укладывать его, прыгали с парашютом с вышки, а затем и с самолёта.

То восторженно-уважительное отношение к парашютному спорту, которое было воспитано до войны, сменилось озабоченностью и некоторым страхом. Дело в том, что почти каждый раз в ходе тренировочных прыжков батальона (около 600 человек) один-два человека разбивалось, так как парашют «шёл колбасой», т.е. не раскрывался. Причины нам не объясняли, можно лишь предполагать, что допускались ошибки при укладке парашюта, незамеченные инструктором.

Первый прыжок запомнился больше остальных. Прыгали мы с самолёта «ТБ-7» через люк в его «брюхе».

...Нервы предельно напряжены. Но силы воли хватает, чтобы заставить себя делать то, что нужно. Вот подходит моя очередь, и я приближаюсь к люку. Он в это время закрывается, так как самолёт начинает разворачиваться. Я жду. Сам я ничего не замечаю, но боец **ОГАРЁВ**, который находился поодаль с противоположной стороны люка и смотрел на меня, потом рассказывал, что у меня из-под шапки стекали капельки пота. А в самолёте было холодно.

Наконец, люк раскрывается, я быстро зацепляю карабин шнура, который должен при моём падении выдернуть чеку, чтобы раскрылся чехол, в котором находится уложенный парашют, и проваливаюсь в люк. Всё происходит, как должно, и через секунду я чувствую рывок: парашют раскрылся и затормозил моё падение. Самочувствие: как будто я весь чем-то был стиснут, и вот то, что меня сдавливало, отпадает слоями, напряжённость отступает, её сменяет радостно-торжественное состояние. Приятно смотреть вниз на домики, на маленьких человечков, очень медленно движущихся по дороге, на лес, темнеющий вдаль.

Только на земле я замечаю, что у меня нет одной рукавички (они с помощью шнура пристёгивались к пуговицам на рукавах десантной куртки): видимо, в люке она зацепилась за что-то и оторвалась. Но в данный момент это меня не беспокоит, не снижает настроения. Вопреки моим ожиданиям и предположениям, последующие прыжки не были в смысле психологической нагрузки более легкими, чем первый.

Последний день в Сталинграде. В конце сентября 1942 года нашу 37-ю дивизию сняли с обороны на Дону и на автомашинах через Камышин доставили на левый берег Волги под Сталинград. Дивизия носила звание Гвардейской, в неё входили 109-й, 114-й и наш, 118-й Гвардейские полки и более мелкие подразделения. В ночь на 2 октября мы переправились на катерах и лодках (под обстрелом со стороны противника) в город и заняли оборону в районе тракторного завода. Наш полк провоевал здесь пять с половиной недель. 109-й и 114-й полки перестали существовать как боевые единицы ещё раньше. Командовал полком подполковник КОЛОБОВНИКОВ, который в конце октября был ранен (кто его сменил, – не знаю). Потери были так велики, что пополнение прибывало почти каждую ночь.

Последним сталинградским днём для 118-го полка стало 11 ноября. В этот день рано утром начался усиленный артиллерийский обстрел наших позиций.

Затем появились вражеские самолёты и начали бомбить, причём, входя в пике, включали сирены, издававшие отвратительный оглушающий визг. Наши самолёты в эти дни не осмеливались даже появляться в сталинградском небе. Хотя у нас были глубокие окопы, артобстрел и бомбёжка нанесли нам потери в живой силе. На оборону мобилизовали всех, кто мог держать оружие.

Потом немцы предприняли атаку. Мы ответили дружным огнём. Атаку отбили. Последовала новая атака. Отбивая её, применили не только оружие, но и гранаты, и враг снова сник. Командир батальона командовал: “В атаку!”, но вражеский огонь был настолько плотен, что никто не отважился оставить окопы. Здесь придётся сделать отступление в изложении.

Солдаты отказывались подниматься в атаку ещё и потому, что понимали бессмысленность, и даже вред, таких атак: опрокинуть немцев сил у нас нет, то есть, наши позиции останутся прежними, а потери в людях мы понесём. К сожалению, тактика, предусматривающая такие атаки, сохранялась до середины 1943 года.

Как первый пример ведения войны по-новому, запомнились бои, в результате которых был взят Севск, в августе или начале сентября 1943 года. Дивизия, разумеется, не только она, подошла к городу и заняла оборону, старались укрепить позиции как можно надёжнее. И никаких атак с нашей стороны не было. А между тем чувствовалось, что сюда прибывают и прибывают силы... Немцы как-то пытались атаковать наши позиции – мы дали отпор,

противник понёс существенные потери в людях. А к нам силы всё прибывали и прибывали... И вот в один прекрасный день, утром, вся поверхность земли окрест, кажется, стала извергать артиллерийские снаряды. Ничего подобного раньше видеть не приходилось. Артподготовка кончилась – всё небо усеяли наши самолёты, сбрасывая бомбы на вражеские позиции. Когда они отбомбились, пошла вперёд пехота. И Севск был взят с небольшими людскими потерями. Последовал мощный рывок вперёд.

Вернёмся в Сталинград... Около середины дня меня ранило осколком в правую ногу повыше колена. Увидев кровь, я на мгновение потерял сознание, но, напрягши волю, сумел выйти из обморочного состояния. После перевязки мы вдвоём с другом доползли с передышками до командного пункта полка в небольшом углублении недалеко от берега Волги. Здесь же, пониже, находилась санрота.

Из рассказов однополчан позже я узнал следующее. Вражеские атаки не прекращались. Смертельно был ранен комиссар полка. Его перенесли в блиндаж. Немцы продвигались вперёд. Подходы к блиндажу стали простреливаться врагом. Были три попытки вынести тело комиссара, но все они кончились трагически.

Бойцов становилось всё меньше, сдерживать врага было всё труднее и труднее, отходили к Волге и влево (если стоять спиной к Волге): нашим соседом слева была 13-я Гвардейская дивизия генерала **А.И.РОДИМЦЕВА**.

С наступлением темноты бой прекратился.

Собралось нас внизу на берегу Волги человек двадцать, некоторые ранены. Что стало с тяжелоранеными, мне неизвестно. Из офицерского состава остался только старший лейтенант ЛАЗАРЕВ, работник штаба полка. Он и организовал сбор оставшихся, а потом повёл нас на переправу 62-й Армии. По какой-то причине мы остановились на командном пункте 13-й дивизии. Там пытались нас задержать и поставить на оборону, поскольку положение 13-й дивизии осложнилось: правый фланг оголился. Однако Лазарев отклонил предложение – возможно, он имел указания от вышестоящего командования – и повёл нас на указанную выше переправу, которая находилась в трёх-четырёх километрах вниз по Волге. Путь к ней мне был хорошо знаком: не раз по ночам приходилось ходить туда за боеприпасами – таскали их на горбу. И сейчас, как и в прошлые походы, на берегу видны следы дневных бомбардировок: разрушенные сооружения, какие-то горевшие предметы, необрунные убитые, тлевший труп человека.

На переправе нам какое-то время пришлось ждать катера. Одеты мы были по-летнему – в гимнастерках. А ночь выдалась холодная. Уже на берегу мы стали зябнуть. Подошёл катер, и мы расположились на металлической палубе. Пересечь Волгу – размышлял я – потребуются минуты, так что скоро мы ока-

жемся в помещении и согреемся. Однако минут через двадцать я понял, что катер идёт куда-то вверх по Волге. Я уже дрожал от холода. А потом охватила тревога: я замёрзну здесь, на палубе. Давало о себе знать утомление и нервное напряжение. Дальше я то впадал в забытие, то сознание прояснялось.

Часа через полтора или два катер подошёл к какому-то берегу; кругом темно. Я закоченел и никак не могу подняться, раненая нога разболелась. Меня подняли двое солдат, перевели по зыбучему мостику и посадили на землю. Снова мрачная мысль: замёрзну. Потом опять те двое взяли меня под руки и провели в помещение, неярко освещённое. Я почувствовал тепло, а когда осмотрелся, то понял, что попал в землянку – огромную, тёплую, с нарами, застланными толстым слоем соломы. Стало ясно, что опасность миновала. Забрался на нары в солому и заснул как убитый.

Разбудили меня санитары часов в десять на другой день. От них я узнал, что катер вёз нас вверх по Волге до Ахтубы, да по ней прошёл ещё километров двадцать.

Был врачебный осмотр. Рана у меня оказалась не такой серьёзной, как мне представлялось.

Остатки 37-й Гвардейской стрелковой дивизии находились на левом берегу Волги, около Красной слободы, до конца декабря 1942 года. Возможно, считались резервом на случай осложнения обстановки в Сталинграде. Лишь в конце декабря мы пошли на ближайшую станцию и по железной дороге отправились в г. Балашов Саратовской области на формирование. Для нас сталинградская эпопея закончилась. А потом ещё долго являлась во снах, в частых воспоминаниях.

С донесением в Бычки

В Балашове дивизию пополнили, мы отдохнули, получили новое обмундирование. В начале февраля 1943 г. по железной дороге поехали на фронт. Выгрузились в Ельце и сразу же своим ходом двинулись на Ливны. Боёв здесь не было, кто-то до нас освободил эти места. Когда Ливны остались позади, начались бои, причём противник не выдерживал нашего натиска и отступал, так что мы довольно быстро продвигались на запад. Освободили в Курской области Фатеж, Пальцево, Дерюгино, Бычки, прошли лес за Бычками и остановились надолго: иссякли силы.

Февраль выдался ветреным, снежным, дороги заносило, и хозяйственные службы отставали. Солдатам долго не меняли бельё, не было бани. У нас завелись вши и очень беспокоили, а средств борьбы с ними не было. Оставалось одно: мы углубляемся в лес, разводим костёр, снимаем бельё и прожариваем его над огнём. Но пламя колеблется, то ниспадает, то поднимается

и не столько уничтожает вредных насекомых, сколько прожигает ткань. Появились даже единичные случаи заболевания тифом: в подразделении от тифа умер боец **СЕДЛЯР**. Тогда все зашевелились: появились машины «вошебойки», в которых прожаривали одежду, для нас стали регулярно устраивать баню и менять бельё. И вшей победили.

Так вот, когда «вошебоек» и прочего ещё было, послали меня с пакетом к командиру полка подполковнику **ПОЛЯКОВУ**, уехавшему в Бычки в баню. Подполковнику Полякову было лет пятьдесят. В полку его очень любили за справедливость и природный ум. Он погиб в боях за Речицу осенью 1943 года – подорвался на mine.

Дело было к вечеру. Я дошёл до деревни и разыскал дом, где остановился командир полка. Передал пакет. Лейтенант **АНТОНОВ**, адъютант командира полка, наверное, меня пожалел, так как мне предстоял обратный семикилометровый ночной путь лесом, и оставил ночевать. Положили меня на лавку, какие были в старинных крестьянских домах. На эту же лавку лег и лейтенант Антонов. Мы оказались голова к голове с промежутком с полметра.

Утром я встал, оделся и вышел на крыльцо. Там стоял адъютант, держа в левой руке свою гимнастёрку, и пальцами правой руки что-то снимал с неё. Я попросил у него разрешения идти и, получив, попрощался и отправился в расположение своей части. И только дорогой, обдумывая всё происшедшее, я сообразил: ведь лейтенант, вероятно, снимал со своей гимнастёрки вшей, которые перебежали с меня. Со стыда я был готов провалиться сквозь землю: разве место мне было на лавке неподалеку от лейтенанта!

В валенках по грязи

Когда в Балашове готовили нас к отправке на фронт, интенданты, по-видимому, решили облегчить свою жизнь и выдали нам не только валенки, но и летнюю обувь – ботинки, которую мы положили в вещмешок.

Как уже говорилось, из-за снегопадов и метелей дороги испортились, поэтому тылы отставали, нередко возникали перебои в обеспечении бойцов питанием. А пословица гласит: “Голодный рыщет, хлеба ищет”. Настоящего хлеба тогда в деревнях мы не видели, но что-то чёрное, отдалённо напоминающее хлеб хотя бы формой у деревенских жителей было. А деревни на пути попадались часто, в некоторых приходилось останавливаться на ночь. Смотришь – едят хлеб. У тебя ещё сильнее разгорается аппетит. Но даром никто не даст. Вот если обменять... Отдаёшь, скажем, рубашку, если есть лишняя, а чаще всего – ботинки, которые пока не нужны.

Пришла весна, стал таять снег, побежали ручейки, появилась грязь... А ботинок у солдат нет. И часто можно было наблюдать такую картину: деревня

Бычки, апрель, теплый солнечный день. Снег уже сошёл. Мы идём по грязи в валенках, жители смотрят и смеются... Так на фронте трагическое шло рядом с комическим.

Вскоре солдат всё же обули в ботинки, а валенки забрали у них. Вероятно, нелегко было сделать это: ведь по учётным данным ботинки у солдат есть, а фактически их нет. Наверное, кому-то и ответить пришлось. Зато урок пошёл впрок: после этого уже никогда не обременяли вещмешок солдата второй обувью.

Бомбёжка

Осенью 1943 года, кажется, в сентябре было ещё тепло, наши части форсировали реку Сож и закрепились на её правом берегу. Враг никак не мог смириться с поражением и предпринимал отчаянные попытки сбить нас с плацдарма, нещадно бомбил с чисто немецкой настойчивостью. Взрывы, взрывы, взрывы...

Был у нас боец **ШУМКОВ**, светловолосый, невзрачный парнишка, в прошлых боях уже получивший контузию. В один из налётов вражеских самолетов мы бросились в окоп. Шумков оказался рядом со мной. Он страшно волновался, поднимался, метался по окопу. Я тоже, конечно, не был спокоен, но держал себя в руках. Его волнение как-то передалось и мне. Тогда я схватил Шумкова за руку, повалил его в окоп и прижал своим телом, чтобы он не рыпался. Так мы и пролежали благополучно, пока вражеские самолёты не отбомбились.

Мы втроём – **МЕЩЕРЯКОВ**, Шумков и я – укрылись в блиндаже. Одна из бомб упала слишком близко, перекрытие частично рухнуло. Мещеряков остался жив-невредим, мне царапнуло ягодицу, а Шумкову раздавило грудь, и он умер. Видно, не судьба была ему жить.

Отступление

Осеннее наступление 1943 года продолжалось. Была освобождена Речица, в связи с этим 37-я Гвардейская стрелковая дивизия стала называться Речицкой. Мы успешно продвигались на северо-запад. Уже шли разговоры, что мы вот-вот войдём в Паричи, и нас предупреждали, чтобы мы были осторожны, так как продукты в Паричах могут быть отравленными. Однако до Парич мы не дошли, видимо, не хватило силёнок, и остановились, заняв оборону, километрах в восемнадцати от них. Сначала обстановка здесь была спокойная. Но как-то в декабре совершили налёт вражеские самолёты, сбросили

много бомб. Особого вреда, правда, не причинили, разговоров о людских жертвах я не слышал.

Следующее событие, нарушившее спокойствие, произошло недели через три, утром, когда наши полевые кухни весело дымились, и мы предвкушали завтрак: над нами на небольшой высоте со свистом стали пролетать немецкие снаряды. Кухни быстро потушили, запрягли в них лошадей. Не знаю, по чьей-то команде или без всякой команды мы стали спешно отходить в направлении Озаричей. Чувствовали себя неважно: хотя мы пока под вражеский огонь не попали, если не считать трех-четырёх снарядов, разорвавшихся поблизости от моста через речку, по которому мы проходили, но обстановка была такова, что можно ждать, чего угодно. Кроме того, казалось, что выстрелы и разрывы снарядов слышны слева и справа уже впереди нас, т.е. создавалось впечатление, что нас обходят, окружают. Возможно, так было, поэтому, наверное, мы и отступали, не оказывая особого сопротивления.

Остановились мы поздно вечером. Узнали, что один из батальонов нашего полка попал в плен. Судьба этого батальона интересна, необычна: в ходе летнего наступления 1944 г. он был нами освобождён и влился в наш, то есть, в свой же полк. Это почти небывалое дело. Ночью немцы активность не проявляли. Воспользовавшись этим, наши командиры сумели быстро перегруппировать силы. Утром уже враг был остановлен. Но высокому командованию, видимо, стало совершенно ясно, что наше наступление выдохлось. Мы заняли оборону и находились в таком состоянии – в разных местах в районе Озаричей – около семи месяцев, до летнего наступления 1944 года.

Гибель Стеценко и Ботякова

В июне 1944 года началось наступление наших войск в Белоруссии. Быстро взяли Осиповичи, захватив в качестве трофеев много продовольствия, так что солдатам было чем полакомиться. Наше продвижение вперёд было столь стремительно, что немцы иногда не успевали убежать и оказывались в окружении.

...Мы пешком, как положено пехоте, движемся в сторону Несвижа. Неприятель где-то впереди, изо всех сил старается оторваться от нас, как мы когда-то стремились оторваться от него. Настроение у нас бодрое, победное, хотя чертовски устали, да и в баню бы сходить не мешало.

Однако через некоторое время начинаем чувствовать какую-то ненормальность обстановки, хотя никто ничего не говорил. Вот свернули с дороги в поле, прошли километра два, потом взяли влево к кустарнику в низине... Остановились... Каким-то чутьём улавливаем, что эта остановка неслучайная. Все в напряжении, но вопросов никто не задаёт... Вот повернули к лесу, по-

дошли к нему и двинулись по широкой лесной дороге... Вдруг свернули на узкую дорогу. В глухом месте остановились. Тут поужинали и остались на ночь.

Утром выбрались на широкую дорогу, вышли из леса, направились к той дороге, по которой вчера шли в западном направлении, и продолжили путь по ней. Часа в три дня сделали привал. И тут узнали о трагедии. Накануне с утра помощник командира полка по тылу майор **СТЕЦЕНКО** и начальник какой-то хозяйственной службы капитан **БОТЯКОВ**, а так же старшина **СИГАЕВ** поехали на машине в расположение тыла дивизии и не вернулись. На другой день в штабе полка стало известно об их могиле. Вероятно, их похоронила какая-то трофейная команда – в задачи этой команды входили и похороны убитых. По взятым у них документам трофейная команда установила имена погибших и номер части и сообщила в полк. Послали машину, людей, они раскопали могилу, и тела погибших привезли в полк. Стеценко, Ботяков, Сигаев были зверски избиты: глаза выколоты, на теле ножевые раны, у майора перебиты кости ног.

Оказалось, что по пути в расположение тылов дивизии они встретились с вражеским подразделением, которое пробивалось из окружения. Возможно, с тем же, избежать случайной встречи с которым сумели мы, уйдя в лес.

Хоронил Ботякова и Стеценко весь полк со всеми воинскими почестями. К сожалению, названия населенного пункта, где это происходило, я не запомнил.

Но это ещё не всё! Старшина Сигаев каким-то образом остался жив – вероятно, сумел убежать. Спустя некоторое время он прислал в наш полк письмо с одного из Украинских фронтов, номер его не помню. Содержание письма осталось неизвестным мне.

Дай душе волю – захочется поболе или За малым погнался – большое потерял

В книге «В круге первом» (гл.8) **Александр Исаевич СОЛЖЕНИЦЫН** пишет, что он воевал, в частности, «на плацдарме северной Пултуска», а также в Грауденце. По этим же военным дорогам шёл и 118-й полк. Грауденц был окружён нашими войсками, однако бои в нём были длительными и очень тяжёлыми, немцы отчаянно сопротивлялись. Читая указанное место в романе А.И.Солженицына, я вспомнил о судьбе одного однополчанина.

Была в нашем полку батарея 76-мм пушек, и служил в ней лейтенант **СУМБАДЗЕ**, общительный, весёлый человек среднего роста, из-под офицерской фуражки падал на лоб чёрный чуб. Красивым его едва ли можно было назвать, но его лицо всегда оживляла привлекательная улыбка. В Грауденце он повадился ходить на передовую, а иногда и немного подальше. Это не было

выполнением служебного долга: в батарее он отвечал за обеспечение пушек боепитанием и, может быть, за их техническое состояние. Дело в том, что город этот был богатый. И привлекали в нем лейтенанта-артиллериста трофеи. Вероятно, он рассчитывал выжить на войне и заботился уже об устройстве своей послевоенной жизни. Так вот, он и повадился ходить туда... Ходил, ходил, да и перестал. Потому что однажды не вернулся. А что с ним случилось, точно неизвестно. Одни говорили, что погиб во время нашего артобстрела, другие – что его схватили немецкие солдаты вместе с трофеями...

Одержал победу

Сотрудники и студенты Ярославского пединститута собрались в актовом зале на торжественное заседание, посвящённое Дню Победы. С докладом выступает доцент **З.И.РОГИНСКИЙ**. В качестве иллюстративного материала он широко использует и личный боевой опыт, показывая, как мудро и мужественно он сражался.

Вел заседание директор института Николай Григорьевич Чванкин, человек умный, находчивый, остролов. Когда Рогинский закончил своё выступление, Николай Григорьевич подвёл итог и сказал:

– Товарищи, мы выслушали интересный доклад Зиновия Иосифовича о том, как он с помощью Советской Армии одержал победу над немецко-фашистскими захватчиками.

Зал ответил дружным смехом и дружными аплодисментами. Осталось только неясным, кому они предназначались.

2007

ИВАН ПЕТРОВИЧ НИКОНОВ

*Иван Никонов. 26 апреля 1940 год.
Перед окончанием Военно-морского
авиационно-технического училища
им. В.М.Молотова*

26 июля 1940 год. г. Ейск.

ИВАН ПЕТРОВИЧ ВСПОМИНАЕТ

Я родился 10 апреля 1919 года в селе Топки Лев-Толстовского района Липецкой области. (Недалеко от моего родного села на станции Астапово в 1910 году умер Лев Николаевич Толстой – отсюда название местности). Мой отец, Никонов Пётр Иванович, не пил и не курил. Получал он 70 рублей в месяц.

В 1935 году я вступил в комсомол. В 1937 году окончил Гагаринскую среднюю школу.

С 1 сентября 1937 года по 31 августа 1938 года работал учителем 3 класса Гагаринской начальной школы. Первые классы таким молодым учителям не доверяют.

16 сентября 1938 года сдал экзамены в Военное морское авиационно-техническое училище имени В.М. Молотова в городе Пермь.

Зарплата моя в то время составляла 193 рубля в месяц при стоимости 1 килограмма сахара 90 копеек; 1 кг колбасы 2 рубля; пол-литра водки «Столичная» – 2 рубля 97 копеек.

*10 марта 1941 г. г. Ейск
Дыхание войны уже ощущалось...*

В мае 1940 года нарком Военно-Морского Флота присвоил мне звание звание воентехника II ранга. В должности техника-инструктора я был направлен в Военно-морское авиационное училище имени И.В.Сталина в город Ейск Краснодарского края. В этом, единственном в стране готовящем лётчиков для морской авиации, лётчик-инструктор лейтенант **ПРОНЧЕНКО В.П.** учил 12 человек курсантов летать. Я учил их готовить самолёт к полёту, знакомил с устройством самолёта, двигателя. Учил курсантов – будущих лётчиков – летать на исправном самолёте.

В начале июня 1941 года было выпущено из училища более на все флоты 200 лётчиков. В училище было 4 эскадрильи истребительные, 2 эскадрильи бомбардировочные и 2 – лодочные типа амфибий. Я состоял в 5-й авиаэскадрилье истребителей.

22 июня 1941 года в 12 часов дня был митинг. Мы слушали речь наркома иностранных дел В.М.Молотова о вероломном нападении Германии на Советский Союз. Сразу же многие из нас написали рапорты о направлении нас на фронт.

В 18 часов я заступил на дежурство по аэродрому. Многие командиры уехали в город Ейск в субботу 21 июня. Всех присутствовавших на митинге командиров вызвали в училище. Я остался на аэродроме в качестве главного, и при мне – караульная служба.

В субботу 21 июня 1941 года командир эскадрильи капитан **ВАСИЛЬЕВ** улетел на самолёте «ПО-2» под Таганрог, в Глафировку, а 23 июня утром уже вернулся обратно.

В 21 час поступила телеграмма из училища с распоряжением произвести затемнение. Но в то время электрика не было, всё закрыто! Поэтому надо было из караульного помещения взять смену и предложить залезть на каждый столб, а их было шесть – восемь, и выключать лампочки. Или стрелять по ним.

В городе Ейске 1 июля 1941 года меня перевели в 10-ю отдельную ночную эскадрилью на центральный аэродром. У нас мало было лётчиков-инструкторов-ночников, а в частях – итога меньше.

С фронта прибывали лётчики для переучивания на «ночников».

Наши самолёты были рассредоточены по садам. Часть фруктовых деревьев пришлось вырубить. От струи винта заведенного двигателя падали сливы, абрикосы, вишни, и нам было разрешено полакомиться «живыми» витаминами.

В середине августа ночью над аэродромом появился немецкий самолёт-разведчик. В воздухе и на земле не было ни одного нашего самолёта. Вернее, на земле были и самолёты, и лётчики, но ни у одного самолёта пулемёт не был заряжен лентами. Около ста лётчиков-ночников подготовили авиаэскадрилью.

Командующий Юго-Западным фронтом Маршал Советского Союза **БУДЁННЫЙ М.С.** запретил ночные полёты в связи с приближением фронта.

К нам прибывали с фронта на переформировку с Балтийского, Чёрноморского и Северного флотов. Лётчики формировали части, новые самолёты. Лётчиков учили ночным полётам. Группа лётчиков-ночников 25 декабря 1941 года была направлена на Северный Флот через город Горький в Москву, куда они прибыли 1 января 1942 года. Во время двух-трёх одиночных полётов была разведана обстановка. Обнаружены разрушения. Трамваи работали до девятнадцати часов, метро – до двадцати одного часа.

*З.А.Сорокин в мирное время
вёл огромную работу
по патриотическому
воспитанию молодого поколения*

В город Мурманск прибыли 10 января 1942 года. Нас принял командующий авиации Северного Флота генерал майор авиации **КУЗНЕЦОВ А.А.** 12 января 1942 года в качестве техника самолёта Краснознамённого авиационного полка я прибыл в 3-ю авиаэскадрилью Краснознамённого авиационного полка техником самолёта аэродрома Ваенги II (сейчас это Североморск II). 18 января 1942 года указом Президиума Верховного Совета СССР 72-у полку было присвоено наименование 2 Гвардейский Краснознамённый авиационный полк. Командиром полка был назначен подполковник **САФОНОВ Борис Феоктистович**, Герой Советского Союза (26 августа 1915 — 30 мая 1942). За 12 сбитых немецких самолётов 16 сентября 1941 года ему было присвоено это почётное звание. Во фронтовых газетах печатали его фотографию и с призывом равняться на Героя.

СОРОКИН Захар Артёмович, 1917 года рождения, штурман 2-го гвардейской истребительной авиационной полка имени Сафонова Б.Ф. 6-й истребительной авиационной дивизии военно-воздушных сил (ВВС) Северного флота, гвардии капитан.

В боях Великой Отечественной войны с 22 июня 1941 года. Прикрывал на истребителе «МиГ-3» корабли Черноморского флота от налётов вражеской авиации. В июле 1941 года в числе других лётчиков-сибиряков переведён на Северный флот. В апреле 1945 года переведён в Крым штурманом полка, в котором начинал служить. Летал на подаренном ему самолёте “Тихорецкий комсомолец”. Всего за время войны совершил 267 боевых вылетов, в воздушных боях уничтожил 18 самолётов врага.

25 октября 1941 года лейтенант Сорокин (на счету которого имелось 4 сбитых самолёта противника) вместе с **Д.СОКОЛОВЫМ** вылетел на боевое задание. Во время боя с группой вражеских истребителей с первой же очереди сбил «Ме-110». Стал атаковать второй, израсходовал весь боезапас. Был ранен в правую ногу. В это время Сорокин заметил, что его ведомого атакует “Мессершмитт”. Устремившись на выручку своему товарищу, он ударил фашиста винтом своего самолёта по хвосту, и тот пошёл на вынужденную посадку. Но и истребитель Сорокина не мог больше лететь.

С большим трудом Сорокин посадил повреждённый самолёт на замёрзшее озеро. Случилось так, что на это же озеро в 300 метрах приземлился и подбитый им “Мессершмитт”, из которого выскочил огромный дог и бросился к самолёту Сорокина. Двумя выстрелами из пистолета Сорокин убил собаку. Затем, увидев бежавшего к нему немецкого лётчика, выстрелил и убил его. В это время второй немец подобрался к Сорокину с другой стороны и ударом ножа в лицо сбил его на землю. Не растерявшись, Сорокин отбросил фашиста ногой, схватил лежавший на снегу пистолет и застрелил его.

С обмороженными ногами, истекая кровью, Сорокин за 6 суток прополз около 70 километров по тундре, пока его не подобрала североморцы. В госпитале ему ампутировали ступни обеих ног. В общей сложности провёл в госпиталях 9 месяцев, где перенёс несколько мучительных операций и лишился обеих ступней. Медицинская комиссия решила его комиссовать, но Сорокин добился через наркома ВМФ адмирала Кузнецова Н.Г. разрешения летать и

*З.А.Сорокин на встрече с учащимися
7 мая 1977 года*

*Май 1943 года. Архангельск.
Лидия Александровна и Иван Никоновы*

*1944 год, г.Поной.
А до конца войны –
ещё летать и летать...*

возвратился в свою часть. 19 апреля 1943 года он вновь поднялся в небо и сбил свой седьмой по счёту немецкий самолёт (истребитель «Me-110»).

Гвардии капитан Сорокин З.А. к июлю 1944 года совершил 103 боевых вылета, в 19 воздушных боях сбил 11 вражеских самолётов. 19 августа 1944 года ему присвоено звание Героя Советского Союза. Награждён орденом Ленина, 3 орденами Красного Знамени, медалями, английским орденом. Бюст З.А. Сорокина установлен на Аллее героев-авиаторов Северного флота в посёлке Сафоново ЗАТО город Североморск Мурманской области. На здании ГПТУ № 12 в городе Тихорецке Краснодарского края в память о Сорокине З.А. установлена мемориальная доска. Он – Почётный гражданин города Карасук Новосибирской области (информацию об этом человеке мы получили из рассказа И.П.Никонова и дополнили данными из Интернета).

Захар Артёмович прожил долгую, яркую жизнь. Не стало его в 1978 году. На своих встречах со школьниками я всегда вспоминаю этого красивого человека, истинного патриота своей Родины, призываю молодых людей брать пример именно его: мужественного, бесстрашного, преданного своему народу, горячо любившего Родину.

Я готовил и выпускал самолёт лейтенанту **ТОЛСТИКОВУ Николаю Кирилловичу**, который летал днём и ночью. Авиационным техником звена был

старший лейтенант **БЕЛОУСОВ Василий Иванович**, замечательный человек и специалист высокого класса, он был (в командировке) более года в Китае. Награждён орденом Красной Звезды. У него я многому научился. На самолётах-истребителях кроме стрелкового вооружения подвешивались 6 реактивных снарядов («катюш»): по 3 под крылом и пулемёты от 2 и более.

Налёты немецкой авиации были частыми, воздушные бои были и над аэродромами. В 1942 году у нас ещё не было достаточно самолётов, равных немецким, и по качеству и по количеству. Последние превосходили и наши и американские. В марте 1942 года немецкая авиация начала массированные налёты на Мурманский и Полярный аэродромы. Летом 1942 года я прибыл 20 истребительный авиационный полк, в котором было 50 самолётов «Як-5», которые не уступали немецким истребителям «ME-109», «ME-110» и «FW-190» (Многоцелевой самолёт «Фоккевульф-190», его конструкция представляла собой последнее слово в самолетостроении). Стало легче, немецких налётов стало меньше.

В декабре 1942 года было приказано мне, технику авиационного звена, с механиками сержантами **КОВАЛЕНКО Анатолием** и **ТИХОМИРОВЫМ Николаем** под открытым небом, при 25-30-градусном морозе из трёх неисправных (разбитых) самолётов собрать один. За двое суток мы собрали самолёт, лётчик облетал его, и самолёт был передан в учебный полк, где летал до возмож-

*Второй справа Иван Никонов. 7 марта 1944 г. Мурманская область
“До тебя мне дойти нелегко, А до смерти – четыре шага”...*

ности летать. Полк начал принимать самолёты «Аэрокобра Р-39». Надо было переучиваться и летать на них, так как они были совершеннее по вооружению наших истребителей «И-15», и «И-16». За обеспечение семидесяти боевых вылетов я награждён медалью «За боевые заслуги».

Лётчики, техники, младшие специалисты располагались в скале: в её подножье было выдолблено место, внутри стены и пол были обшиты деревянными досками, приспособлены двухъярусные кровати, дверь, нары. Сопкам шестидесяти-семидесятиметровой высоты бомбы были нестрашны. Но в конце апреля 1942 года началось таяние снега. Ночью унты, валенки поплыли к двери.

– Полундра! Спасай паспорта! Тонем! – слышались со всех сторон крики.

Внизу метрах в трёх-четырёх от входа протекал ручей. Пришлось перебраться выше, где было сухо, но защиты от бомб не было.

23 февраля 1943 года нам зачитали приказ наркома ВМФ, что вводятся офицерские звания и погоны. Мне вручили погоны старшего лейтенанта – три звёздочки, две полосы на рукаве. А был я воентехником I ранга, мне положено две нашивки на рукаве кителя. И состав наш назывался командно-начальствующим, а не офицерским. Я стал техником авиационного звена, в котором четыре самолёта, у каждого самолёта – техник. Самолёты летали на штурмовку передовых линий немцев, на охоту за небольшими судами, баржами, топили их реактивными снарядами.

30 декабря 1944 года полк перебазировался на аэродром Луостари – в 8 километрах от норвежской границы, в 166 километрах от Мурманска и в 25 километрах от Лиинахамари. Аэродром, размером в 900 метров шириной и 1000 метров длины, был из деревянных шпал. Там был хороший аэродром немцев. За короткое светлое время самолёты пролетали 101 километр по прямой линии с многочисленным обслуживающим персоналом.

31 декабря 1944 года из Мурманска вышел транспорт «Тбилиси», на котором были технический и штатный личный состав: офицеры, матросы, механики, мотористы и полковое имущество, продовольствие и всё необходимое полку.

В двадцать четыре часа на траверсе полуостров Рыбачий вышел пароход «Тбилиси». водоизмещением в 3,5 тонны. Его сопровождали сторожевые корабли водоизмещением 1200-1500 тонн. Немецкая подводная лодка торпедировала его. Ночью волны составляли 5 баллов. Сторожевые корабли охотились за подводными лодками, забрасывали их глубинными бомбами.

Корабль «Тбилиси» подошёл на дне волны, а тральщик – на гребне

волны, высота которых около 5 метров. Опасно. Люди раздевались, бросали одежду и прыгали на сторожевые корабли, кто смог прыгнуть, – их ловили матросы сторожевика, кто прыгал мимо, тех спасти невозможно было. Спаслись сержант **РОДИН**, механик по вооружению, и сержант **МОРДКОВИЧ**, механик по спецоборудованию. Погиб мой однокурсник по училищу, в котором наши кровати рядом стояли, **ГАЛЬЧЕНКО Андрей**.

У судна оторвало нос, он утонул с сейфом, в котором находились полковые документы. Моё личное дело тоже кануло в водную пучину. Некоторые офицеры, кто храбрее, спустились в трюмы – там были всяческие напитки. Они проснулись в Мурманске, вернее в Росте – где находился судоремонтный завод. Пароход, у которого утонул нос, был кессонного типа. Буксиром его прибуксировали, а с ним оставшихся в живых людей, и всё, что сохранилось.

За Печенежскую операцию звание Героя Советского Союза было присвоено двадцати восьми лётчикам, штурманам, стрелкам-радистам. Многие получили ордена и медали, среди них был и я: награждён Орденом Красной Звезды.

Немецкие самолёты больше не показывались над Мурманском. Но подводные лодки даже после капитуляции торпедировали, хотя и редко.

7 ноября 1944 года наркомовские 100 грамм нам не дали! Лётчикам-подводникам, кто тралил мины, получили, а мы нет. Это ж, мы считали, несправедливость!

В марте 1945 года наша 3 эскадрилья перелетела на отдых на остров Ягодник, что в 25 километрах южнее г. Архангельска. Летали мало: только для того, чтобы лётчики тренировались, проводили воздушные бои.

В Берлин наши войска вошли 2 мая 1945 года. Произошла одна из крупнейших битв в Великой Отечественной войне! Она началась 16 апреля 1945 года. Берлинский гарнизон капитулировал 2 мая. 8 мая 1945 года наши лётчики, пролетая над г.Архангельском, заметили, что над Английской миссией появились разноцветные флаги, было оживление, что свидетельствовало о каком-то торжестве.

9 мая 1945 года в 4 часа утра нас разбудила беспорядочная стрельба из многих видов оружия: пистолетов, автоматов. Слышалась пулемётная стрельба из самолётов. Даже 2 реактивных снаряда с «ИЛ-2» были выпущены через р. Северная Двина в сторону леса! Снаряд летел до 8 километров, но населённых пунктов в лесу не было, к счастью. Такая радость охватила всех! Раз в жизни такое выпадает: нам разрешили сходить в театр в г.Архангельске. Там в Госбанке работала моя жена Лариса Александровна, 1921 года рождения. Ко-

нечно, мы безумно обрадовались встрече. Отвели нас и на ликёроводочный завод, где вырабатывался технический спирт для самолётов. Но даже за Победу я категорически отказался его пить. Хотя часть его попадала на прилавки, назывался он сухой древесный, но и питьевой.

В августе 1945 года мне предоставили отпуск на 45 суток. Мы с женой отправились в Топки – на мою Родину. Вернулся я в сентябре в Ваенгу один, семья осталась в Архангельске. В феврале 1952 года мне присвоили звание майора и направили на годичные курсы в г. Ленинград в Военно-политическое училище им. А.А.Жданова. Проучился я там с 1 сентября 1952 года по 30 сентября 1953 года. После окончания курсов я был направлен по желанию на Северный флот в должности заместителя командира по политчасти 718 отдельного зенитно-пржекторного батальона ПВО Северного флота. Уволился в запас в апреле 1958 года с правом ношения военной формы одежды с кортиком номерным 1954 года. В июле 1958 года мне предложили должность начальника отдела кадров строительного Управления 863 Московского аэропорта Домодедово.

В 1961 году я поступил в Московский государственный педагогический институт им. В.И.Ленина на вечерне отделение исторического факультета. После его окончания работал в школах №№ 649, 525, 511, 916 военруком, преподавателем истории, обществоведения. Сейчас я член Президиума Совета Ветеранов Краснознамённого Северного Флота. У нас 12 подшефных школ и ПТУ, в которых я часто бываю, веду большую работу по патриотическому воспитанию молодого поколения.

Награждён 3-мя орденами и 30-ю медалями, из них – 5 медалей Российской Федерации.

2007

Николай Павлович Нужин

У моего отца, **НУЖИНА Николая Павловича**, 1918 г. рождения, два родных брата погибли на фронтах: **Семён Павлович НУЖИН**, 1913 года рождения и **Пётр Павлович НУЖИН**, 1917 года рождения. Его младший брат, **Александр Павлович НУЖИН**, 1924 года рождения – тоже воевал, был танкистом, имел много наград, умер в Чувашии, где жил, несколько лет назад.

Мой отец в годы войны работал в конструкторском бюро С.П.Королева в Казани, где проектировались ракеты, учился в Авиационном институте, ночами разгружал вагоны. Сотрудников КБ на фронт не брали, он не раз ходил в военкомат с просьбой отправить его на фронт.

Позднее отец работал старшим преподавателем в военном училище. За 20 лет дослужился до полковника. Имел множество наград, в том числе и за «Доблестный труд во время ВОВ».

Отец умер 4 декабря 2008 года в возрасте 90 лет.

Мама – **ЩАПОВА Ирина Васильевна**, 1921 года рождения, была врачом. Во время войны училась и работала в госпитале в Казани. Награждена медалями. Умерла в 2002 году.

Светлая память им....

Эти краткие сведения дала Татьяна Павловна Нужина – наследница большой семьи Нужиных.

Татьяна – очень талантливая поэтесса, журналистка, человек мужественный, смелый, бесстрашный, равнодушный! Эти качества перешли ей в наследство от её родных! И сама Татьяна Павловна воюет сегодня «за жизнь под солнцем»: в далёком детстве она потеряла слух, к счастью, сохранив дар говорить.

Участники войны
Вы шли самозабвенно
Сквозь холод, голод, зной,
Страну и мир, и Землю
Закрыли вы собой.

Кругом взрывались мины,
Свист пуль, огонь сверкал,
Страшной такой картины
Народ ещё не знал.

И отлетали души
Солдатов молодых,
Одна шестая суши –
Ты родина святых...

Вас с каждым днём всё меньше
Прошедших ад войны,
Но время раны лечит
И выросли сыны...

Не ведают, не знают
Как страшен взрыва миг,
О битвах тех читают
Историки из книг.

И только вновь за вами
Россия и Москва,
Не передать словами
Ту боль, что в вас жива.

Мы той войны не знаем,
Пусть нам немало лет,

Но сердцем понимаем
Мы цену тех побед.

И слышим мы всё глуше
Мотив среди тишины,
Как отлетают души
Участников войны...

*Татьяна Нужина.
г. Казань.*

Иосиф Емельянович Овчинников

Фотографии военных лет не сохранилось...

Иосиф Емельянович родился 28 августа 1905 года.

Когда началась Великая Отечественная война в 1941 году, он неоднократно просился на фронт, но его оставляли по брони: такие специалисты нужны были в тылу – в городе Новокузнецке (в то время – назывался город Сталинск) Кемеровской области. Сюда его выслали с семьёй в тридцатых годах, когда раскулачили.

Дважды Иосифа Емельяновича снимали с уже отправлявшихся на фронт поездов: как он, тридцатишестилетний мужик и будет в тылу, когда его сверстники воюют с врагом?!

Иосиф Емельянович производил на металлургическом заводе автоматы Калашникова, чтобы вооружать наших солдат и защитить Родину.

Рассказывает его дочь Валентина:

– Отец вспоминал, как выстраивались в ряд бойцы перед отправкой на фронт. Шла переключка. Крикнут: «Овчинников! Два шага вперёд! Остаётесь на месте: у Вас броня».

Хоть и не был отец на фронте, но был награждён многими медалями за ратный труд в тылу.

Иосиф Емельянович прожил долгую, красивую, скромную жизнь. Не стало его в 1990 году. Одного месяца не хватило до восьмидесяти пяти лет...

2006

Николай Павлович Опойков

В воздухе уже витает зловецкий дух войны. Июнь 1940 год, г.Адлер

Выпускники военного училища.. Надпись: Память семье. Июнь, 1940 год, г. Адлер . Н. Опойков.

Николай Павлович родился 17 декабря в 1918 году в семье крестьян. Родное село – Оськино Гремяченского (сегодня – Хохольского) района Воронежской области.

В 1936 году вступил добровольцем в ряды Красной Армии. Учился в военном училище. Получил высшее образование.

Когда началась война, курсантов из военного училища одними из первых отправили на защиту рубежей Отечества.

Уже заметна суровость во взгляде. Началась война... Как долго она продлится?.. Что ждёт нас в будущем? Тревога...

Среди выпускников военного училища были дети из разных семей: из состоятельных и не очень. Полегли на поле брани почти все.

Николай Павлович на фронте получил несколько ранений. Имел вторую группу инвалидности.

16 ноября 1992 года его не стало.

Заслуги перед Родиной – шестнадцать правительственных наград.

*Записано со слов сына Владимира Опойкова,
члена Союза Писателей Москвы,*

Память моей дорогой
Людочке, в честь годов-
щины нашей совместной
жизни. Фотографировался
в день объявления Великой
отрабатываемой войны
Украина. М. Смела.
22 июня.
1941^г год.
Своей всегда Коля.
Онайка Людочка от
Онайка Коля.

Память от ва-
шего сына
Коля.
22.6.41.
М. Смела.
Онайка

Память от вашего сына Коли.
22.6.41. м.Смела.

Оборот фотографии

P.S. Сын так немногословен, хотя прекрасно владеет словом и пером: в детстве после тяжёлого заболевания от большой дозы пенициллина потерял слух, что не помешало получить высшее образование.

Владимир окончил Московский государственный историко-архивный институт (ныне Гуманитарный университет) по специальности историк-архивист. У него издано пять книг. Особенно удаются ему произведения на исторические темы. Награждён Медалью «55 лет Московской городской организации Союза писателей России: 1954–2009. За верное служение отечественной литературе».

2006

Григорий Рувимович Перельмутер

*На обороте фото:
Личность тов. Перельмутер удостоверяю:
подпись Нач. склада № 2408
Подполковник АТС **БЕЛЯЕВ***

Григорий Рувимович Перельмутер жил в центре Москвы на Новослободской улице. Часто выходил с женой гулять по городу.

В 1940 году Григорий впервые видел немецких солдат в форме со свастикой, спокойно прогуливавшихся по улице Горького около гостиницы «Националь». Это было ещё в то, мирное время.

Однажды, как рассказывают его потомки дочери Марине, – наш солдат стоял около артиллерийской пушки. Видит – пролетает очень низко фашистский самолёт. Наполовину высунувшись из кабины самолёта, лётчик злорадно смеялся и показал большим пальцем вниз, что однозначно обозначало: «Ну, мы скоро вам покажем!».

Но не стрелял: это была разведка над нашей территорией.

1941 год. Вскоре началась война...

Григория отправили на фронт. Он оказался на Урале.

К счастью, Григорий Перельмутер прошёл войну от начала до последних дней и не был ранен. Он был артиллеристом, минёром, который, как известно, ошибается лишь один раз. Бог миловал: Григорий Рувимович Перельмутер домой вернулся живым.

Как и другие фронтовики, был награждён многими медалями.

1947 год... В Москве у него родилась дочь Марина.

Марина Павлова-Перельмутер рассказывает со слов родственников об случае из жизни её деда – Якова Абрамовича Ароновского.

ЛЮБОВЬ И ВОЙНА

Шёл 1917 год...

Банда батьки Махно гуляла. Гуляла весело по Киевскому Подолью.

Семья деда Марины, Якова Абрамовича Ароновского, занимала в то время два первых этажа дома – весь первый этаж врос в землю, напоминал простой подвал.

Махно распорядился всех жителей выгонять из домов и забирать в свою банду.

Яков в этот день как раз справлял свадьбу: он женился на красавице Евгении. Всех гостей и жениха с невестой выгнали на улицу. Довольный Махно, в добром расположении духа, гарцевал на коне.

Евгения, в белом подвенечном платье, длинной фате подбежала к Махно, схватила его за руку и принялась целовать и умолять:

– Пощадите! Я выхожу замуж! Я очень люблю своего мужа! Пощадите!

– Ах, чертовка, как ты хороша! – воскликнул батька Махно и распорядился освободить «забритого» в банду жениха Яшу.

Так Евгения Марковна, бабушка Марины, спасла своего мужа от гибели.

В положенный срок родилась Эллина Яковлевна – мать Марины, которая потом вышла замуж за Григория Рувимович Перельмутера.

Такой короткий срок человеческой жизни, а, сколько драматических событий вместил в себя!

Со слов Марины Павловой-Перельмутер

БОРИС ФЁДОРОВИЧ ПИЧУГИН

*Борис Фёдорович Пичугин
(начало 80-х гг.)*

Воспоминания сына Ярослава Пичугина: НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ОТЦЕ

Мой отец, Борис Фёдорович Пичугин (1922 – 2005), прошёл фронтовые тропы, участвуя в легендарной, длившейся 900 дней, защите Ленинграда. Именно он рассказал мне многие истории, связанные с тяжелейшими днями блокады города на Неве. Он же познакомил и меня – тогда ещё мальчика, со многими памятными для него местами Ленинграда. С тех пор я полюбил этот красивый и величественный город, куда каждый год стараюсь обязательно приехать.

Отцу я обязан многим. Когда, после окончания школы, я тяжело заболел, отец отложил все свои дела, связанные с подготовкой к защите докторской диссертации, и занялся моим здоровьем. Водил по врачам, доставал недешёвые лекарства... Позже я понял, что его отношение к здоровью другого человека, к его боли, он усвоил на фронте, когда приходилось выносить из-под огня противника раненых товарищей. Да и сам отец был неоднократно ранен, причём, осколочное ранение в предплечье сделало его инвалидом на всю жизнь: левая рука была частично обездвижена, пальцы на ней не сгибались.

Фронтальная биография у него была интересная. После окончания первого курса Ленинградского института журналистики, он ушёл на фронт, хотя из-за слабого зрения имел «белый билет». Он мечтал стать артиллеристом, но из-за зрения его взяли только в пехоту. Ему пришлось быть и рядовым, и ротным командиром, и политработником. Участвовал в прорыве блокады в январе 1943 года. После тяжёлого ранения был демобилизован в 1944 году в чине старшего лейтенанта.

Позже, отец закончил МГИМО по специальности «история Англии», преподавал в различных вузах. Выйдя на пенсию, занялся историей Отечественной войны, написал художественно-документальную повесть «Грани невиской твердыни», где рассказал о тяжёлых днях блокады великого города. Главному герою повествования лейтенанту Александру Камскову отец отдал многие эпизоды своей фронтальной биографии.

В последний год своей жизни отец тяжело болел. Война догнала старого солдата... А ушёл он в январе, на следующий день после начала боёв по прорыву блокады, случившихся за 62 года до этого. Ушёл, как и многие ветераны – назад, в ту войну, на которой все они отстаивали право на жизнь и будущее нашей родины.

Памяти отца я посвятил несколько стихотворений. Одно из них привожу здесь.

За письмом. 1943 г

* * *

*Памяти отца —
Бориса Федоровича
Пичугина,
солдата и офицера
Великой Отечественной
войны*

На фото вижу я отца,
в шинели снят он был когда-то.
И в молодом лице бойца
блокады проступают даты.

Стоит в лесу, под снегом ель
и все кругом заледенело...
Я врать не буду – не шинель,
дублёночка меня согрела.

Отец в ту зиму подарил.
Его теплом я жив поныне.
Тогда ещё был полон сил,
с заботой думал он о сыне.

Как полушубку Пугача
дублёнке той и сноса нету,
как будто кружка первача
вновь греет до пределов лета.

А на душе саднит зело –
тебя мы быстро схоронили...
Каких сугробов намело,
как холодно в твоей могиле!..

*Борис ПИЧУГИН
«Грани невской твердыни», Москва, 1993.
(Отрывок из повести, главы в сокращении «Бой за городок»
относится к январю, а из «Госпиталя» – к марту 1943 года).*

БОЙ ЗА ГОРОДОК

Наступило раннее утро 12 января 1943 года. Ровно в девять часов над Невой прогремел первый залп нашей артиллерии, возвестивший о начале операции «Искра». Залпы орудий слились в мощную артиллерийскую канонаду, и передний край немецкой обороны на левом берегу утонул в дыму разрывов. Эта канонада вселяла дух бодрости в наших воинов, с нетерпением ждавших приказа идти в атаку. И когда, наконец, могучим завершающим аккордом, прозвучали залпы «катюш», наша пехота хлынула на лёд Невы и двинулась на штурм укреплений немцев. Большая часть огневых точек первой линии обороны врага была подавлена нашей артиллерией. Однако с правого фланга, из бетонированных подвалов 8-й ГЭС немцы продолжали вести вдоль Невы пулемётный огонь по нашим бойцам, стремившимся как можно быстрее достичь левого берега реки.

Крутой и оледеневший берег оказался значительным препятствием на пути наступавших воинов. Часть из них для преодоления препятствия воспользовалась штурмовыми лесенками, баграми, другие карабкались вверх, используя неровности и выступы, помогая друг другу. Танкам удалось преодолеть эти препятствия, используя лощины и овраги, выходившие в сторону Невы.

В течение первого дня наступления дивизии первого эшелона 67-й армии прорвали сильно укреплённую оборону противника и продвинулись вперёд на полтора-два километра. На следующий день этим дивизиям удалось овладеть целым рядом опорных пунктов, занятых противником и продвинуться ещё вперёд. Но на третий день немцы, подтянув из тыла резервы, стали оказывать упорное сопротивление, и продвижение дивизий первого эшелона замедлилось. В этих условиях командующий армией генерал Духанов ввел в действие ряд дивизий второго эшелона, в том числе и дивизию полковника Гумнова, в которой находился и Камсков со своими товарищами. Наступление полков этой дивизии началось утром после артподготовки.

Полк Козлова участвовал в наступлении силами второго и третьего батальонов, а первый батальон находился в резерве командира полка. Наступавшие батальоны овладели находившейся перед ними линией окопов врага, но затем попали под сильный огонь противника и были вынуждены залечь. За этой линией были расположены хорошо замаскированные огневые точки врага. Значительная часть их не была подавлена во время нашей артподготовки. В этот трудный момент большое мужество проявили бойцы и командиры четвертой роты второго батальона. Командир роты Чубаров выдвинул вперед два противотанковых орудия, приданных роте. Их расчёты, стреляя прямой наводкой, подавили огневые точки врага. Камсков поднял бойцов роты в атаку.

Борис Пичугин (второй слева) с однополчанами. 1943 год

Рота, броском преодолев зону огня противника, вышла в тыл к немцам. Вслед за четвёртой в атаку поднялись пятая и шестая роты. Они также прорвали оборону врага. В ходе упорных боёв полк Козлова в течение суток продвинулся на полтора километра вперёд и вышел на подступы к большой сосновой роще. По данным нашей разведки в ней располагался немецкий военный городок.

Прибыв в расположение батальонов, подполковник Козлов принял решение перегруппировать силы своего полка и, не давая врагу передышки, нанести удар по военному городку. Совершенно неожиданно немцы нанесли контрудар. Козлов потребовал от комбатов стойко оборонять свои позиции. Немецкие автоматчики при поддержке танков и артиллерии быстро продвигались вдоль опушки леса. Командир полка Козлов, чтобы поддержать батальон Решетникова, направил на этот участок роту автоматчиков и роту ПТР. Опираясь на поддержку наших свежих сил, роты второго батальона сами перешли в контратаку и в ходе ожесточённого боя отбросили немцев.

Длившееся целый день сражение завершилось поздно вечером. В батальоны были доставлены походные кухни, и бойцы, уставшие и замерзшие, получили горячую пищу и теперь смогли, наконец, отдохнуть.

Камсков находился с бойцами своей роты. Сегодня в бою из строя выбыл командир роты лейтенант Чубаров. За время совместной работы с ним Камсков крепко подружился с этим умным, знающим военное дело человеком и горячо сожалел о его ранении. До прибытия нового командира Решетников возложил командование ротой на Камскова.

Поздно вечером подполковник Козлов вызвал к себе командиров батальонов. Выслушав их рапорты о состоянии дел в подразделениях, он сказал:

– Немцы будут упорно сражаться за этот военный городок. Об этом говорит их сегодняшний контрудар. Комдив приказал взять городок во что бы то ни стало, и мы обязаны выполнить этот приказ. Порядок действий подразделений полка остаётся тот, который я определил вчера в своём решении о взятии городка. Командирам батальонов, рот и приданных подразделений приказываю пополнить запасы боеприпасов, проверить боеготовность личного состава и об исполнении доложить.

Наступило утро. Низкое зимнее небо было затянуто тучами. В восемь часов по приказу подполковника Козлова батальоны устремились вперёд. Они двигались, не открывая огня. В туманной мгле им удалось приблизиться к позициям врага на расстояние двухсот метров, и только тогда немцы обнаружили их и открыли огонь. В ходе упорного боя успеха добился третий батальон старшего лейтенанта Фролова, которому удалось вклиниться в оборону противника, а затем охватить его правый фланг. Этим успехом своего соседа слева сразу же воспользовался первый батальон капитана Захарова. Третья рота этого батальона при поддержке огня сопровождавших её орудий штурмом овладела опорным пунктом обороны врага. В образовавшуюся брешь Захаров двинул первую и вторую роты. Они продвинулись вперед. Особенно упорное сопротивление противник оказал в секторе наступления второго батальона. Здесь у немцев находился мощный опорный пункт. По обе стороны пункта были созданы лесные завалы с замаскированными огневыми точками. В этих условиях комбат Решетников сосредоточил свои силы на левом фланге врага. Пятая и шестая роты при поддержке танков двинулись вперед и овладели опорным пунктом противника. Преследуя немцев, все три батальона ворвались с трех сторон в военный городок и захватили его.

Натиск наших подразделений был настолько стремительным, что немцы были вынуждены поспешно отступить, оставив в полной сохранности крупные склады с продовольствием, обмундированием и медикаментами, а также значительное количество оружия и боеприпасов. В качестве трофеев были захвачены немецкие походные кухни с готовым обедом. А поскольку нельзя было рассчитывать на быстрое прибытие собственных кухонь, комбаты приказали раздать приготовленный немецкими поварами обед солдатам.

В расположение подразделений полка, захвативших городок противника, прибыл замкомандира полка по политчасти подполковник Ищенко. Встретившись с командирами рот и батальонов, он поздравил их с успехом и вместе с тем предупредил, что немцы, несомненно, предпримут контрудар, чтобы вернуть городок со всеми складами. Возвратившись с этой встречи в роту, Камсков приказал личному составу немедленно приступить к укреплению обороны. Комбат Решетников поставил перед четвёртой ротой задачу оборонять левый фланг батальона и, чтобы подкрепить её, придал ей два противотанковых орудия. Вместе со своим заместителем Шушариным Камсков отправился проверить боеготовность роты. В целом командиры взводов правильно расположили огневые точки и бойцов, но Камсков внёс некоторые коррективы на тот случай, если роте придётся вести бой в окружении. Осматривая занимаемые ротой позиции, Камсков невольно задавал себе вопрос: хватит ли у роты сил, чтобы отразить натиск противника? Думая над этим, он вдруг вспомнил, что при отступлении на участке обороны роты немцы оставили в исправности два пулемёта «МГ» с коробками лент.

В четвёртой роте были бойцы Павлов и Ситник, которые умели обращаться с этим оружием, и Камсков приказал им занять боевые позиции. Через некоторое время немцы открыли сильный огонь из миномётов и орудий по городку, а затем на наши позиции двинулись вражеские танки в сопровождении автоматчиков.

– Рота, к бою! –скомандовал Камсков, но его голос почти утонул в треске автоматных очередей и грохоте рвавшихся снарядов. Он видел находившихся впереди бойцов роты, застывших в напряжённом ожидании и готовых открыть огонь по немцам. «С автоматчиками, – подумал Камсков, – мы справимся. Но смогут ли расчеты противотанковых орудий подбить танки врага?..»

Всматриваясь вперед, он различил мелькавшие среди деревьев башни вражеских танков, быстро приближавшихся к позициям роты. Его мысли были прерваны грохотом выстрела нашей «сорокапятки». Уже вторым снарядом расчёту старшего сержанта Ольхового удалось подбить немецкий танк. Однако осколками снаряда, пущенного другим танком противника, были ранены заряжающий и наводчик орудия Ольхового. Тогда командир сам встал к своему орудию и метко пущенным снарядом поджёг второй вражеский танк.

После этого внимание Камскова переключилось на действия бойцов, открывших огонь по приближавшимся немецким автоматчикам. Бой принял напряжённый характер. Огнём нашего стрелкового оружия и трофейных пулеметов «МГ», из которых метко стреляли Павлов и Ситник, немцы были прижаты к земле. И тогда воины роты перешли в контратаку и вынудили врага

*Ст. лейтенант Борис Пичугин (третий слева в верхнем ряду)
с однополчанами. 1944 г.*

отступить.

– Ну, кажется, лады, лейтенант, – сказал, обращаясь к Камскову, его заместитель Шушарин и добавил: – Здорово ты это придумал – использовать трофейные пулемёты. Они нам очень помогли.

Однако их радость оказалась преждевременной. Наступление немцев продолжалось. Особую силу оно приняло на правом фланге, где находился батальон Фролова. Здесь немецкие танки и пехота прорвали оборону и обошли роту Камскова с тыла. Камсков быстро перераспределил силы роты, чтобы обеспечить круговую оборону. Он приказал командирам двух орудий ПТО бить по немецким танкам, а своим бойцам – усилить огонь по сопровождавшей их пехоте. И, хотя островок нашей обороны, занимаемой ротой Камскова, был невелик, её огонь по наступающему противнику оказался достаточно эффективным.

Камсков хорошо понимал, что своим упорным сопротивлением рота оттягивает на себя часть сил противника, приближая наступление момента, когда другие подразделения полка смогут нанести контрудар. Так оно и вышло. Располагавшийся на правом фланге городка батальон Решетникова и находившийся ближе к центру городка батальон Захарова прочно удерживали свои позиции и успешно отбивали атаки врага, а затем, по приказу замкомполка Ищенко, нанесли контрудар, который и завершил исход затянувшегося боя. Немцы были окончательно выбиты из городка, а наша оборона – полностью

восстановлена.

В ГОСПИТАЛЕ

Когда бой с немцами подходил к концу Камсков был тяжело ранен. Он вместе с автоматчиками отбивал атаку противника. Осколками разорвавшегося немецкого снаряда ему перебило предплечье левой руки, и она повисла на тонких сухожилиях как плеть. Санинструктор роты автоматчиков Луткова, распоров рукав полушубка, перевязала Камскову руку и хотела отправить его па носилках в ППМ. Но он отказался, сказав, что дойдет сам...

Камскова привезли на санитарной машине из ППМ в медсанбат и медленно направили в операционную. Хирург, старший лейтенант Роздин, которому предстояло оперировать Камскова, был ему знаком. Внимательно осмотрев раны на освобождённой от бинтов руке Камскова, Роздин сказал:

– Ранение у вас тяжелое. Осколками перебиты плечевая кость и нервы, также повреждены лучевая кость и сухожилия. Считайте, что родились под счастливой звездой. Если бы не рука, осколки могли пробить грудь, попав сердце, и тогда не потребовалось бы уже ничего.

Не теряя времени, Роздин приступил к операции. На лицо Камскова легла повязка с наркозом. Он успел сосчитать до восьми, затем потерял сознание. Очнулся он уже в вагоне санитарного поезда и сразу же услышал равномерное постукивание колес на стыках рельсов. Камсков лежал на средней полке головой к проходу. Окна вагона были плотно зашторены, и сквозь них не пробивалось ни единого лучика света. По-видимому, была ночь. При тусклом свете фонарей «летучая мышь», горевших в начале прохода, Камсков скорее догадался, чем увидел, что весь вагон заполнен ранеными. Большинство из них спало, но было слышно, как некоторые стонали от боли и иногда просили: «Сестричка, воды».

В полумраке, царившем в вагоне, Камсков не мог разглядеть свою раненую руку. Теперь, после операции, она причиняла ему сильную боль. На ощупь он определил, что рука была согнута в локтевом суставе под прямым углом и забинтована вместе с наложенной на нее проволочной шиной. Чувствуя озноб, он здоровой рукой постарался подоткнуть под себя покрывавшее его одеяло, поправить наброшенную сверху шинель. И хотя у Камскова сильно кружилась голова, он думал о том, что впервые с того дня, когда он прибыл на передовую, ему придётся расстаться с боевыми товарищами и со своим полком, ставшим для него родным домом. Убаюканный равномерным стуком колес, он снова погрузился в глубокий сон.

На рассвете когда санитарный поезд прибыл в Ленинград, Камсков все ещё крепко спал. Он не проснулся и когда его на носилках перенесли в санитарную машину, и повезли на Мойку во второе хирургическое отделение эвакогоспиталя. И лишь в операционной, где Камскова раздели и разбинтовали руку, он очнулся. Около него хлопотали три женщины в белых халатах и повязках. Они усадили его на табурет у операционного стола, и старшая из них, капитан медслужбы Коровина Валентина Ивановна, осмотрев руку, сказала:

– До пояса закуем вас вместе с раненой рукой в гипсовый панцирь, который будете носить, пока не срастутся кости руки. Передвигаться в таком панцире неудобно и тяжело. Но другого выхода нет.

Камсков впервые сидел перед женщинами в кальсонах и чувствовал себя неловко. Но, заметив, что они, занятые своим делом, не обращают на это внимание, он быстро освоился. Когда панцирь был готов, и женщины сняли со своих лиц стерильные повязки. Камсков ахнул от изумления. Рядом с Коровиной стояли Тася и Маша, сразу же узнавшие Камскова. Только теперь Камсков понял, что попал в госпиталь на Мойке, где они работали. И девушки, и Камсков были очень рады этой встрече. Тася и Маша отвели Камскова в офицерскую палату, уложили его в свободную койку и, пообещав в скором времени навестить, ушли в операционную. Камсков оглядел палату. Она была светлой и просторной. В ней разместились двадцать человек.

Первый день пребывания Камскова в госпитале стал для него поистине днём неожиданных встреч. Не успел он как следует расположиться на новом месте, как его окликнул офицер, лежавший на кровати у окна. Камсков узнал его. Это оказался Чечурин, с которым он познакомился и подружился на строительстве Лужского рубежа. Камсков подошёл к нему – у них завязался дружеский разговор. Чечурин рассказал товарищу о боях с немцами, в которых ему пришлось участвовать вместе со своим батальоном на Лужском оборонительном рубеже, на Пулковских высотах, в районе Ивановского. Во время боев за прорыв блокады вместе со своими пограничниками он участвовал в штурме 8-й ГЭС и был тяжело ранен. Осколками снаряда ему поразило обе ноги, и здесь, в госпитале, ампутировали левую ногу до колена. Чечурин откинул одеяло, и Камсков увидел культю его левой ноги.

– Да, комбат, нелегко придется на гражданке... – посочувствовал Чечурин, – но твоё счастье, что остался жив.

Камсков видел, как мужественно ведёт себя Чечурин, и подумал о том, что такой умный и волевой человек, даже став инвалидом, сумеет занять достойное место в жизни. У него появилось желание перебраться поближе к Чечурину, чтобы быть рядом и, если будет необходимо, помогать ему. Он поговорил с соседом Чечурина, и они поменялись местами. После обеда продолжили беседу. Теперь уже Камсков рассказал старому товарищу о том, как

и где ему довелось служить и в каких боях участвовать. К ним подсели другие офицеры, интересовавшиеся боевыми действиями наших войск на Красноборском направлении. Камсков подробно рассказал обо всём, что видел, знал и пережил во время этих боев. Потом в палате развернулась дискуссия о последних сражениях на Ленинградском и Волховском фронтах, большинство офицеров склонилось к выводу, что приближается время, когда начнется наступление наших войск с целью полного разгрома немцев под Ленинградом. Разговоры стихли только к ужину.

Спал в ту ночь Камсков беспокойно. Ему снилось, что вместе со своими товарищами он опять отбивает атаку немецких танков и автоматчиков. Когда он проснулся, в его памяти сохранился лишь последний яркий эпизод: он выскакивает из траншеи на бруствер и зовёт бойцов в атаку. Похоже, своим криком разбудил соседей по палате. Чечурин, взглянув на Камскова, сказал:

– Ну, лейтенант, ты готов поднять людей в атаку даже с госпитальных коек. Впрочем, в нашей офицерской палате это нередко случается и с другими. Как ты себя чувствуешь?..

Камскова сильно знобило, и когда он измерил температуру, она оказалась высокой. Острые боли ощущались не только в области раненой руки, но и во всём теле. Об этом он откровенно сказал Чечурину.

– Что же, – ответил тот, – всё это мне уже пришлось испытать. В течение нескольких дней будут продолжаться эти боли и держаться температура. Придётся терпеть.

Лекарства Камскову и Чечурину чаще всего приносили Маша или Тася. Они выкраивали минутки, чтобы навестить своих друзей, поговорить с ними и приободрить их. Обе они были рады тому, что их любимые остались живы и находятся рядом. Камсков и Чечурин постоянно чувствовали их внимание и любовь. Вскоре выяснилось, что они – земляки. Оба выросли в рабочих семьях, которые жили в Самаре. В раскинувшемся на берегу Волги городе прошли их юношеские голы. Они теперь вспоминали о них с большой теплотой. Родной город вставал в их воспоминаниях как живой: заснеженный и продуваемый сильными заволжскими ветрами – зимой; утопающий в яркой зелени и белой кипени цветущих вишен и яблонь – весной; опоясанный золотым кольцом пригородных рощ – осенью.

Годы жизни и учёбы в Самаре были памятны Чечурину и Камскову только занятиями в школе и развлечениями во внеучебное время. В предвоенный период они, как и большинство их сверстников, втянулись в развернувшееся в стране патриотическое движение советской молодежи по всесторонней подготовке к обороне Родины. При школах, клубах, на предприятиях и в учреждениях создавались кружки, где подростки, юноши и девушки после занятий и работы изучали военное дело: учились метко стрелять, прыгать с парашютом,

водить автомобиль, оказывать помощь раненым. Предвоенное поколение советской молодежи было хорошо подготовлено в физическом, военном и моральном отношении, чтобы мужественно защищать свою Родину. В этом Чечурин и Камсков убедились во время боёв на Ленинградском фронте.

Война явилась суровой проверкой не только патриотизма советских людей, но их личных качеств и семейных взаимоотношений. Разлучив миллионы людей с их родными, близкими и друзьями, она дала им почувствовать, насколько они необходимы и дороги друг другу. Но война неоднозначно повлияла на взаимоотношения мужчин и женщин. Было немало людей, легкомысленно относившихся к интимным связям. Но были примеры и противоположного порядка, когда на основе глубокой взаимной любви создавались новые прочные семьи. Такая семья возникла на глазах у Камскова здесь, в госпитале. Через несколько дней Чечурин сообщил, что скоро его выпишут и они с Машей решили пожениться.

– Мне уже предложили работать директором ремесленного училища при Кировском заводе, – сказал Чечурин. – Жить мы будем в квартире Никитиных.

Камскову это известие доставило большую радость, и он от всего сердца поздравил своего друга, а также Машу, когда она пришла в палату. Через пару дней Камсков и Тася проводили Чечурину и Машу до санитарной машины, которая должна была доставить их на квартиру Никитиных. Камсков записал их адрес, обнялся по-братски с Чечуриным, и они расстались.

Прошло две недели, и у Камскова установилась нормальная температура. Он чувствовал, что его организм постепенно крепнет и набирает силы. Он старался больше ходить. Как и у всех ходячих в палате, у него были свои обязанности: дежурить, помогать убирать и проветривать палату, в случае необходимости вызывать врача к лежащим больным, подать и вынести утку. Товарищеская забота о лежащих раненых смягчала и улучшала жизненную атмосферу в палате, которая временами становилась напряженной. За время пребывания Камскова в офицерской палате от ран скончалось несколько человек. Находившихся в палате угнетало то, что и здесь, в госпитале, продолжали умирать их товарищи. Особенно тяжело переносил такие случаи младший лейтенант Коваленко. После окончания пехотного училища он был назначен командиром из взвода, и в первом же бою был тяжело ранен. Очнувшись после операции в госпитале, он увидел, что обе ноги у него ампутированы. Ему было девятнадцать лет. Его родные и близкие остались на оккупированной немцами Украине, и он не знал, живы ли они. В минуты отчаяния Коваленко впадал в истерику. Товарищи по палате успокаивали и подбадривали его как могли.

– Ты, Коваленко, як скаженный, – сказал ему староста палаты капитан-артиллерист Хоменко. – Що тобі треба? Голова и руки есть? Ну, а к ногам

тоби зробят протезы. Такой гарный парубок. Та любя дывчина буде рада стать твоею жинкой.

В палате имелись юмористы и мастера рассказывать занятные истории и анекдоты. И этот юмор, шутки также смягчали обстановку в палате. Навещали раненых и их шефы – девушки, работавшие в Гостином дворе. Но особую радость раненым офицерам доставило посещение их палаты ленинградскими школьниками.

Мальчики и девочки вошли дружной стайкой, а затем, рассредоточившись, подсели к раненым на койки или табуретки и вступили с ними в разговор. Ребята спрашивали офицеров, как те воевали с врагом, а те в свою очередь интересовались жизнью и учёбой ребят... Вглядываясь в серьезные лица подростков, офицеры думали о том, какую непомерную тяжесть наложила война на их хрупкие плечики. Им пришлось пережить не только варварские обстрелы и бомбёжки, но и голод, холод и самое страшное – гибель своих родных. Каждому из офицеров хотелось приласкать и ободрить пришедших к ним в гости девочек и мальчиков. И все, что нашлось у раненых в тумбочках – кусочки хлеба, сахара, сухари, цветные открытки, перочинные ножички – они подарили ребятам и, тепло проводив их, ещё долго вспоминали своих юных ленинградских друзей...

(Далее в повести рассказывается, как Александру Камскову, несмотря на тяжёлое ранение, удалось вернуться в свой полк. Он участвовал в боях по снятию блокады Ленинграда на Нарвском направлении).

2010

*Два друга. Апрель, 1945,
госпиталь № 5004.*

*На обороте фотографии надпись:
Слева – Портнов Эмиль Лазаревич, капи-
тан. Справа – Михаил Орбелян, майор
(? – гвардии майор).*

*По рассказам Эмиля Лазаревича Портнова
его друга Михаила ОРБЕЛЯНА выписали
из госпиталя № 5004 в апреле 1945 года.
Михаил был отправлен на Дальний Восток.
Предположительно погиб при Квантунской
операции, так как от него больше вестей
не приходило.*

АВТОБИОГРАФИЯ ОТЦА

(Пишет сын Дмитрий Портнов: «Привожу всё так, как написано в найденной автобиографии с моими небольшими уточнениями – выделено курсивом»).

Эмиль Лазаревич Портнов 1923 года рождения. Родители служащие. В 1931 году я поступил в школу-семилетку, которую закончил в 1939 году. Затем учился с 1939 г. по июль 1941 г. в Московском станко-инструментальном техникуме, где окончил два курса.

23 июля 1941 г. добровольцем вступил в ряды Советской армии и был зачислен курсантом в Муромское военное училище связи, которое окончил в январе 1942 года. Затем был направлен в действующую армию: сначала на Северо-Западный, а потом – Брянский фронт, где служил в должностях: помощник начальника второго отделения разведотдела штаба 11-й армии, помощника начальника разведотдела штаба 11-й армии.

После расформирования 11-й армии перешёл на должность помощника начальника разведки 175-й Уральско-Ковельской стрелковой дивизии 1-го Белорусского фронта.

В сентябре 1944 года был тяжело ранен и до сентября 1945 года находился в госпиталях на излечении. Демобилизован, как инвалид Отечественной войны 3 группы, последнее воинское звание – капитан. За выполнение задания командованием 1-го Белорусского фронта награждён Орденом Отечественной войны II степени. Так же награждён медалью «За победу над Германией».

*Два всадника – два друга
Портнова Э.Л. На обороте надпись:
Польша, Радосць. Август 1944, ка-
питан ТАЛПА ПАВЕЛ (он справа, без
автомата – прим. моё),
сержант СИДОРЕНКО ТИМОФЕЙ*

Когда готовилась рукопись Интернет-альманаха «Алтарь Отечества» к изданию, неожиданно пришло письмо от внука упомянутого в нашем рассказе Дмитрия Портнова об отце Портнове Э.Л. (В нём упоминается и фамилия друга ТАЛПА Павла):

«PAVEL TALPA <pavlata@mail.ru>

06 Фев 2010 20:34:00

Здравствуйте, моё имя Павел, фамилия Талпа. Я обнаружил (почти случайно) на страницах Вашего сайта, рубрики «Алтарь Отечества», в информации о Портнове Эмиле информацию о своём дедушке Талпа Павле. Это, наверное, единственная информация о нём, если не считать фотографии

(которую он прислал из Польши в Свердловск (Екатеринбург) своей Кате (моя бабушка) и своей дочке Людмиле (моя мама) в 1945 году в год своей гибели) и повестки.....

У меня просьба: не могли бы Вы сообщить мне контактную информацию Дмитрия Портнова, который написал о своём отце Эмиле Портнове.

.....Хотя бы для того, чтоб получить качественные фотографии».

Рукопись готовится к сдаче в издательство, а «поиски» следов войны продолжают. Информация от Д.Портнова (сына Э.Л.Портнова):

Дмитрий Sarto (12:39) (27.02.2010):

Добрый день, ММ. Вот про этот сайт я говорил. Там есть информация и о Талпе П.А. Но тот это Талпа или не тот – я не могу точно сказать. Судя по должности и званию, вроде он. И, судя по всему, похоронен под Берлином. <http://www.obd-memorial.ru/>

Я же признаюсь, очень счастлива, что мы помогли отыскать следы фронтовика. С этой целью и открыта Интернет-галерея «Алтарь Отечества».

Друзья-однополчане. На обороте надпись:

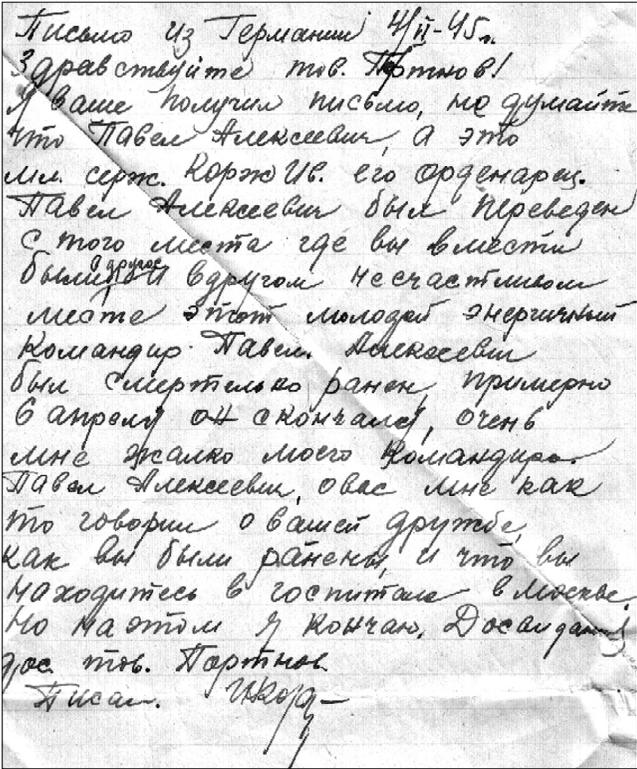
Август 1944 г. Польша, Радосць.

71 отд. Развед-рота

175 Уральско-Ковельской ордена Красного Знамени стрелковой дивизии.

СВИДЕТЕЛЬСТВА ВОЙНЫ:

(Стиль и орфография письма сохранены – М.Веселовская-Томаш.)

Письмо из Германии 4/II-45 г.
Здравствуйте тов. Портнов!
Я ваше получил письмо, не думайте
что Павел Алексеевич, а это
мл. серж. Корж Ив. его ординарец.
Павел Алексеевич был переведен
с того места где вы вместе
были ^{в другое} вдругом несчастливом
месте этот молодой энергичный
командир Павел Алексеевич
был смертельно ранен, примерно
6 апреля он скончался, очень
мне жалько моего командира.
Павел Алексеевич, о вас мне как
то говорил о вашей дружбе,
как вы были ранены, и что вы
находитесь в госпитале в Москве.
Но на этом я кончаю. До свидания.
дос. тов. Портнов
Иван. Корж

Письмо сложено
в виде треугольника.
На нём адрес:
Москва.
Улица Интернациональ-
ная 451. Э.Г. № 5004
7 отделение 103 палата
Портнов Э.Л. П/почта
53440. Корж Иван Н.

Письмо из Германии 4/II-45 г.

Здравствуйте тов. Портнов!

Я ваше получил письмо, не думайте, что Павел Алексеевич, а это мл. серж. Корж Ив. его ординарец Павел Алексеевич с того места, где вы вместе были, переведён в другое. И в другом несчастливом месте этот молодой энергичный командир был смертельно ранен. Примерно 6 апреля он скончался, очень мне жалько моего командира. Павел Алексеевич о вас мне как то говорил о вашей дружбе, как вы были ранены, и что вы находитесь в госпитале в Москве. Но на этом я кончаю. До свидания.

дос. тов. Портнов Писал И.Корж (Роспись)

Привет с Одера 25.2.45
Здравствуй дорогой Эмиль! Сегодня получил твоё письмо за которое тебе очень благодарю.
Дорогой друг ты упрекаешь меня что я тебе редко пишу письма. Прошу тебя ты уж прости меня неаккуратного, постараюсь быть по аккуратней.
Я сейчас нахожусь в пункте N который почты самое ближе находится от берлоги (см. карту) Жизнь здесь обыкновенная, всех фрау эвакуировали в тыл так что нам досталось маловато. Одно только плохо. Наступали ты ты сам знаешь с какой быстротой. Ну а фрицы как более нежная раса убежать не успели все и много их осталось у нас позади. И вот теперь бродят голодные как волки, а что с этого ты сам знаешь что они пугают наши ДОПы и МСБы. Мне недавно пришлось взять майора и несколько капитанов в которых место гандонов как было в 1941 году в карманах сырая картофель. В общем дела друг те. Теперь немцы оказались на том же месте на котором некоторые военные с нас были в 1941г.

Привет с Одера! 25.2.45 г.

Здравствуй, дорогой Эмиль! Сегодня получил твоё письмо, за которое тебе благодарю.

Дорогой друг ты упрекаешь меня что я тебе редко пишу письма. Прошу тебя ты уж прости меня неаккуратного, постараюсь быть по аккуратней.

Я сейчас нахожусь в пункте N который почты самое ближе находится от берлоги (см. карту). Жизнь здесь обыкновенная, всех фрау эвакуировали, так что нам досталось маловато. Одно только плохо. Наступали мы ты сам знаешь с какой быстротой. Ну а фрицы как более нежная раса убежать не успели все и много их осталось у нас позади. И вот теперь бродят голодные как волки, а что с этого ты сам знаешь, что они пугают наши ДОПы и МСБы. Мне недавно пришлось взять майора и несколько капитанов в которых место гандонов как было в 1941 году в карманах сырая картофель. В общем дела друг те. Теперь немцы оказались на том же месте на котором некоторые военные с нас были в 1941 году.

Вот коротко и все.
За Вислу и за наступление я получил ещё одно «Красное Знамя». До г. Досп Крони лично убил 31 немца.
Сейчас говорят ещё что то послали только не знаю на что.
Вобщем живу хорошо пользуюсь в командовании хорошим авторитетом.
Я тебе писал что **КУДРЯШОВ** в Москве в Академии имени Фрунзе или в спец. школе точно не знаю а он не черта не пишет. С **ПЕТРОВЫМ** сейчас буду ругаться по телефону.
Вот все. Пиши друг не забывай
Целую крепко твой друг
Павел.

Вот коротко и всё.

За Вислу и за наступление я получил ещё одно «Красное Знамя». До г. Досп Крони (неразборчиво) лично убил 31 немца.

Сейчас говорят ещё что то послали только не знаю на что.

В общем живу хорошо пользуюсь в командования хорошим авторитетом.

Я тебе писал что **КУДРЯШОВ** в Москве в Академии имени Фрунзе или в спец школе точно не знаю а он не черта не пишет. С **ПЕТРОВЫМ** сейчас буду ругаться по телефону.

Вот и все. Пиши друг не забывай.

Целую крепко твой друг Павел

Список
 №/с, сериальных и рядовых номеров бойцов Нотинг Рэстл полк 17-го стр.
 по состоянию на 20 января 1944.

№/п/п	Оригинальное имя отчество	Звание	Примечание
1	Толпа Г.	капитан	убит
2	Гришин И. И.	М. П. и	4 ранен 28.3
3	Котровский Б. И.	М. П. и	ранен
4	Тарасов	Старшина	при командировке с 2 ^{го} отб.
5	Соловьев А. И.	к. у.	4 ранен 26.3
6	Осипов Д. И.	М. с. и	
7	Осипов Иван Григор.	М. с. и	
8	Скоробогатов Вал. Яков	с. и	4 болен X
9	Гонимый Алексей Павл.	М. с. и	5 ранен совет.
10	Сидоренко Тимофей	- и -	
11	Сидоренко Леоид. Я.	- и -	убит 28.3
12	Котованов И. Я.	к. у.	- и -
13	Путин А. Яков	сержант	5 стр? убит 30.3
14	Полозов Иван Яков	к. у.	
15	Александров Н. Н.	к. у.	убит
16	Копылов Влад.	сержант	1 потер.
17	Латишев А. Я.	М. с. и	3 убит 28.3
18	Белоселов С. А.	к. у.	болен таб.
19	Мандровский К. В.	- и -	5 убит 28.3
20	Свободкин Т. И.	старшина	1 ранен 27.3
21	Татаринев И. В.	к. у.	5 убит
22	Тучковец Ив. Никол.	М. с. и	-
23	Александров Ив. Яков	к. у.	- убит
24	Захаров И. И.	с. и	4 убит
25	Оришанов Иван Яков	старшина	5 ранен
26	Сидоренко Я. Я.	М. с. и	3 убит 21.5

37	гришин. В. М.	к-у		
38	Тамарк Т. Ф.	Ворреин		
39	Гончарук Ф. И.	М. с. и		рамен
30	Шевченко В. М.	М. с. и		гипер
31	Кривоше. Ф. А.	Ворреин		рамен
32	Госторови З. И.	С. и, с. и	5	гипер
33	Маслов В. К.	к-у		
34	Мещеряков М. М.	С. и, с. и		рамен
35	Ильинский А. И.	с. и		убит
36	Тиллоланд. А. И.	с. и		рамен
37	Коврижних В. Ф.	с. и	4	
38	Иванов Ф. М.	М. с. и	4	Рамен
39	Фадимов. А. И.	с. и		рамен
40	Козаков И. А.	с. и	4	рамен
41	Совицкий М. Ф.	к-у		рамен
42	Фурвалл. И. И.	Старата	5	бессн
43	Лещук Т. Ф.	с. и, с. и	4	убит
44	Фелингено И. Я.	с. и	4	убит
45	Буцманов. В. С.	с. и	4	рамен
46	Сортиков. Ф. А.	с. и	5	убит
47	Бригитова Н. И.	с. и:		убит
48	Курбах Н. Ф.	с. и:	4	рамен
49	Иванов В. И.	арривинг.	4	рамен
50		С. и		

Коллекция Фотия Разог Ровно 1957 г. Ф. Д.

Коллекция [Иванов] / [Иванов]

СПИСОК 1

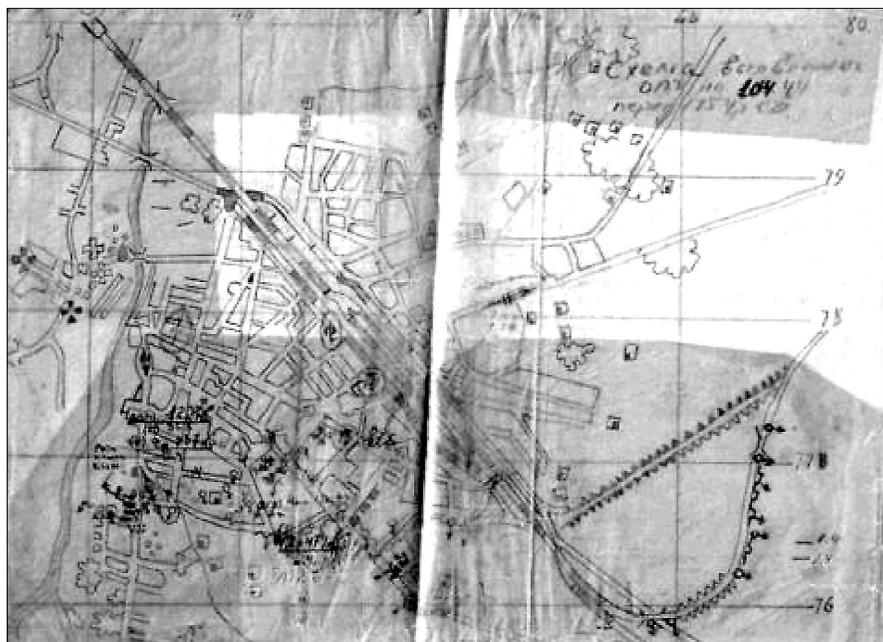
н/с (начальственного состава), сержантского и рядового состава по 71 отдельной разведроте 175 Уральской стрелковой дивизии по состоянию на 20 марта 1944 года

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Звание	Пометки	Примечание
1.	Талпа П.	капитан		убит
2.	Гришин И.М.	м. л-т	4	ранен 28.3
3.	Катровский Б.И.	м. л-т	3	ранен
4.	Портнов (Эмиль Лазаревич, фамилия зачёркнута)	ст. л-т (зачёркнута)	1	прикомандирован с 2 –го отд.
5.	Солоухин Ал. Иванович	к – ц (красноармеец)	4	ранен 26.3
6.	Осипенко Дмитрий	м. сержант		
7.	Оськин Иван Григорьевич	м. сержант		
8.	Скоробогатов Василий Абрамович	сержант	4	болен (зачёркнута)
9.	Галкин Алексей Павлович	м. сержант	5	ранен совсем
10.	Сидоренко Тимофей	-«-		
11.	Синяков Михаил А.	-«-		убит 28.3
12.	Коновалов И. Г.	красноармеец	5	-«-
13.	Бунин Александр П.	ефрейтор	5	есть? пропал б/в 30.3
14.	Полозок Иван Ст.	красноармеец		
15.	Алябьев Н.Н.	красноармеец		убит
16.	Копылов Влад.	ефрейтор	1	повар
17.	Лапшов А.Л.	м. сержант	3	убит 28.3
18.	Белослуцов С.А.	красноармеец	выбыл	болен
19.	Пландовский К.В.	красноармеец	5	убит 28.3
20.	Евдокимов П.М.	старшина	1	ранен 27.3
21.	Татаринов И.В.	красноармеец	5	убит
22.	Пушкарев Иван Ниф.	м. сержант	-	
23.	Амельченко Иван Яковл.	красноармеец	-	убыл
24.	Гафуров Ш.М.	сержант	4	убит
25.	Филатов Иван В.	старшина	5	ранен
26.	Сидоренко А.А.	м. сержант	5	убит 21.5

27.	Гришин В.М.	красноармеец		болен
28.	Тамак Д.Ф.	ефрейтор	5+	
29.	Гончарук Ф.И.	м. сержант	5	ранен
30.	Шевченко В.М.	сержант	5	умер
31.	Крылов Ф.А.	ефрейтор	-4	Болен зачеркнуто)
32.	Госопровиц Е.И.	ст.сержант	5	убыл
33.	Маслов В.К.	красноармеец		
34.	Машрамов М.М.	ст.сержант	5	ранен (зачеркнуто)
35.	Ильяшинко А.И.	сержант	5	убит
36.	Тимохин А.И.	сержант		ранен
37.	Коврижных В.П.	сержант	4	
38.	Иванов П.М.	м.сержант	4	ранен
39.	Данилин Я.И.	сержант		ранен
40.	Казачков И.А.	сержант	4	ранен
41.	Савицкий М.П.	красноармеец		ранен
42.	Древаль И.И.	старшина	5	убыл
43.	Лищук Г.Т.	ст.сержант	4	убит
44.	Демиденко И.Я.	сержант	4	убыл
45.	Буншилев В.С.	сержант	4	ранен 2
46.	Сортаков Д.А.	сержант	5	убит
47.	Притюпа Н.И.	сержант		убит
48.	Кубрак М.П.	сержант	4	ранен
49.	Иванов Е.И.	ефрейтор	4	ранен
50.		Старш.		-----

Командир 71 отд. развед. роты 175 Уральской стрелковой дивизии

Капитан /Талпа/

Карта. На кальке:

Схема огневых точек противника перед позициями 175 Уральско-Ковельской стрелковой дивизии на 10.04.1944 г. (возможно 01.04.1944 г.). Возможно – это позиция перед крепостью Прага, предместьем Варшавы.

Капитан Воронев
(Сержант, ком. в отделе)
Лейтенант Косорин
(Сержант, ком. в отделе)

Вам, участникам боев за овладение крепостью ПРАГА — предместьем Варшавы и важным опорным пунктом обороны немцев на восточном берегу реки Висла, приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища СТАЛИНА от 14 сентября 1944 года объявлена благодарность.

КОМАНДИР ЧАСТИ

Сигорин

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СОЛДАТОВ

*Алексей Солдатов.
Доброволец автозавода, боец 27-го
Танково-самоходного полка им. Наркомсредмаш,
Май 1943 года. г.Курск*

Алексей Михайлович Солдатов родился в 1918 году в селе Михайловском Калужской области.

Работал на заводе ЗИЛ с 1936 года рабочим металлурга, затем – заведующим хозяйством.

В 1941 году ушёл в числе первых добровольцев на фронт в составе 121-й танковой бригады, сражался в танковых войсках.

Закончилась война. Пришла Победа, которую Алексей Солдатов встретил в Венгрии.

И вновь он на ЗИЛе. Двадцать один год А.Солдатов работал с кадрами, подбирал пополнение заводскому коллективу. Последние годы трудился старшим инженером в управлении оборудования.

Имел ряд боевых наград.

*Материал представила дочь Алексея Солдатов Нина Лукина
(переводчик текста ПРОЛОГА к «Алтарю Отечества» на английский язык)*

После Победы была переписка между боевыми друзьями.
Один из них прислал Алексею Солдатову фотографию
(окончание фамилии на её обороте написано неразборчиво ВКрахт...
ВКУХТ ???), с вопросами.

Вопрос к А.Солдатову: «Наверное, тебе тут кое-кто знаком: **СКОРОБОГАТОВ**, медик из нашей роты, фамилию не помню; нач. боепитания, **БРИЖЕНЕВ** – младший и отмеченный значком х – это я. Принимаю румын с их машинами Т-4. Я переводчик. Март 1945 г. Напиши фамилии, если помнишь. Подпись ВКрахт... (ВКУХТ...???)

ШАНС НА ЛЮБОВЬ

Пишу из окопа, родная.
Жестокий закончился бой...
Ты ждёшь меня – верю! Я знаю:
Я мысленно связан с тобой.

Воюю с врагом беспощадно,
За Родину насмерть стою!
Наград никаких мне не надо –
Тебя больше жизни люблю!

Вернусь, я вернусь непременно,
Не дрогнув, – врага разгромлю!
И буду твердить неизменно:
Мой ангел, тебя я люблю!

Мы снова закружимся в вальсе,
Вновь будут все ночи без снов!..
Врагу не оставлю я шансов –
Все шансы отдам на любовь!

*27 февраля 2010
Мария Веселовская-Томаш*

Юлия. 1941 год

ВОЙНА-РАЗЛУЧНИЦА

Рассказ

Юлька родилась первого сентября 1922 года в белорусском городе Гомеле, из которого по окончании семилетки уехала учиться на медицинского работника в город Москву.

Шёл 1940 год... Юлия Старовойт училась в медицинском училище, рядом с которым и жила. Как и вся молодёжь, бегала на танцы.

В один из вечеров её пригласил на танец симпатичный, необыкновенно красивый, галантный юноша в форме лётчика-курсанта. Как-то не вязалась его внешность со скромным характером. Но это был не только миловидный, скромный парень – он ещё и пел очень задушевно. А как танцевал! На разных конкурсах – только призовые места.

После первой же встречи с молодым человеком, девушка поняла, что влюбилась. По-настоящему. Очаровал её этот неотразимый по красоте курсант. А он – он тоже не остался равнодушным: девушка глубоко запала в душу. Серьёзная красавица, с густыми, пышными, волнистыми белокурыми волосами сразу привлекла его внимание.

Закончив первый курс медицинского училища Юлька собралась уехать домой на каникулы. Соскучилась по близким. Дома ждали сестра, два брата, папа и мама. Были взяты уже и билеты на поезд на 30 июня 1941 года.

Утро принесло беду – началась война. В это даже не поверилось, но тут её лётчик-курсант, Евгений, забежал проститься: «Ухожу на фронт!». Юля прощалась с любимым в смятении чувств, в тревоге.

Молодые люди не успели даже хорошо узнать друг друга, но были убеждены, что это Любовь. Простились и обещали писать письма.

Поезда до Гомеля не ходили. Билет вмиг повзрослевшая Юля сдала.

Студентка, будущая медсестра осталась в Москве. Пошла с подругами в военкомат, чтобы их отправили на фронт. Там сказали, что они и в Москве нужны. Девушек отправили копать окопы, заготавливать топливо для Москвы, дежурить на крышах, чтобы тушить зажигалки – так назывались зажигательные бомбы.

Когда началась учёба, то работы ещё больше прибавилось: немец рвался к Москве, поступали раненые: все, кто оставался в городе, – стали дежурить в госпиталях.

Юлечка, уставая до полуобморочного состояния, как, впрочем, и остальные, работала в городской больнице номер 40. Им было трудно, но на фронте ещё тяжелее приходилось солдатам. Им писали письма, отправляли посылки с платочками, рукавицами, носками.

Юля писала и ждала ответных писем от Евгения.

Как только отогнали немца от Москвы, Юлию Старовойт командировали на помощь осаждённому Ленинграду: 1 марта 1942 года Юлия уже была в пути.

«Дорога жизни» – одна из примечательных страниц героической обороны Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Так назвали ленинградцы путь через Ладожское озеро, проходивший зимой по льду, когда лед достиг такой толщины, которая допускала транспортировку грузов любого веса, и летом по водной глади. Это был единственная дорога, связывавшая с сентября 1941 по март 1943 года блокадный Ленинград со страной.

До войны в Ленинград по множеству железнодорожных линий и веток каждый день прибывала не одна тысяча вагонов со всякими грузами, по рекам и каналам шли пароходы и баржи – с дровами, углем, нефтью, мукой, крупой и многим другим. Линии передач несли электрическую энергию со станций, расположенных на Волхове, Свири, в верховьях Невы. С началом войны все эти пути были перехвачены врагом. Огромный поток грузов иссяк.

Продовольствие и боеприпасы стали доставлять по воздуху, но это была капля в море. Взять нужное число самолётов было нелегко. Тогда было решено создать новую линию снабжения через Ладожское озеро. Враг стоял на южном и северном его берегах, свободными оставались западное и восточное побережье и между вражескими армиями, существовала узкая полоса – путь по воде. Прежде этот путь мало использовался; Ладожское озеро суровое и бурное, судов, пригодных для плавания по нему было немного. Баржи водили по каналам, в обход озера, но теперь и каналы попали в руки врага. Осталась Ладога.

Осенью 1941 года начались перевозки через озеро. Потом по нему пролегла знаменитая ледовая трасса – «Дорога жизни». Зимой 1941-1942 г. она была единственным средством сообщения Ленинграда с Большой землёй. По ней проходили эвакуация населения и промышленного оборудования из Ленинграда, доставка в город продовольствия, топлива, подкреплений, боеприпасов, вооружения...

В течение пяти месяцев ни днём, ни ночью, в пургу и в лютой мороз, невзирая на жестокий огонь врага, на дороге ни на минуту не прекращалось движение – шёл транспорт с бесценными грузами для Ленинграда. Общее количество грузов, перевезённых в Ленинград по «Дороге жизни» за весь период её действия, составило свыше 1 млн. 615 тыс. тонн; за это же время из города было эвакуировано около 1 млн. 376 тыс. человек. Для подачи в город нефтепродуктов по дну озера был проложен Ладожский нефтепровод.

Немецко-фашистское командование прилагало большие усилия, чтобы парализовать «Дорогу жизни». Она подвергалась систематическим ударам авиации и обстрелу тяжёлой артиллерией противника, который пытался также перерезать магистраль высадкой десантов и постановкой мин; все его попытки были отражены советскими войсками.

За два года напряжённой работы этот эвакуационный пункт пропустил на Большую землю и тем самым спас жизни не менее 1 миллиона человек. Ленинградцы навсегда запомнили Кобонский храм, ставший для них зримым символом спасения, символом «Дороги Жизни». (По материалам РИА-Новости).

Ехали туда долго: всё время «Дорогу Жизни» бомбили. Когда переехали Ладогу, то очутились просто в аду!

Ленинград...Кругом трупы, обстрелы не прекращались, постоянные налёты самолётов... Не было ни света, ни воды, ни тепла.

Некоторые жители города замерзали в постелях. Квартиры нечем было отапливать. Иногда люди разводили костры прямо на полу в квартире, бросая в них книги и всё, что могло гореть, «отапливая» помещение, согреваясь таким образом. В зиму с крутыми, трескучими морозами это мало помогало, но хоть создавало видимость тепла.

Многие окна домов зияли чёрными пустотами: выбитые стёкла нечем было заменить, разве что сохранившимся одеялом или каким-нибудь тряпьем.

Лифты не работали. Людям тяжело было подниматься в свои квартиры. Часто звучала сирена тревоги. Обессиленные от голода-холода ленинградцы мужественно переносили блокаду. Город не думал сдаваться. Бесконечно долгих девятьсот блокадных дней пережили. Жаль, – не всем посчастливилось дожить до освобождения города...

Юля ходила по всем вокзалам, по тропкам в скверах и парках – собирала трупы.

У Невы извивались громадные очереди из измождённых ленинградцев, которые стояли с бидонами, ведрами и, набрав в них воды, волокли домой на саночках, если у кого они были.

Везде валялись трупы умерших, заколоченных детей, стариков, женщин, которые шли на Неву зачерпнуть воды и обессиленные падали, пытались, но не смогли больше подняться. Иные падали рядом с саночками: бидоны, ведра опрокидывались, вода разливалась, тут же превращаясь в ледяную корку. Мёртвые лежали, словно в хрустальных коконах. Кто не мог подняться, – вода тому уже не была нужна... И хоронить умерших некому было. Если отыскивались родственники, то на саночках увозили на ближайшее кладбище или хоронили их просто в ближнем скверике. Земля была каменной, не хватало сил выкопать глубокую яму...Людей, чей путь обрывался внезапно, занесённых снегами, находили весной, когда таял снег.

Юлия ездила из одного конца города в другой конец – она работала в поликлинике. Лечить людей нечем было: лекарств не было. Казалось, из всех доступных лекарств только и было душевное тепло, сочувствие и сострадание! Иначе б не выдержали ленинградцы.

А сердце Юли к тому же томилось и от неизвестности, тревоги: где Евгений? Жив ли? Не в плену ли?.. Великое чувство любви заставляло бороться и приказывало выжить. Ребята потеряли друг друга, как это случалось в то страшное время с миллионами людей... Письма не доходили. Фронт всё время передвигался, почта не успевала находить адресатов. В те дни тяжело раненый Евгений, находясь в госпитале города Кисловодска, писал на все фронты, также разыскивал свою любимую.

В один из счастливейших дней Юлия получила от милого письмо. Этот день она запомнила навсегда! Душа, переполненная радостью, трепетала. Радость была через край, так как в последнее время её было мало: Гомель был оккупирован немцами, с родителями никакой связи не было. Юлечка, горячо любившая своих родных, давно их не видевшая, переживала и тревожилась: как там они... Так что получить письмо от любимого – праздник! А в письме столько слов о любви, словно и не идёт страшная война, столько нежности и отчаяния, что они не могут тут же, сию минуту, встретиться! И успокаивала только надежда на то, что война вот-вот кончится! Она не должна продолжаться вечно!

Юля взывала к Всевышнему:

– Господи, ну сделай так, чтобы войне скорее пришёл конец! Я должна встретиться с Женей! Я люблю его! И он меня любит! Война – это противоестественно! Мы созданы для того, чтобы Жизнь продолжалась на Земле. Господи, если Ты есть, если всё видишь, не дай умереть нашей любви!

На фронте всякое бывает, может ранить или убить. Война есть война. Молодая, крепкая Юлия не избежала горькой участи: была ранена. Пролежала в ленинградском госпитале шесть месяцев, а затем её эвакуировали обратно в Москву. Всё это время тоска заливала сердце щемящей болью. Только надежда, только любовь согревала начинавшие таять надежды. Их везли в Москву. На этой дороге и догнала её весточка от Евгения.

Долгожданная встреча двух влюблённых сердец произошла только в 1943 году в Москве. Юлия уже поправилась, подлечилась и снова стала работать медицинской сестрой в той же больнице номер 40.

За свой доблестный труд Юлия Ивановна награждена медалями «За оборону Москвы», «За оборону Ленинграда» и другими медалями.

Есть у неё шестнадцать медалей. Самые дорогие награды – за оборону наших столиц.

Обретшие наконец-то друг друга влюблённые собирались пожениться восьмого или девятого мая 1945 года, но ... не пришлось: помешало «ЧП»: на радостях по случаю Победы Евгений палил из всего, что могло стрелять, и дострелялся: его забрали и посадили на гауптвахту. Но об этом – в другой раз!

Пожились Карташёвы второго июля 1945 года.

Шестьдесят три года шагают вместе! Рядом и в беде, и в радости...

Август 2006

ПАВЕЛ АЛЕКСЕЕВИЧ ТАЛПА

*"На память моим забываемым:
дорогой Кате и дочери Людочке...
Польша 6 /1/45*

Это имя упоминается в рассказе об Эмиле Портнове. Там есть и фотография П.Талпа. И список рядового состава, подписанный его рукой. Павла Талпа разыскал его внук – тоже Павел Талпа (мы писали об этом в главе об Э.Портнове). С Павлом договорились, что он пришлет материалы, документы, фотографии, касающиеся его деда.

Его 1-е письмо:

*Здравствуйте, Мария. Благодарен вам за информацию, за вашу работу, и сразу прошу прощения, что вовремя не прислал обещанный материал. Я всё отсканировал сразу после нашей последней переписки, но из-за поездки не успел отправить. Мария, если есть ещё необходимость в этих фотографиях и информации, то я вышлю... **Мы запланировали поездку в Германию, с целью посещения могилы... Ни разу, если не считать далёкого детства, мы вместе (я, мама, брат) никуда не ездили! Вот они результаты! Спасибо!***

С уважением Павел.

18 марта 2010 года: рукопись в издательстве. Свёрстана уже. Ближе к полуночи пришло второе письмо от внука Павла Алексеевича.

«Добрый вечер, Мария! Высылаю Вам фотографии и немного комментариев, ориентироваться можно по названиям фотографий. Среди этих фотографий вы обнаружите и те, которые дед прислал из Белоруссии, из Польши.

*Фотографии его родителей, страницы книги «О боевом пути Уральской 175 дивизии», в рядах которой служили он и моя бабушка **Екатерина Федотовна ТАЛПА**. На страницах книги шариковой ручкой помечены места, где о нём упоминается. А также фотография его дочери Людмилы (моей мамы). Ну, и мою фотографию, которую я сопоставил (старался и ракурс подобрать) с фотографией своего дедушки.*

К сожалению, не подготовил фотографии моей бабушки и своего брата (разница в возрасте с ним – один час, день нашего рождения 23 февраля), но если нужно, то я пришлю.

По рассказам мамы были еще письма, но они уничтожены в связи с неоднозначным отношением в те времена к фронтовым матерям, а также отношением к этому второго мужа бабушки... Это только потом к ветеранам стали относиться иначе, уважать их. Так что эти фотографии чудом сохранились. Если будут вопросы, пишите...

С уважением, Павел».

Родители разведчика

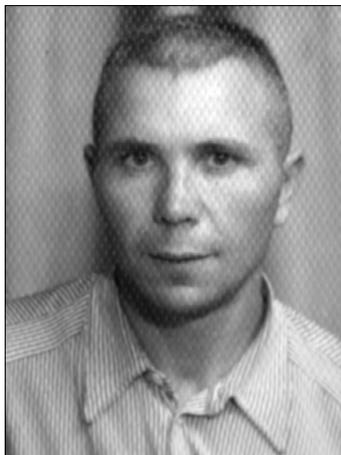

1944

Дед и внук

МАКСИМ ПАРФЕНТЬЕВИЧ ТОМАШ

Июль 1961

Конец 70-х

СОЛДАТ ВЕРНУЛСЯ НА БЕЛОМ СКАКУНЕ

Максим Парфентьевич Томаш (21 августа 1924 г. – 21 июня 1997 г.)

Родом из села Шапте-Бань Рышканского (в довоенные годы – Болотинского) района Молдавской ССР. В нашем селе все его звали ласково Сюня (от Максюня?). Предки его по прабабушке – из Оренбуржья, по прадеду – из Молдавии.

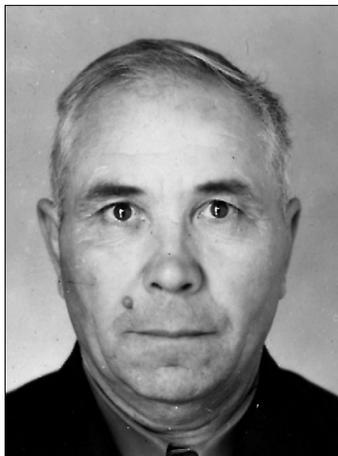
Ушёл на войну совсем юным, как, впрочем, многие уходили прямо со школьной скамьи, с выпускного вечера... Только-только женился. Я не успела родиться. Его забрали на сборы, которые проходили на юге Молдавии. Когда я родилась, меня, двухмесячную, мама отвезла на каруце (молд. – телега) показать молодому отцу.

Затем меня снова возили уже в город Атаки, что на границе с Украиной, попрощаться: отца уже отправляли на фронт.

К сожалению, о подробностях пребывания на войне я не расспросила отца. Это непростительно! Каюсь, хотя понимаю, что поздно. Более десяти лет прошло, как отца не стало. Своё покаяние я решила пронести через все оставшиеся мои дни до конца пути таким образом: открыть Интернет-галерею «АЛТАРЬ ОТЕЧЕСТВА».

*Мама, Анна Никитична
Томаш-Бендрюк, Отец и я. с.Шапте-Бань.
Август 1945 г.*

1994 год

Пусть и другие, кто успел поговорить со своими родными, расскажут о них. Если кто, как я, не успел расспросить своих отцов, дедов, – пусть вспомнят хотя бы то, что сохранила память: даты жизни, когда они ушли на фронт, где воевали, вернулись или... Возможно, кто-то разыщет следы своих родных, друзей, однополчан. Буду рада, если Интернет-галерея поможет в этом кому-то.

Обращаюсь ко всем, кто, возможно, в те минуты шагал по фронтовым дорогам рядом с моим отцом: вспомните, пожалуйста, высокого, симпатичного солдата, с карими глазами (кто теперь их вспомнит?!), курносый, неприметные веснушки, которые золотились весной от южного солнца, а к зиме блёкли. Как и у меня... Разговаривал он на украинском языке вперемешку с молдавским-румынским. Окончил семь классов румынской школы, а, значит, по тем временам, был довольно грамотен.

Сквозь годы-туман мнится мне, что отец упоминал имя Г.К.Жукова – якобы, под его командованием он воевал.

...Вспоминал отец, что Америка тогда для наших солдат прислала только шнурков к ботинкам целый вагон...Так ли это? Что он и его однополчане воевали в ботинках и обмотках, – это правда. Выходит, шнурки нужны были в действительности, но чтобы в таком количестве...

Он всегда рвался вперёд – где труднее! Мог отдать последнюю рубашку тому, кто в ней нуждался. А ещё у моего отца были золотые руки: он «во всех железках разбирался».

На фронте спас своего раненого друга – вынес на плечах с поля боя, кажется, при переправе на реке Одра (немецкое название реки Одер) – друг родом из города Ивано-Франковска (Украина). Позже он приезжал с женой к нам домой – в начале шестидесятых. Вспоминаю: осень, я только приступила к учёбе в пединституте на втором курсе, по-моему. По селу плывёт густой аромат молдавского вина, скорее, сусла: только что собрали виноград, перепустили через дробилку. Из огромнейшей дубовой бочки стекает сладчайшее сусло. Роятся пчёлы вокруг. Вдруг слышу крики, плачи, радостные возгласы!.. Это приехал его однополчанин с женой: хотел познакомить жену со своим спасителем.

Ещё пробивается сквозь годы: смотрю на фотографию, на которой дед, Парфентий Васильевич Томаш, и мой юный отец: как раз в обмотках, со скаткой на плече. На фронте их пути пересеклись, они сфотографировались. С переездами одна-единственная небольшого формата фотокарточка затерялась. Обидно, что не можем найти.

Наш отец не курил. Никогда. Даже в те роковые военные годы.

После ранения на Одре часто находился в военных госпиталях, подлечивал ногу (сквозное ранение голени). Там много читал... и о кройке и шитье, в том числе! Да-да, выписывал в госпиталь литературу из Москвы из книжного магазина, что находился на Кузнецком мосту. Научил меня «читать» выкройки, кроить и шить.

Парфентий Томаш с сыновьями и дочерью.

Сидят слева направо: Максим, Парфентий Васильевич Томаш, Дмитрий.

Стоят слева направо: Иван, Василий, Лидия, Андрей, Николай. В родном селе. 1960-е годы.

Вообще отец предпочитал делать всё своими руками! Нас с братом и сестрой приучал к этому. Ему позже на консервном заводе Шапте-Бань вручили сертификат «Мастер – золотые руки».

Я была бы рада узнать хоть какую-нибудь весточку об отце-фронтовике, узнать о тончайшей чёрточке из его фронтовой биографии. И была бы безмерно благодарна: я смогла бы пополнить свой рассказ. Где вы, друзья-однополчане Максима (Сюни) Томаша?

Ниже мои стихи – простые, по восприятию – почти детские, но в них мало выдумки. Правды больше. Самое интересное то, что отец на самом деле вернулся домой на белом коне, как нагадали матери! Дело было так: от отца долго не приходило писем. Мама так переживала, что и сна не было! Поехала к гадалке в соседнее село. Мама во двор, а та ей:

– Возвращайтесь скорее домой! На белом коне Ваш муж возвращается домой! Поверьте, он в пути! Ранен, но в дороге, приближается к дому.

Мать поспешила домой, переполненная чувством радости, удивления и в слезах... К обеду следующего дня у сельских ворот гарцевал всадник на белом коне.

БЕЛЫЙ КОНЬ

1.

«Последний год войны!» – по радио мы слышим.
Все реже треугольники летят:
Кто в госпиталь попал – тем не до писем,
А кто громит врага – добить спешат.

Сердца родных тревожатся все больше:
Жив ли сынок?.. Когда придёт отец?..
Приблизилась войска до самой Польши,
И правда ль, правда ли – войне конец?!

Ждём весточки три месяца мы с мамой:
А вдруг?.. Нет, нет! – К гадалке мы пойдём.
Телегу запрягли и утром рано
Отправились к цыганке «на приём».

«Домой, моя хорошая, спешите!
Ваш муж в пути на белом скакуне.

Вернётся непременно – завтра ждите!
Я правду говорю, поверьте мне!»

Домой на крыльях мама полетела.
От радости глаза её зажглись.
Всю ночь ни на минуту не присела –
Белила... Пирог в печи пеклись.

2.

Я помню ту весну: пришла Победа,
Печалилось и плакало село
По нашим сыновьям, отцам и дедам:
Всех было жаль, кому не повезло.

Чумазая девчонка, я, под вишней
В ладошку собирала лепестки,
Что на земле лежали неподвижно,
Затем сдувала вверх их, как пушки.

И вдруг, когда клонился день к закату,
Я слышу крик, а мать – среди толпы.
Подходит белый конь, на нём – солдатик:
Отец вернулся раненый с войны.

Все бросились к нему, все обнимают.
Он братьев младших на руки берёт.
Я – в стороне: меня отец не знает,
И по щеке моей слеза течёт.

Но чьи-то руки подняли меня
И вмиг – к отцу – на белого коня!

3.

... Уж больше полувека пролетело.
Отец звездой поднялся в небеса.
В глазах тот день весны: я – в платье белом...
И белого коня забыть нельзя!

26 декабря 1999

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

*Памяти деда,
Парфентия Васильевича ТОМАША –
инвалида Великой Отечественной войны*

Полон альбом фотографий,
В руки беру и смотрю:
Будто значки стенографий
Жизнь записали мою.

Карточка: папа и мама,
Я между ними стою
В басочке¹ в тон сарафана,
В ручке – яйцо я держу.

Годика два – и не больше.
Вижу себя и солдат.
Длилось всё миг – и не дольше,
Миг исторических дат.

Словно туман опустился,
Память мою всполошил:
Год сорок пятый пробился,
В детство меня возвратил...

Белая сельская хата,
Летний, безоблачный день.
Вижу: стоят два солдата,
Плачут и гладят плетень.

Мама подходит к кринице,
Вскрикнув: «Татку, цэ Вы?
Ворог разбит за границей,
Бильше не будет войны?!»

¹ Баска – шапочка, беретик (местн., молд.)

До сих пор я «вижу» синюю басочку с белым бантом-каймою и сарафанчик-комбинезончик в тоненькие разноцветные полосочки – подарок деда из Германии.

Дед расстегнул гимнастёрку,
Снял из-за плеч вещмешок,
Другу отдал всю махорку,
Маме – цветастый платок,

Детям – ремень свой и ложку,
Ножичек, фляжку, кисет,
Мне – сарафанчик в полоску
И на головку – берет.

Серые снял с ног обмотки,
Мягко на травку ступил,
Гладит ладонью пилотку:
Дед по друзьям загрустил.

Кто-то под Брестом остался,
Кто-то – на Курской дуге,
Кто под Берлином сражался –
Замер с винтовкой в руке...

Чарки вином наполняют:
Тризну справляет село.
Женщины в голос рыдают:
Сколько солдат полегло!..

Полон альбом фотографий –
Вехи всех памятных дат –
Будто значки стенографий,
Жизни мгновенья хранят.

15 февраля 2000

Победу добыли Парфентий и старший сын Максим. Победу, мир и свободу передали беречь младшим сыновьям. Они все служили в Армии, кроме Ивана.

2006

НЕ ОТДАВАЙТЕ НА ВОЙНУ СВОИХ ДЕТЕЙ

*Отцу – Максиму Томашу,
Инвалиду Великой Отечественной*

Мне девятнадцать. Рядом юная жена.
Моя любимая со мной обручена,
Но затуманились прекрасные глаза
И плачут, словно виноградная лоза.

Я не успел ее к груди своей прижать,
О самом главном не осмелился сказать:
Внезапно грянула священная война –
И на разлуку жизнь была обречена.

Четыре года по Европе я шагал.
Я трусом не был. Бил врага. Я воевал.
Четыре раза ранен был, но выживал,
К тебе живым вернуться – день и ночь мечтал.

Вот долгожданная настала тишина.
Мы свято верили, что кончится война.
Рыдали вдовы, стон был слышен матерей,
Огонь зловещий гас в печах концлагерей.

Какое счастье, когда музы говорят,
А танки, пушки зачехленные стоят,
Не сеют смерть по всей израненной земле
И первый солнца луч – сверкает на заре.

... Прошло полвека, как закончилась война.
Лампады, свечи в каждый дом внесла она.
О, сколько жизней загубила сыновей,
Любимых, преданных, красивых дочерей!..

И вновь война! Объята пламенем страна!
Нам похоронки слал Афган, теперь – Чечня!..
Я призываю всех на свете матерей:
Не отдавайте на войну своих детей!

9 мая 1995

Рига. Ноябрь, 1945 год. Снимок на память с друзьями. Исаак Трейстер первый слева.

С начала Великой Отечественной войны прошло более 65 лет. Пенсионного возраста достигли уже те, кто родился в последний предвоенный и послевоенный годы. А история Отечества постоянно открывает и находит скромных участников войны, продолжающих передавать свою энергию, жизненный опыт, творческое мастерство, терпимость и уважение к тем, кто находится рядом с ними. Их имена, может быть никогда не встретятся на страницах книг о героях, хотя каждый из воевавших от солдата до генерала, защищая Родину, рисковал самым дорогим – жизнью. Война не только обрывает жизнь. Война коверкает судьбу, ломает жизненные планы, калечит душу, надежду и мечту.

А если война началась, когда тебе только семнадцать?

Так и случилось с Исааком Фиселевичем Трейстером – бывшим ведущим конструктором бригады фюзеляжа ОКБ.

Война, а молодой человек желает воплотить свою мечту в музыке, стать пианистом, а лучше – композитором. Судьба одарила его абсолютным музыкальным слухом, трепетными красивыми руками и горящим сердцем. Он любил музыку, окончил музыкальную школу. Родители радовались его

успехам в учёбе, поддерживали его стремление к сценической деятельности в будущем.

Но война изменила планы. У страны появилась потребность в других профессиях. И.Ф. Трейстер выбирает МВТУ им. Н.Э.Баумана, а в 1924 году добровольцем вступает в ряды Советской Армии. Его направляют в Ленинградское артиллерийское техническое училище, после окончания которого – 1-й Прибалтийский фронт.

Он становится бойцом 46-й артиллерийской зенитной дивизии, участвует в освободительных боях 49-й армии. В звании лейтенанта, командира взвода И.Ф. Трейстер входит в Кёнигсберг.

Исаак Фиселевич вспоминает:

– Мы были молоды. Всем хотелось окончания войны, мы ждали победы.

На фронте он всегда находился на передовой линии боя, чтобы активнее участвовать в достижении победы.

У войны недоброе лицо, может быть, поэтому тяжело вспоминать о погибших друзьях, сражениях, где вокруг, особенно при артиллерийской канонаде, всё гремело, сверкало, горело, рушилось и... «пейзаж после битвы». Эти раны незабываемы для сердца.

После окончания войны И.Ф. Трейстера оставили в резерве. После демобилизации в 1946 году он продолжает со второго курса учёбу в МВТУ и получает назначение на военный завод.

Казалось бы, ещё есть возможность получить вторую специальность и вернуться к музыке, но стране потребовались механики для обслуживания сельскохозяйственной техники. Новый передовой рубеж : И.Ф.Трейстер – механик МТС Владимирской области.

И только в 1962 году он приходит в ОКБ А.И.Микояна. Оказалось, что в его судьбе всё-таки авиация одержала победу... А музыка? Музыка никогда не покидала ни ум, ни сердце. Исаак Фиселевич вместе с творчески одарёнными сотрудниками – коллегами предприятия, участвовал в концертах.

В последние годы Исаак Трейстер живёт активной творческой жизнью, уже являясь членом ПараАртийского Центра «Иван да Марья». Он – член Совета ветеранов района Чертаново Южное города Москвы. Не по годам энергичен, готов всегда к делам, лёгок на подъём, спешит другим на помощь. А на сцене во время концертов и до сих из-под его тонких пальцев рождается и живёт Музыка...

ЕВГЕНИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ХОДЖИБЕКОВ

*Алексей Солдатов.
Доброволец автозавода, боец 27-го
Танково-самоходного полка им. Наркомсредмаш,
Май 1943 года. г.Курск*

Евгений Константинович Ходжибеков родился в 1924 году 7 Марта в Ростове-на-Дону, всю жизнь прожил в Москве. По национальности армянин. После окончания десятилетки был призван в армию и направлен в Смоленское артиллерийское училище, стал курсантом. По окончании училища было присвоено звание гвардии лейтенанта. В Феврале 1943 года направлен в действующую армию командиром батареи 76-миллиметровых орудий. На передовой назначен командиром батареи 120-миллиметровых гаубиц.

ВОСПОМИНАНИЯ ЕВГЕНИЯ ХОДЖИБЕКОВА:

– Командовал я батареей, которая принимала активное участие в освобождении Севастополя. В то время на Крымском направлении был командующим Ф.И.

Толбухин (войсками Южного, 4-го и 3-го Украинских фронтов). За бои по освобождению города Севастополя я был награждён орденом "Красной Звезды". Шли ожесточённые бои за город Херсон. Картина там была страшная. Абсолютно все здания были разрушены. Лежало очень много убитых, как немцев, так и наших. Мёртвых не убирали. Над нами часто летали немецкие самолёты-разведчики Fw 189 "Рама", пытавшиеся обнаружить наши позиции.

Нас ожесточённо обстреливали. Разведка тоже давала нам координаты немецких батарей, и мы тяжёлыми 120-миллиметровыми гаубицами уничтожали позиции противника. На войне действовал неписанный закон: "Если ты промахивался, то попадали в тебя".

В начале войны большая часть нашей артиллерии была на конной тяге, впоследствии мы постепенно перешли на тягачи. Когда я командовал батареей 76-мм. орудий, они были на конной тяге. Со мной произошёл случай, который чуть не стоил мне жизни. Наши батарея ночью меняла позицию, мы совершали длительный переход. Все были уставшие, две ночи не спали. Я шёл рядом с

76-мм пушкой моей батареи. Меня убаюкало, стал дремать на ходу. Полу моей шинели затянуло под колесо пушки, я инстинктивно подставил руки, и пушка перекаtilась через мой живот, чудом не раздавив меня насмерть. Когда убили командира, меня назначали командовать дивизионом. Наш дивизион попал на 3-й Украинский фронт под командованием маршала Г.К.Жукова. Немцы в это время бросили все силы на оборону города Будапешта. Наш артиллерийский полк направили на прорыв обороны немцев. Мы смогли остановить противника и выгнать их из Будапешта.

За храбрость и мужество, проявленные в боях, был награждён орденом. Вскоре, в марте 1945 года, получил благодарственные письма от Верховного Главнокомандующего И.В.Сталина:

«Дорогой товарищ Ходжибеков Евгений Константинович, приказом Верховного Главнокомандующего – товарища И.В.Сталина, Вам объявлена благодарность:

“За участие в разгроме танковой группы немцев юго-западнее Будапешта в составе Одиннадцатой танковой дивизии – приказ № 306 от 24 марта 1945 года, ” За овладение городом Девичер – приказ № 311 от 26 марта 1945 г.”,

“За овладение городом Сомбатель – приказ № 316 от 29 марта 1945 г.”,

“За овладение городом Глоггнитц – приказ № 328 от 3 апреля 1945г.”.

Впоследствии получил поздравление и благодарность от Сталина:

«Участнику боёв Ходжибекову Е.К. за город Вену в апреле 1945 г. ”Полная победа над немцами теперь близка, но победа никогда не приходит сама, она добывается в тяжёлых боях и упорным трудом. Обречённый враг бросает в бой последние силы, отчаянно сопротивляется, чтобы избежать возмездия. Он хватается, и будет хвататься за крайние средства борьбы. Поэтому надо помнить, что чем ближе наша победа, тем выше должна быть наша бдительность, тем сильнее должны быть наши удары по врагу”. И.В.Сталин.

*Евгений Ходжибеков. До свадьбы.
1953 год*

*Варвара Кошаева-Ходжибекова.
1950 год*

“Дорогой Ходжибеков Е.К., приказом Верховного Главнокомандующего товарища И.В.Сталина от 13 апреля 1945 г. За № 334 объявлена благодарность войскам 3-го Украинского фронта, в том числе и Вам, как участнику боёв за подступы к городу Вене и за овладение столицей Австрии – городом Вена. В ходе боёв за Вену наши войска разгромили одиннадцать танковых дивизий немцев, взяли в плен более 130 тысяч солдат и офицеров противника, уничтожена военная техника и военное имущество”.

В боях за город Будапешт меня ранило вторично. После этого ранения я попал в госпиталь. Подлечился и снова в бой.

В конце 1944 г. я с четырьмя бойцами пошёл в разведку, чтобы обследовать ничейную территорию, находятся ли там немцы. Мы продвигались ползком, местность была открытая. Вдруг из-за холма неожиданно появилось три немецких бронетранспортёра. На открытой местности они заметили нашу разведгруппу и открыли сильный огонь из 3-х станковых пулемётов, расположенных на бронетранспортёрах. Укрыться негде было. Мы вынуждены были принять неравный бой. У нашей группы было три винтовки, два автомата и несколько гранат. Наша разведгруппа ожесточённо отстреливалась. Гранатами мы подожгли один бронетранспортёр и подожгли другой. Но троих солдат, находившихся со мной, убило в этом бою. Меня сильно ранило в ногу, сапог был полон крови.

Немцы старались нас окружить и взять в плен. Патроны и гранаты у меня закончились, я полз, пытаюсь укрыться в складках местности. У меня оставался

пистолет "Наган" с шестью пулями. Я оставил последний патрон, чтобы застрелиться и не попасть в плен к врагу. Надежды на помощь не оставалось. Будучи офицером и имея билет ВКП(б) в нагрудном кармане, я бы живым в плен не сдался. Неожиданно наша батарея заметила оставшийся немецкий бронетранспортёр и открыла по нему огонь. Это помогло мне отползти в безопасное место и чудом спастись. После снова попал в госпиталь на лечение. Шрам на ноге остался на всю жизнь. Во многих боях, в которых я принимал участие, наша батарея отражала наступление немецких танков "Тигров" и "Пантер". Часто приходилось вести огонь прямой наводкой, в ближнем бою с врагом. Сокрушительный огонь тяжёлых орудий батареи останавливал атаки вражеских танков.

Враг отступал, оставляя на поле боя подбитые горящие танки "Тигры" и "Пантеры". Тяжёлые гаубицы батареи крушили знаменитую "Крупновскую" танковую броню фашистов. В одном из ожесточённых боёв, юго-западнее Будапешта, после непрерывных атак противника, неповреждённым оставалось только одно орудие батареи. Прислуга орудия была убита осколками фашистского снаряда. Чтобы остановить атаку прорывавшегося фашистского тяжёлого танка "Тигр", я сам заряжал орудие и прямой наводкой вёл огненную дуэль с вражеским танком, один на один. Танк успел первым выстрелить, и был перелёт, снаряд разорвался за орудием.

"Времени на промах и на второй выстрел у меня нет, – подумал я. – Всё в этой огненной дуэли решают секунды. Если выпущенный мною снаряд не попадёт во вражеский танк, то вторым выстрелом танк расстреляет уцелевшее орудие батареи в упор, или раздавит его гусеницами и прорвёт линию нашей обороны!».

Хорошо прицелившись, я выстрелил. Мой 120-мм снаряд пробил лобовую броню, уничтожив фашистский танк. Раздался сильнейший взрыв, всё заволокло дымом и огнём. В нескольких десятках метрах от уцелевшего орудия застыл горящий, дымящийся фашистский "Тигр", пытавшийся прорвать нашу оборону и уничтожить батарею.

На этом направлении фронта нашу батарею атаковала танковая дивизия "СС". Вскоре нам на помощь подошло подкрепление и оборона, которую держала наша батарея, была усилена. Этот боевой эпизод был учтён командованием при награждении меня "Орденом Отечественной войны" за храбрость, стойкость, мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Получил я и благодарность от Верховного Главнокомандующего И.В.Сталина:

«Старший лейтенант Ходжибеков Е.К. вступил в ВКП(б) (Всероссийскую Коммунистическую Партию Большевиков) в 1943 г., находясь на передовой.

Вступил по зову сердца из патриотических чувств, чтобы защищать Родину (Союз Советских Социалистических Республик)».

Это происходило в период, когда ещё неясно было, кто победит? Ещё не было решающих побед под Сталинградом и на Курской дуге, коренным образом, решивших исход войны. Этот неподдельный патриотизм объединил людей всех национальностей, проживающих в СССР, на защиту своей Родины и победу над фашизмом, покорившим всю Европу. Только национальное единство сплочённость, взаимовыручка, массовый героизм народа принесли победу над врагом. Если была бы в стране национальная неприязнь, раздробленность, деление по национальной принадлежности, то фашизм одержал бы лёгкую и быструю победу – удался бы план Гитлера “Блиц криг”.

Ходжибеков Е.К. прошёл всю войну в составе 3-го Украинского фронта. Участвовал в ожесточённых боях за Мамаев курган, г.Калач, Турецкий Вал, Севастополь, Кёнигсберг, Будапешт, Вену, озеро Балатон, г.Девичер, г.Шарвар, г.Сомбатель, г.Глаггницц.

Из характеристики с места работы:

После войны Ходжибеков Е.К закончил Архитектурный институт и был направлен на работу в Читу главным архитектором города. Проработал три года в этой должности. Впоследствии работал в Москве многие годы до окончания трудового стажа в Центральном Научно-исследовательском институте гражданского строительства в должности начальника архитектурной мастерской.

Ходжибеков Е.К. проявил себя как высококвалифицированный специалист и опытный наставник. Его вклад в работу института огромен. Коллектив мастерской под его руководством являлся одним из надёжных, квалифицированных и хорошо организованных подразделений.

Воспоминания жены Варвары Ивановны Кошаевой-Ходжибековой:

– После смерти мужа Генеральный директор института, Заслуженный строитель России М.Г.Лейзерович написал в Правительство Москвы Ю.М.Лужкову ходатайство о предоставлении места для установления “Военно-мемориальной компанией” мраморного памятника герою. Он пишет: “Ходжибеков Евгений Константинович – Участник и инвалид ВОВ, награждён многими правительственными наградами за боевые и трудовые заслуги, проявил себя как высококвалифицированный специалист и опытный наставник, его вклад в работу института огромен. Коллектив мастерской под его руководством являлся одним из надёжных, квалифицированных и хорошо организованных подразделений».

С 1956 года Евгений Константинович являлся Членом Союза Архитекторов. За активную трудовую деятельность и большой вклад в Архитектуру

неоднократно награждался «Золотыми» и «Серебряными» медалями с вручением наград в Кремле в Георгиевском зале. За боевые и трудовые заслуги награждён орденами, медалями и знаками отличия.

Е.К. Ходжибеков умер 30 Апреля 2003 года. Похоронен на Армянском кладбище, который находится рядом с Ваганьковским. «Военно-мемориальная компания» как герою установила памятник из чёрного гранита.

Варвара Ивановна КОШАЕВА-ХОДЖИБЕКОВА – ветеран ВОВ. С июня 1941 года служила в Эвакогоспитале № 2780, выхаживала раненых бойцов. Работала в годы войны и на трудовом фронте, этим помогала фронту.

Образование Высшее – художник-конструктор. В Российской Художественно- Промышленной Академии закончила с отличием Аспирантуру и написала диссертацию. Работала Дизайнером, Ведущим художником-конструктором в специальном Художественно-Конструкторском бюро (СХКБ), а также в Комбинате Прикладного Искусства. Принимала участие в выставках. Получила 7 авторских паспортов из Госкомитета по делам изобретений. Член Союза Художников Международного фонда.

В 1988 г. Окончила Институт Бизнеса и Предпринимательства. Получила квалификацию “Предприниматель V категории”. В 1988 г. Вместе с Президентом страны открывала Первую независимую коммерческую Страховую компанию “АСКО”. Была членом правления, руководителем направления. Работала до закрытия организации в 1997 году. В приказе написано: “ За время работы своей активной деятельностью внесла большой вклад в становление и развитие компании, которая охватила всю страну; способствовала завоеванию ведущего места на страховом рынке России”. Приказом руководства было присвоено звание: “Почётный Страховой агент страховой компании АСКО”.

Ежегодно в День Победы получает красочное поздравление от Президентов России – Б.Н.Ельцина, В.В.Путина – и от Мэра Москвы Ю.М.Лужкова

Правительственных наград за активное участие в дни Отечественной войны и труд в мирное время получил более 30: Медаль “Наше дело правое, мы победим” – за доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.; “Ветеран Труда” – за многолетний добросовестный труд, “60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.” и другие.

2007

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ЧЕКМАРЕВ

Василий в 1941 году

Василий Михайлович Чекмарёв – коренной москвич.
Родился 28 февраля 1915 года. Жаль, не дожил до сегодняшнего дня...

Разразилась Великая Отечественная война. Как начальник прядильной фабрики «Красный Суконщик» Василий Михайлович обязан был оставаться на месте. И хоть рвался на фронт, его не отпустили: он получил броню. Солдат надо было одевать! Шинели, шинели, шинели – они тоже воевали. А когда конец войне, – никто не мог предвидеть.

За всю войну фабрика не остановилась ни на минуту. Работал и Василий Михайлович, и жена, Александра Андреевна, прядильщица: была рядом, на своём посту.

Долгожданная Победа стала и их Победой: искренне радовались вместе со всем народом. Теперь уже надо было восстанавливать разрушенную страну. В мирное время ткани также нужны.

С Александрой Андреевной надо было поднимать и дочерей.

2006

Со слов дочери Лидии Чекмарёвой-Силаковой

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ ЧЕКМАРЕВ

Иван Чекмарёв с другом

На обороте фотографии: (стиль, орфография и пунктуация сохранены – авт-сост.)

Австрия. Г. Грац.
Дата съёмки 09.05.45
Так отмечал день победы
вместе с другом и отметили
наши совместные походы
по странам Западной Европы.
Итак шлю на долгую, долгую
память свою рожницу с другом.
Своему другу Василию
Михайловичу Чекмарёву.

Итак друг Василий,
вспоминай порой и о мне с товарищами,
И вспомни о нашем в Прош-
лом времени. Затем
Твой друг Вас. Чекмарёв (республика).
Румыния 17.08.45 г.

Австрия ? в. Грац.
Дата съёмки 09.05.45 г.
Так отмечал день победы
вместе с другом и отметили
наши совместные походы,
по странам Западной Европы.
Итак шлю на долгую, долгую
память свою рожницу с другом.
Своему другу Василию
Михайловичу Чекмарёву.
Итак друг Василий, вспомни
порой и о мне с товарищами.
И вспомни о нашем в Прош-
лом времени. Затем
Твой друг Вас. Чекмарёв.
Румыния 17.08.45 г.

Об авторе надписи можно сказать: обладатель красивого почерка, бесхитростный, радушный. Радостью, что остался жив, спешит поделиться со своим другом Василием Михайловичем ЧЕКМАРЁВЫМ, который является ему и двоюродным братом.

Иван Михайлович ЧЕКМАРЁВ на войне пробыл от начала до конца. Вернулся раненый.

Фотографию сохранила и любезно предоставила для интернет-галереи Лидия Силакова (Чекмарёва) – дочь Василия. Как жаль, что только это мы можем представить в своей галерее!

Возможно, у его друга, который с ним рядом на фотографии, больше сведений смогли бы получить или от его родных, – но мы их не знаем. Ясно только одно: они, эти два воина, воевали на фронтах той незабываемой войны, чтоб наше будущее было мирным и безоблачным. Мы перед ними в неоплатном долгу. И сохраним их имена, их лица для истории и наших потомков...

2007

АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВНА ЧЕКМАРЕВА

*Ткацкий станок – это их фронт.
Александра справа*

Александра Андреевна Чекмарёва (в девичестве – Ивановна) родилась 22 апреля 1914 года в Москве.

Когда запылала война, Александра уже работала на прядильной фабрике «Красный Суконщик» прядильщицей. Так и продолжала оставаться на рабочем месте: фабрика не останавливала своей работы. Из пряжи выпускалась крайне необходимая ткань, суконная, из неё шили солдатские шинели. Работала на фронт. Это был её и тысяч её подруг трудовой подвиг во имя Победы над врагом.

13 августа 1941 года под гроыхающие разрывы бомб и снарядов, под отблески пожаров Александра родила дочь – Лидию. Конечно, не ко времени, но его, время появления на свет человека, не выбирают.

Молодая мамочка с фабрики не уходила ни днём, ни ночью. Новорожденную кроху-дочь кормить грудью не было возможности. И тем более – воспитывать четырёхлетнюю старшую дочку Людмилу. В то время дети росли и взрослели как-то сами собой. Все находились тут же, при заводе. Завод и стал на военное время их домом.

Всю смену в глазах мельтешили нити, от которых рябило в глазах, катушки вертелись с бешеной скоростью так, что и голова с ними кружилась... Но все понимали: от их труда зависит приближение Победы над врагом. И работая, еле стояли на ногах. Ноги гудели, отекали, болели, но молодые прядильщицы ещё с большим старанием выполняли задание: пряли и пряли длинную нить к Победе.

Выстояли!

ВАСИЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ ЧЕРВЯКОВ

Вот он, друг мой Василёк

В душе каждого ветерана живёт особая память о суровом времени Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.

Участник ВОВ Василий Сергеевич Червяков, который служил техником авиаэскадрильи в авиационных частях в составе 16-й Воздушной Армии (ВА), является моим добрым другом. Он не раз запечатлевал мероприятия ПараАртиады с видеокамерой в руках.

Вели мы с ним разговоры и о его боевой службе. Василий Сергеевич, человек большой эрудиции, талантливый видеоператор, верный друг с лёгкой иронической усмешкой рассказывает о себе и с неподдельной серьёзностью – о своей работе, о друзьях.

Слово другу:

– Огромный вклад в нашу Победу внесла авиация и, особенно, 16-я Воздушная Армия, в которой я имел честь служить. Армия была организована под Сталинградом в сентябре 1942 года в тяжелейший период Отечественной Войны. Командующим объединения был назначен генерал-майор авиации РУДЕНКО Сергей Игнатьевич – талантливый авиационный начальник и просто симпатичный человек, впоследствии маршал авиации, Герой Советского Союза.

Много славных страниц в героическую летопись Вооружённых сил вписано личным составом 16-ой Воздушной Армией. В 1942 году Армия имела

Служили два товарища... (Василий слева)

около 400 самолётов «ПЕ-2», «ИЛ-2» (противник называл их «крылатыми танками», «чёрной смертью») и «ПО-2». К концу войны в её рядах насчитывалось более 3000 машин.

Так уж сложилась судьба Армии, что везде и всегда, и в годы войны, и в мирные дни, она обеспечивала решение наиболее ответственных и важных боевых задач. С момента создания и до окончания боевых действий 16-я ВА постоянно находилась на решающих направлениях: Сталинградском, Донском, Центральном, Белорусском, 1-м Белорусском фронтах.

Начиная со Сталинграда, советская авиация уверенно завоёвывает превосходство в воздухе. Активную роль сыграла 16-я ВА и в Курской битве. Темп продвижения наших войск после разгрома немцев под Курском бы настолько высок, что заставил командование 16-й ВА искать новые решения в применении фронтовой авиации. Широко использовался захват взлётных площадок в тылу немцев. В передовых отрядах танковых подразделений находились БАО – батальоны аэродромного обслуживания, которые брали с собой всё необходимое (боеприпасы, топливо, небольшие отряды обороны и т. д.) для обеспечения боевых действий самолётов.

Самолёты взлетали со своих аэродромов и садились уже на новых точках (в тылу врага). Авиация, в буквальном смысле слова, шла впереди пехоты.

Много славных и героических дел совершили наши лётчики. В боях под Курском открыл счёт сбитым самолётам врага прославленный ас Иван Ники-

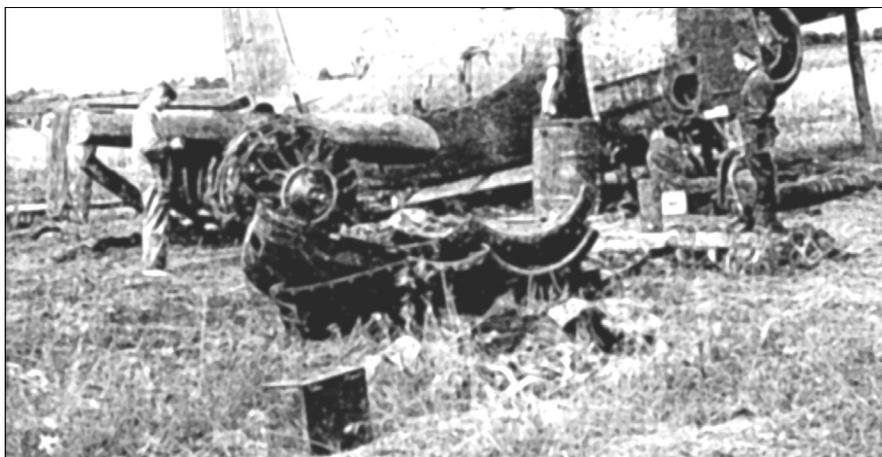
тович КОЖЕДУБ, впоследствии – маршал авиации, трижды Герой Советского Союза, который к апрелю 1945 года довёл счёт до 62.

Под Курском отличился Виталий Константинович ПОЛЯКОВ, который у всех на глазах сбил один самолёт противника, а когда кончились боеприпасы, пошёл на таран бомбардировщика. Оба самолёта разбились, а Виталий Константинович, успел выпрыгнуть с парашютом и остался жив. Ныне он генерал-майор, профессор и является главой Совета ветеранов 16-й ВА. Когда на праздновании 55-ой годовщины Курской битвы в местном музее города Поныри рассказывали об этом его подвиге, Виталий Константинович стоял рядом со слезами на глазах.

На том же празднике мы увидели, как чтят память отцов и дедов, отдавших жизнь за нашу Родину. Растёт хорошая молодёжь. Ребята проводят поисковые работы и делают перезахоронения останков воинов, погибших на Курской дуге.

16-я ВА принимала участие в боях юго-восточнее Бобруйска, где совместно с 4-й ВА сорвала наступление немцев на Белоруссию, нанеся мощнейший удар по вражеским колоннам, которые отходили по шоссе Могилёв-Минск. Тогда противник потерял немало людей и техники (около 3000 машин). Лётчики 16-й ВА обладали огромным мужеством, сноровкой в воздушном бою. Было немало случаев, когда один или два наших самолёта разгоняли большую группу самолётов противника.

Нашим войскам предстояло освободить Брест и захватить плацдарм на правом берегу реки Западный Буг. Главной задачей 1-й ВА в это время являлась поддержка наступающих частей.

После боя – проверка самолёта, ремонт

Прорыв под Ковелем произошёл в ночь на 18 июля. Бомбардировщики разрушили основные опорные пункты вражеской обороны. Утром, перед атакой, над полем боя появились крупные группы «ПЕ-2» и «ИЛ-2» 16-й и 6-й ВА. Снарядами и бомбами они атаковали позиции противника около полутора часов. За день авиация совершила более 1000 самолёто-вылетов.

В боевом небе зародились такие принципы как: сражаться до последнего патрона и не щадить своей жизни до полного выполнения полученного приказа; стремиться во что бы то ни стало победить врага, используя при этом все средства, вплоть до тарана; вступать в бой с противником, невзирая на его численность.

Каждый третий авиаполк 16-й ВА стал Гвардейским. Свыше 27 тысяч человек из состава ВА награждены боевыми орденами и медалями. За мужество и отвагу 204 лётчика и штурмана удостоены звания Героя Советского Союза. Вклад авиаторов 16-й ВА в Победу огромен. Участвуя в сражениях на главных стратегических направлениях, они уничтожили 5700 самолётов, свыше 173000 солдат и офицеров врага. Именно с таким количеством техники и личного состава фашистская Германия начала войну против нас в 1941 году.

После окончания войны 16-я ВА, как самая мощная и подготовленная, вошла в состав Группы Советских оккупационных войск в Германии.

И в мирное время 16-я ВА продолжала верно служить своей стране. К сожалению, в 1998 году указом Президента 16-я ВА была расформирована.

Из 16-й ВА вышло много прекрасных авиаторов. Некоторые из них стали космонавтами: Георгий Тимофеевич БЕРЕГОВОЙ, Павел Романович ПОПОВИЧ и другие. Всемирно известны лётчики пилотных групп «Витязи» и «Стрижи», которые сейчас летают на самолётах уже XXI века, единственные в мире выполняют фигуры высшего пилотажа «Кобра», «Колокол».

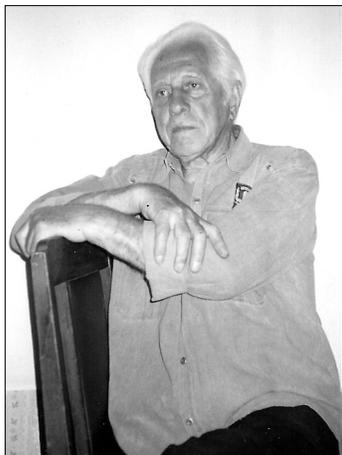
Я счастлива, что на моём пути встретился этот прекрасный человек! Называю его ласково «Вася, Василёк» – я, которая только увидела свет в то время, как он нещадно громил врага. И Василий Сергеевич не противится.

Бывает, долго не переговариваемся по телефону, звоню и разыгрываю его, представляясь другим именем, «обвиняю», что заманил даму, наобещал, клялся в верности и... бросил. Тут он сразу меня разоблачает!

Кстати, в нашем ПараАртийском Центре «Иван да Марья» он своего боевого друга, Ивана Аполонова, встретил! Об Иване Михайловиче Аполонове – читайте в «первом зале».

Март 2007

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ШЕВЕЛЁВ

Фотографии военных лет не сохранились

(12 октября 1924 г. – 14 марта 2005 г.)

Родился в деревне В.-Слаутино Мещовского района Калужской области.

Воевал на Великой Отечественной войне с июля 1942 года по 9 мая 1945 года.

Николай Шевелёв, как и многие его сверстники, совсем ещё юный, принял военную присягу 26 марта 1942 года при 205-м запасном стрелковом полку.

С февраля по май 1942 года рядовой Н.Шевелёв был курсантом школы младших командиров отделения.

Наши вчерашние мальчики сразу повзрослели. Остро осознали, что им доверено защищать Родину. Разве могли тогда они спрятаться за спины родителей?! Разве думали о том, что можно, потеряв честь и достоинство, не встать в ряды бойцов?! Николай, мой красивый, мужественный, смелый муж сражался от первого до последнего дня за святую, светлую Победу. Не боялся врага, не кланялся земле, не прятался в кусты. Потомки должны гордиться и не забывать тех, кто не жалел себя во имя продолжения жизни других.

Николай Шевелёв вернулся с войны и женился на Анне Ивановне, прожил с ней прекрасную жизнь длиной в сорок восемь лет. В 1984 году её не стало. С

августа 1998 года я стала его второй женой. Благодарю Бога, что встретила в свои шестьдесят лет такого доброго, любящего и для меня любимого человека. Война покалечила его тело, но душу не ожесточила: во всём чувствовала её красота и благородство. Николай Григорьевич очень любил песни. Это нас и сблизило.

Счастье наше было недолгим: в 2003 году, когда он только-только перешагнул свой семидесяти девятый порог, тяжело заболел. Два года я боролась за его жизнь, которую он очень любил. Потеряла навсегда его 14 марта 2005 года. Похоронила на Хованском кладбище, как он просил, – рядом с Аннушкой. Помню. Часто навещаю его.

Муж мне скупно рассказывал о своём пребывании на войне: видимо, воспоминания были слишком тяжелы. Из того, что знаю:

Николай Григорьевич Шевелёв на фронте с 1942 по 1945 гг. – сержант, командир отделения 1097-го Стрелкового полка; – сержант, командир миномётного отделения 56-го Гвардейского стрелкового полка; – сержант, командир топографического отделения 597-го Артиллерийского полка; – сержант, командир отделения 190-й Стрелковой мотостроительной роты.

Как на всякой войне за солдатами следует по пятам смерть. Николай Григорьевич не раз был ранен, к счастью, не смертельно: 28 августа 1942 года Николай был тяжело ранен в правое лёгкое; в марте 1943 года получил снова тяжелое ранение, и опять в жизненно важный орган, в левое лёгкое; 31 декабря 1943 года – ранение было в ягодицу (когда в последние дни его жизни надо было ставить уколы, медсестра ввела иглу в твёрдый послеоперационный шов в этом месте, то более двух месяцев он ощущал сильную боль); в августе 1944 года молодой боец получил сильный ожог спины; 9 января 1945 года, когда уже грезилась Победа, Николай получил тяжёлую контузию и ранение в стопу. Но домой вернулся живым!

За честную и доблестную службу Н.Г.Шевелёв имел правительственные награды и награждения нагрудными знаками: Орден «Красная звезда», медаль «За победу над Германией», «25 лет Победы в Великой отечественной войне 1941–1945 гг.» (не сохранились); «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

В годы Великой Отечественной войны появилась целая плеяда очень талантливых поэтов, писателей. Их творчество – важный пласт яркой литературы. Николаю Григорьевичу, видимо, тоже хотелось выплеснуть свои воспоминания-переживания на бумагу. Сохранилось его единственное стихотворение. Строки его бесхитростны, но искренни, душевны, говорят о человеке доброй, лирической души, пусть не так талантливы, как у других поэтов, но автор дарит нам свои воспоминания о тех страшных, гибельных годах.

СЕДИНА

На войну уходил я совсем молодым,
А с войны возвратился солдатом седым.
В дом вошёл свой – меня не узнала родня:
На висках у меня седина.

Всё сжигала и рушила вражья орда,
Алым цветом окрасилась в реках вода.
Сколько бед причинила злодейка-война!..
Седина ты моя, седина!

Похоронки война рассылала с фронтов,
А сердца материнские ждали сынов –
В душах их поселилась навек тишина –
Ей сродни всех солдат седина...

Я горжусь сединой серебристой своей,
В битвах потом и кровью омытой моей.
Весь я в ранах, как будто в зарубках сосна.
След войны – ты моя, седина...

Устремляются к солнцу цветы от земли
И рождаются дети и внуки в любви.
Ранней, мирной весной расцветает страна.
Вот и старость пришла, седина...

По остывшим военным дорогам пройду –
Если надо, то в строй непременно вернусь,
Гимнастёрку надену, и пусть седина! –
Жизни не пожалею, страна.

Вспоминаю тревожную юность... войну
Да с ресницы слезинку украдкой смахну.
Горя горького боль не умрёт никогда,
И не гаснет на небе звезда, –

То горит седина, как звезда...

*31 января 2010
Раиса Кузьминична Митлаевская*

ВАСИЛИЙ ПАВЛОВИЧ ШЕЙКО

*Шейко Василий Павлович – справа,
и его сослуживец – КАРЯКИН Павел Николаевич
На обороте фото надпись:
В лазарете. 18.-35 г.*

*Шейко В.П.(стоит) с другом.
На обороте фото – надпись:
Д.В.К. Ст. Ерофей Павлович.
Санитарная часть. 18.VIII.36*

ВОСПОМИНАНИЯ ДОЧЕРИ НИНЫ ГОРЮНОВОЙ-ШЕЙКО

Отец мой, Шейко Василий Павлович, был профессиональным военным. Когда началась война, он был в офицерском звании. Призван на фронт в первый же год войны. И в первый же, 1941 год, погиб. Мне было год с небольшим.

По рассказам родных, он погиб под Смоленском, при переправе через Днепр.

Мать моя, **ТЕРЁХИНА Ольга Никитична**, работала швейей на фабрике в Москве. Во время войны она рыла окопы под Москвой, простудилась и заболела.

Болела она долго, в течение многих лет, и тяжело. Когда мне было тринадцать лет, болезнь ещё больше усугубилась, и вскоре её не стало. В день, когда мне исполнилось четырнадцать лет, маму хоронили.

Терёхина Ольга Никитична

Не могу упомянуть и об отце мужа: **ГОРЮНОВ Алексей Иванович** – в годы Великой Отечественной войны, проявив героизм и мужество, погиб в 1943 году. Похоронен в деревне Каменки Орловской области. Осталось от него только одно извещение о гибели и ни одной фотографии.

2006

Копия
Форма № 4

СССР
Наркомиссариат
Обороны
Москворецкий Райвоен-
комиссариат г.Москвы
9 ноября 1943 г
№ 1/145-в
г.Москва

ИЗВЕЩЕНИЕ

Ваш муж кр-ец Горюнов Алексей
Иванович уроженец Рязанск. обл
Б.Коровинск.р"на с.Лобково
в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге и
проявив героизм и мужество был убит 13 сентября 1943 г
похоронен у дер.вост.окраины дер.Каменки Дмитриевск.р-на
Орловской обл

Настоящее извещение является документом для возбуждения
ходатайства о пенсии /приказ НКО СССР № 138/

/Райвоенком - ст.политрук -подпись _____
Начальник части интендант 2 ранга - подпись _____
Делопров. -подпись _____
Гербовая печать - Москворецкий Райвоенкомиссариат г.Москвы

2. Москва

Ва-31

и Ю л я

1988 года Я,

Касперович Ю. И.

Государственный нотариус 3 Московской
Государственной нотариальной конторы, свидетельст-
вую верность этой копии с подлинником документа.
Я сличил копию с подлинником; причём в последнем
подписании, приписок, зачеркнутых слов и иных недо-
говоренных исправлений или каких-либо особенностей
не оказалось.

Зарегистрировано в реестре за №

1-8385
ОСР. 140. 01264

Взыскано государственной пошлины

Государственный нотариус

Ва

Извещение на Горюнова Алексея Ивановича

А ДО ПОБЕДЫ ДВЕ НЕДЕЛИ

Апрель, привал...
На отдых три часа.
Солдат устал.
Письмо бы написать
Жене и сыну,
Что родился в 41-ом,
Но мирную картину
Истощённым нервам
Ещё представить трудно.
Пока тревожны сны,
Но чувствует подспудно
Солдат пророчество весны.
И с каждым днём
Дороже жизнь.
Её дыхание во всём...
И очень хочется дожить
До мирных буден.
Возник рассвет...
Бой будет труден.
Сигнальный свет ракет
Поднимет всех в атаку,
А тот и этот свет
Пойдут в большую драку.
Солдат проснулся, слышит писк...
Откуда здесь котёнок серый?!
Сапёры спят, огромен риск,
Но он для воина не первый.
Поцеловав нательный крест,
Пополз храбрец на поле смерти.
Он родом из сибирских мест.
Его боялись даже черти!

И вот комочек жизни малой
Затих, согретый вполне,

Как будто ясно понимал он,
Что дорог отдых на войне.

А до Победы две недели...
О том солдат пока не знал.
Пропахли порохом шинели.
И риск пока ещё не мал.
Уснул котёнок – талисман,
Солдат дремал в лучах рассвета.
Слегка рассеялся туман
И скоро мирным будет лето.

*23 ноября 2009
Александр Медведев*

ВАЛЬС ЗАБВЕНИЯ

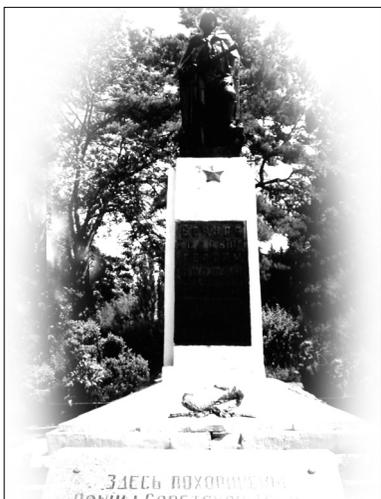
«... Никто возратить нам погибших не в силах,
И вдовы горюют, и плачет гармонь,
И звёзды пылают на братских могилах,
И светит над плитами вечный огонь...»

*«Дети мои, дети мои». Максим Геттуев,
Народный поэт Кабардино-Балкарии*

Долго не соглашалась на поездку в Кисловодск: климат тамошний мы не подошёл ещё в далёком 1986 году. Уговорила меня поехать туда в санаторий знакомая. Мы очень устали и жаждали отдохнуть. В душе, глубоко, где-то на самом её доньшке, копошилась надежда: а вдруг всё обойдётся. Прошло двадцать лет с первой поездки! Всё должно быть нормально. Климат меняется, и мне обязательно должно быть там хорошо! Но даже не это склонило чашу весов к поездке: я хотела побывать снова на военном кладбище, первое посещение которого для меня является знаковым.

Приближался день двадцать второго июня. Этот день я и выбрала для посещения места захоронений воинов – героев Великой Отечественной войны. Прошу сотрудников санатория «Виктория» напомнить, где оно, захоронение, описывала большие плиты, на которых было только одно слово «Неизвестен». Никто не понимал, о чём я вообще говорю. Наконец, одна официантка рассказала, как добраться на военное кладбище.

М.Н.Скакунов, сосед по столу в столовой, бывший профессиональный военный, полковник в отставке, воин-интернационалист, побывавший в современных горячих точках и на ликвидации последствий Чернобыльской АЭС в качестве командира бригады, что такое потеря близких и друзей, знает не понаслышке. Он вызвался сопровождать меня. Не просто, чтобы составить компанию: он все годы после окончания Великой Отечественной войны разыскивает могилы своих родных, братьев отца – **Матвея Ивановича и Михаила Ивановича СКАКУНОВЫХ**. Их, тяжёло раненых, доставили с фронта в один из Кавказских госпиталей, где они скончались. Попытки разыскать захоронения героев вот уже много-много лет не приводят к успеху. Столько времени прошло!..

Мемориальный комплекс «Солдатам Родины»

На автолайне быстро добрались до военно-мемориального комплекса.

Нашему удивлению не было предела: 14 часов 30 минут и ни одного человека! За прошедшие двадцать лет выстроили памятник солдату-победителю. На постаменте лежит скромненький букетик в целлофане, цветы от солнца уже заметно привяли.

Проходим по рядам. Узнаю и не узнаю то, потрясшее меня двадцать лет тому назад, кладбище. Тогда я ходила в изумлении. Меня терзал вопрос: почему на плитах всего одно лишь слово «Неизвестен».

Экскурсовод пояснила:

– Во время войны тут находился госпиталь, в котором умирали, не приходя в сознание, доставленные с фронта солдаты.

«За годы Великой Отечественной войны в госпиталях города прошли лечение более 500000 раненых на фронтах. Свыше двух третей из них вновь смогли вернуться в строй, чтобы беспощадно громить врага».

(Информация из Интернета).

Помню, в 1986 году бродила я между плит и душа моя не могла согласиться с тем, что имена солдат-героев не восстановили, никто не разыскал родных.

Ещё больше разум бунтовал оттого, что на кладбище царило запустение. Сквозь кроны деревьев прорывались лучи яркого солнца. Багряная листва деревьев, тронутая первым дыханием осени, кружилась с ветром в печальном вальсе. Ветерок то затихал, то снова пускался по только ему известным, невидимым для нас, тропкам между надгробиями в вечные па. Листья, уже высохшие, скорбно шелестели, словно то перешёптывались души покинувших живых навсегда. Слетевшие недавно с деревьев листья, ещё тяжёлые от воскового налёта, блестели на солнце, постепенно багровея, поддавались порывам ветра и кружились... кружились в траурно-вечном Вальсе Забвения...

Сердце терзалось, негодовало.

Четыре месяца спустя, под 1987 год, по воле судьбы я попала в больницу. 31 декабря в столовой, 23 часа, вот-вот наступит полночь. Кто-то пил чай, кто-то – смотрел телевизор, кто-то играл в карты... Уже слышны шаги Нового, 1987, года. В углу за столиком сидел пожилой мужчина. Разговорилась с ним (кажется, его звали И.И.Ивановым). Он работал с картотекой участников парада Победы 1945 года. Скоро страна будет отмечать 45-летие Победы. Иван Иванович проверял, кто из победителей ещё жив. О чём-то мы долго говорили – не помню, о чём. Совершенно не помню подробностей! Легла, но никак не смогла уснуть. Беседа с фронтовиком разбередила душу. До утра написала первые «серьёзные», как я посчитала, строки. С тех пор я веду отсчёт своей литературной деятельности.

ПУСТЬ НЕ БУДЕТ МОГИЛ НЕИЗВЕСТНЫХ

1.

Я обращаюсь к тем, кто воевал:

КТО подвиг совершил, но не дошёл – упал?!

КТО с вами рядом был, не добежал – упал?!

КТО жил вчера ещё – ведь жил! – И вдруг
пропал!..

2.

Прошедшие сквозь град, свинцовый шквал, –

Святую память вашу всколыхните,

КТО светлый час Победы приближал, –

Всех без вести пропавших назовите!

Победный отгремел давно салют,
Закончили солдаты подвиг ратный.

Хоть столько лет прошло – им письма шлют,
А письма не находят адресатов.

Прошу меня простить, фронтовики,
Что чувства ваши болью наполняю,
Но не у всех могил лежат венки,
И вечный сон не всех мы охраняем.

Вас заклинаю: вспомните места,
Где шли бои... Восстановите даты.
Когда и ЧЬЯ оборвалась мечта?
Ведь до сих пор с войны идут солдаты...

Одни из них отстали в камышах,
Другие – отдыхают под горою.
А сколько их покоится в лесах,
В могилах безымянных под водою!..

3.
Пусть не будет могил неизвестных
И без вести пропавших солдат.
Долг живых – сложить реквием-песню:
Всех по имени вспомнить, назвать!..

1 января 1987

Тема войны, прославление подвига простого солдата проникла глубоко в моё сердце и не покидает его. К счастью, не покидает...

Вернулась в тот раз я из Кисловодска в ещё большем потрясении: не увидела ухоженных всех-всех могил. По-прежнему много уже не больших плит, а таких надгробных ... «каменной», величиной с экран телевизора, примерно, как монитор, в который сейчас гляжу, набирая эти слова. Многие из них пусты, только по углам – специальные углубления: понимаю, что это места для табличек с фамилиями, именами... Но сами они не восстановятся!

Мёртвые кричат, а мы их не слышим.

Кое-где, выросшие после моего первого посещения, вечно зелёные кустарники зачахли, высохли. Щедро запелёнатые паутиной, они стоят, как часовые: не уходят, сторожа вечный сон Великих Солдат.

Нет-нет: это не одни и те же надгробия! И не все попали сюда... Это один и тот же «Вальс забвения» звучит...

Родина! Твои сыновья положили свои жизни на Алтарь Отечества. Обними их, обогрей! Помни о них, как помнили они о своём сыновнем долге.

Спускаемся ступеньками, склоняемся к каждому камню, читаем фамилии с едва теплящейся надеждой встретить фамилию «Скакунов», но, увы... Михаил Николаевич уже обследовал могилы в соседних кавказских городах, но тщетно.

Уже собрались уходить, как из-за раскидистой туй мы увидели немолодого мужчину. Он переходил от одного надгробия к другому, наклонялся к ним, что-то шептал. Заговорили с ним, познакомились:

– Юрий Павлович Ушаков. – Назвался незнакомец.

И мы представились.

Расспросили его, есть ли ещё военное кладбище в другом месте.

– Нет, это одно в нашем городе.

– Но я не увидела тут большие плиты, их когда-то было много с одним лишь словом «Неизвестен»...

– Когда?

– Двадцать лет тому назад.

– Ну, что Вы, это ж столько воды утекло с тех пор!.. Оно одно и было всегда. Да-да, его облагородили, высадили кустарники. Да, правда, очень много плит без имён. Имена не восстановили, жаль.

– Вы знаете, кстати, – отвлёкся Юрий Павлович, – этот район назван в честь знаменитого учёного Цандера, сделавшего очень много для космонавтики. Так вот, я сюда, в район Цандера, на Мемориальный комплекс «Солдатам Родины», каждый год в этот день прихожу, брожу между надгробиями, снова и снова вчитываюсь в имена солдат.

*Юрий Павлович
поминает павших за Родину*

– Нет, мне не пришлось по возрасту воевать, но я очень хорошо помню те годы.

Юрий Павлович сказал, что с утра приходили сюда представители местных властей.

– А где же цветы? Что-то не видно венков... В такой день!

Юрий Павлович промолчал, потом от досады крикнул, повернул голову к памятнику, взглянул на увядшие цветы.

Я вытащила припасённый коньяк, стаканчики, конфеты и мы помянули тех, кого помнят и преданных забвению, всех спящих вечным сном.

– А вы были на проспекте Мира в Кольцовском сквере? Там стоит памятник. – Продолжил беседу Юрий Павлович.

– Да, были. Сфотографировали. Место ухожено. Правда, плита треснута.

*Архитектурно-скульптурная композиция
«Журавли»*

Это памятник в честь земляков, жителей Кисловодска, погибших в годы Великой Отечественной войны. Многие ушли на фронт, а вернулся далеко не каждый.

Наш новый знакомый ушёл, оставив нас с Михаилом Николаевичем в недоумении, и мы снова пошли бродить в поисках родных ему фамилий.

Заброшенные плиты навевали очень грустные, щемящие мысли.

Уехала домой с тяжёлым камнем на душе... Как будто и не было позади двадцати лет.

Август – декабрь 2007

Обращение к потомкам

ПЕСНИ, РОЖДЕННЫЕ ЭХОМ ВОЙНЫ

Умеренно ♩=108

Ст Ст G7 G7

f В со - рок пер - вом вой - на на рас - све - те при - шла.

Fm Fm G-9 Ст

Со - дроз - ну - лась стра - на: "Я вой - ны не жда - ла!"

C7 Fm6 B7 Es

И бе - да под - ня - ла нас в во - ен - ный по - ход.

Ст Fm Fm G7 Ст

На за - щи - ту зва - ла сме - лый, гор - дый на - род.

В темпе вальса

C C C7 Fm B B B7

f Со - ловь - и - на - я ночь, тот и - юнь - ский рас -

Es6 Ст Fm

- свет. Сон у - но - сят мой прочь, сон у - но - сят мой

Ст G7 G7 Ст G7 G7 Ст

Для повторения. Для окончания

прочь... И те - бя боль - ше нет // тебя боль - ше нет.

В сорок первом война
На рассвете пришла.
Содрогнулась страна:
«Я войны не ждала!»

И беда подняла
Нас в военный поход,
На защиту звала
Смелый, гордый народ.

Припев: Соловьиная ночь,
Тот июньский рассвет
Сон уносят мой прочь,
Сон уносят мой прочь,
И тебя больше нет...

Не дарил ты мне роз,
Взял на память кисет,
Протянул прядь волос, –
А я кинулась вслед.

Золотистую прядь
Я в шкатулке храню,
Вспомню любящий взгляд
Да слезу уроню.

Припев

Безответно пишу
Письма в юность свою,
Боль унять я хочу,
Я о боли пою.
В руки локон беру,
Закрываю глаза,
Вновь с тобой говорю, –
И живут голоса.

Припев

30 мая 1997 г.

Королевская сирень

Стихи и музыка М.Веселовская-Томаш

Умеренно, сдержанно ♩ = 76

Em
О - чень час - то мне не спит - ся по но -

Em Em
- чам. Вы - хо - жу я про - гу - лять - ся в лун - ный

Am6 Am
сад. Нак - ло - ня - юсь к рас - пус - тив - шим - ся цве -

Am H7
- там и вды - ха - ю их пья - ня - щий а - ро -

Em Em
мат. Под - хо - жу к кус - там си - ре - ни, что в са -

Em Am Am6
- ду. серд - це за - мер - ло, и звон сто - ит в у - шах. Вспо - ми -

Am Am
- на - ю куст си - ре - ни, весь в цве - ту, со - рок

H7 Em G
пя - тый... Ю - ность в шра - мах и руб - цах. *f* Та ко - ро -

G C G Am C Em
- лев - ска - я си - рень цве - ла бла - го - у - ха - ла,

Em Am9 Am6 Для повторения Am6 C Am6
о том, что кон-чи-лась вой-на, си-рень е-ще не
зна-ла. 2. Воз-вра-// си-рень е-ще не зна-ла.
H7 Em Для окончания Am6 C H7 Em

*Женщинам, прошедшим тяготы войны
посвящаю*

Очень часто мне не спится по ночам.
Выхожу я прогуляться в лунный сад,
Наклоняюсь к распустившимся цветам
И вдыхаю их пьянящий аромат.

Подхожу к кустам сирени, что в саду,
Сердце замерло, и звон стоит в ушах.
Вспоминаю куст сирени, весь в цвету,
Сорок пятый... Юность в шрамах и рубцах!

Припев: Та королевская сирень
Цвела-благоухала,
О том, что кончилась война,
Сирень еще не знала.

Возвратилась я с войны - грудь в орденах,
Ладно скроена, красива, молода...
О таких мечтают парни в мирных снах,
Но на долю мою выпала беда.

Командир полка, что был в меня влюблен,
Смертью храбрых пал в последний день войны.
Снова вздрогнет тихо память - слышу звон:
Я с сиренью на могиле у сосны...

Припев

26 декабря 1999 г.

Победа

Музыка и стихи:
М. Веселовская-Томаш

$\text{♩} = 118$

Voice

Piano

mf *mp*

Куплет:

По-лы-ха - ет и -

юнь ————— со-рок пер - во - го го - да.

Слов - но смерчь, пронес - лась у - ра-га-ном вой - на!

У-ро-ни-ла кро-ва - вы-е слё-зы сво - бо - да...

Притив:

днём и ночь-ю по-бе - ду ко-ва-ла стра - на! По -

бе - да це-ной ве-ли-кой нам до-ста - лась, По -

бе - да сол-датс-кой кровь-ю про-пи - та - лась.

Музыкальный фрагмент с вокальной линией и фортепиано. Вокальная линия: По-след-ний залп са-лю-том не-бо рас-це - тил, И день по-

Музыкальный фрагмент с вокальной линией и фортепиано. Вокальная линия: бе-ды на-сту-пил! 1.2. И страш - не - е вой пил! 3. По-

Музыкальный фрагмент с вокальной линией и фортепиано. Вокальная линия: бе - да це-ной не-лёг-кой нам до - ста - лась, По -

Музыкальный фрагмент с вокальной линией и фортепиано. Вокальная линия: бе - да сол дат-ской кровь-ю про-пи - та - лась.

По-след-ний залп са-лю-том не -бо рас - цве - тил, И день по

бе-ды на-сту- пил! И день по - бе-ды на-сту- пил!

2. И страшнее войны вся планета не знала:
 Расплавлялись в огне и земля и металл,
 А Отчизна моя к миру всех призывала,
 Всю себя отдала на победный алтарь.

Припев

3. Путь героический прошли мы к Великой победе,
 Ратный подвиг свершив,- разгромили врага!
 Дня счастливей народ мой спасённый не ведал
 И прекрасней весны, что была так горька!

Припев

Анастасия

Посвящение Анастасии Семёновне Мамоновой

Музыка и стихи
М. Вессловская-Томаш

♩ = 56

Voice

Piano

Куплет:

При-тих-ли фан

4

фа - ры, тру-ба за-иг - ра - ла, От - чиз-на на

6

фронт сы - но-вей про - во - жа - ла. О - че-редь,

8

о - че-редь, о - че-редь в во - ен - ко - ма - тах, Из каж-дой семь

10

и на вой-ну от-да-ва - ли сол - да - та. Два сы-на и

12

доч - ка от-ца от-пус - ти - ли, мать треть-е-го сы-на под серд - цем но

15

си - ла... К до-му род - но-му вер-ну-лись не все, _____ и в пе

17

ча - ли, Сво-их сы-но - вей и - ме-на-ми тех во - и - нов

19 *Привет:*

зва - ли. А-нас-та - си - я жда-ла лю - би - мо-го и

22

ждёт, Он воз-вра-ща - ет-ся лишь толь - ко ве-ё

24

сны... По-кой Рос- си - и стех пор он

26

свя - то бе - ре - жёт От Бо - гом прок - ля - той не - пра - вед - ной вой

28

ны. Плакали ны. От Бо - гом прок - ля - той не - пра - вед - ной вой - ны!

rit.

2. Плакали, пели, шумели метели,
 И чёрные косы снегами блестили.
 Вырос Павлушка - отца никогда не узнает.
 Вдова с головы чёрный плат никогда не снимает.

И Родине внуки долг с честью отдали,
 А правнуки - в школу уже пошագали.
 Та же улыбка в них, голос и нежные взгляды.
 Так верит вдова, что любимый всегда с нею рядом!

Привев.

Царицынский вальс

Музыка и слова М. Веселовской-Томаш

$\text{♩} = 72$ **Andante**

Voice

Piano

Го - ре л Ста-лин-град и

5

Вол-га ре-ка пла-ме-не-ла, от кро-ви сол-дат вски-па-ла о-на ба-гро

9 *Прпев:*

ве-ла. Ца-ри-цын-ский вальс, ца-ри-цын-ский вальс... и в

13

вих-ре пе-чаль-ном кру-жат-ся бе-рё-зы. В нём слы-шит-ся плач, в нём

17

слы-шит-ся плач, - дро-жат ма-те-рин-ки-е скорб ны-е слё-зы. Чер - слё-зы. Ца

21

ри-цынс-кий вальс, ца - ри - цын-ский вальс... и в вих-ре пе-чаль - ном кру

25

жат-ся бе - рё-зы. Над стель-ю гре-мит из - веч-ный са - лют - то

29 *rit.*

э - хо вой- ны, э - хо вой- ны, ста-лин - град - ски - е гро - зы...

rit.

1. Горел Сталинград
И Волга-река пламенела,
От крови солдат
Вскипала она, багровела.

Припев: Царицынский вальс, царицынский вальс...
И вихре печальном кружатся берёзы.
В нём слышится плач, в нём слышится плач, -
Дрожат материнские скорбные слёзы.

2. Чернела заря
И ветры от горя стихали.
Фонтаном земля
Погибших сынов присыпала.

Припев: Царицынский вальс, царицынский вальс...
И вихре печальном кружатся берёзы.
В нём слышится плач, в нём слышится плач, -
Роняет вдова в одиночестве слёзы.

3. Дымились вдали
Степные духмяные травы -
На них полегли
Солдаты великой державы.

Припев: Царицынский вальс, царицынский вальс...
И вихре печальном кружатся берёзы.
В нём слышится плач, в нём слышится плач, -
Горьки бесконечные женские слёзы.
Царицынский вальс, царицынский вальс...
И вихре печальном кружатся берёзы.
Над степью гремит извечный салют,
То эхо войны - сталинградские грозы...

Потомки, достойными будьте

(посвящение участнику Курской битвы лётчику Василию Червякову)

Музыка и слова: М.Веселовская-Томаш

Moderato $\text{♩} = 104$

Музыка и слова: М.Веселовская-Томаш

За - вис над Моск-во - ю ту - ман, и

нет ни по - сад - ки, ни взлё - та. Ждёт

рей - са ге - рой - ве - те - ран: го - рит ор - де - нов по - зо -

ло - та. *Притив:* Вздрем - нул он лишь на миг и ви - дит

13

я - ркий сон: са - лю - ты, фей - ер - вер - ки в честь По - бе - ды... И

16

как живых лю-дей испе - пе - лял о - гонь, и смерт ный бой, ка - ко - го мир не

19

ве - дал: то Курс - ка - я Ду - га, то

22

Курс - ка - я Ду - га, то ог - нен - на - я Курс - ка - я Ду - га! За -

25

3.

га! То Курс-ка-я Ду-га, то Курс-ка-я Ду-га, то

This system contains measures 25, 26, and 27. It features a vocal line in the upper staff and piano accompaniment in the lower staves. The key signature has two flats (B-flat and E-flat), and the time signature is 3/4. The piano accompaniment consists of a steady eighth-note pattern in the right hand and a bass line in the left hand. A first ending bracket is placed over the first measure of this system.

28

ог - нен-на - я Курс-ка - я Ду - га!

This system contains measures 28, 29, and 30. It features a vocal line in the upper staff and piano accompaniment in the lower staves. The key signature has two flats (B-flat and E-flat), and the time signature is 3/4. The piano accompaniment continues with the same eighth-note pattern in the right hand and a bass line in the left hand.

31

This system contains measures 31 and 32. It features a piano accompaniment in the lower staves. The key signature has two flats (B-flat and E-flat), and the time signature is 3/4. The piano accompaniment continues with the same eighth-note pattern in the right hand and a bass line in the left hand. The system ends with a double bar line.

1. Завис над Москвою туман,
И нет ни посадки, ни взлёта.
Ждёт рейса герой-ветеран:
Горит орденов позолота.

Припев: Вздремнул он лишь на миг и видит яркий сон:
Салюты, фейерверки в честь Победы...
И как живых людей испепелял огонь,
И смертный бой, какого мир не ведал:
То Курская Дуга, то Курская Дуга,
То огненная Курская Дуга...

2. Заметно ресницы дрожат,
Седой фронтовик опечален:
О, сколько безусых ребят
За Родину жизни отдали!..

Припев.

3. Бессмертья великих солдат,
Потомки, достойными будьте!
Пусть совесть и память не спят, -
Героев войны не забудьте!

Припев.

То Курская Дуга, то Курская Дуга,
То огненная Курская Дуга...

Вечной памяти лампада

Музыка и стихи:
М. Веселовская-Томаш

$\text{♩} = 104$

Voice

Piano

5 *Куплет:*

В А-лек-сан-дровс-ком са - ду Ве-тер пла-мя за-ду-

9

ва - ет. Я к мо-ги-ле по-дой - ду, Серд-це, вздог-нув, за-ми

13 *Притив:*

ра - ет. Здесь ле-жит сол-дат Рос - си - и, Веч - ной

17

па - мя-ти до-сто-ин. Ни-ко-лай? И-ван? Ва-си-лий?... Не-из

21

вест-но, прос-то во-ин. И не-сут е-муцве-во-ин. Ни-ко

1.2. 3.

rit.

25

лай?... И - ван?... Ва - си - лий?... Не - из -

a tempo

27

вест - но, прос - то во - ин.

2. И несут ему цветы
Каждый день и в день победы
За спасённые мечты,
За закаты и рассветы.
3. Безмятежен крепкий сон
Неизвестного солдата
Тихо плещется огонь -
Вечной памяти лампада.

Припев.

Пусть не будет могил неизвестных

Стихи М.Веселовская-Томаш

Музыка Э.Сторожева

Сдержанно

Handwritten musical score for the first system. It consists of a vocal line and a piano accompaniment. The piano part features a series of chords in the right hand and a bass line in the left hand. The tempo is marked "Сдержанно" and the dynamics include "f" and "largo".

Handwritten musical score for the second system. It includes a vocal line with lyrics and a piano accompaniment. The tempo is marked "Сдержанно" and the dynamics include "mf" and "p". A first ending bracket is present.

mf *solo* 2

и ос-ра-ше-юб К мах кто бо-е

Handwritten musical score for the third system. It includes a vocal line with lyrics and a piano accompaniment. The tempo is marked "Сдержанно" and the dynamics include "p".

solo

ван- сба-ну-ро на-шль ба-ну-во-мн-ни-те:

Handwritten musical score for the fourth system. It includes a vocal line with lyrics and a piano accompaniment. The tempo is marked "Сдержанно" and the dynamics include "p".

solo

Кто сван-мнй как По-де-урь люб-мн-мнй? Вест

solo *cresc.* *f*

bez vos mi pro-nab-lyah na-go-be-me!

solo *p*

Всех вероу-ку-ме. Я о-став вас про-

solo *mf*

у-чи-те все е-ще го-ворю-щие вам со-го-мб...

solo *mp*

Камб ема-ко нем про-ко, а с опра-ма мзгм... и

solo cresc. *f*

го сукъ нрѣ сѣ вои- нѣхъ а- гнѣхъ сои- га- ми...

f legato

5 *Piu mosso*
непоколебимы при возмущении

хрп
 шъ ме-нѣ, крѣ-пимъ, опрѣ- мо-ви. ку, 2mo

непоколебимы за неплотъ разои.

хрп
 въ- нѣ шъ нрѣ ос- ма- шѣ въ ка- шѣ- шѣхъ, 3mo

solo *mf*
 ивст-ба ба-ми бол-ю на-пои-ли-ю, Но
 хор *mf*
 и-е все ил-мам гни ног со-по-ю. А

The first system of the musical score consists of three staves. The top staff is for a solo voice, marked 'solo' and 'mf', with the lyrics 'и вст-ба ба-ми бол-ю на-пои-ли-ю, Но'. The middle staff is for a chorus, marked 'хор' and 'mf', with the lyrics 'и-е все ил-мам гни ног со-по-ю. А'. The bottom staff is for piano accompaniment, showing chords and a triplet of eighth notes in the right hand.

solo *cresc.*
 не у всех мо-щи емо-ам вен-ки, и все-таки сн не
 хор *cresc.*
 емо-ки ие по-ка-им-се в ие-сах, в мо-щи-ах де-зи-

The second system of the musical score consists of three staves. The top staff is for a solo voice, marked 'solo' and 'cresc.', with the lyrics 'не у всех мо-щи емо-ам вен-ки, и все-таки сн не'. The middle staff is for a chorus, marked 'хор' and 'cresc.', with the lyrics 'емо-ки ие по-ка-им-се в ие-сах, в мо-щи-ах де-зи-'. The bottom staff is for piano accompaniment, featuring chords and triplet markings in the right hand.

solo *f* 1. solo *f* 2. *a tempo*
 всех ил ок-ра-ли-ла. Тир-вое зах-м-
 хор *f*
 ил-мак ног бо-го-го...

The third system of the musical score consists of three staves. The top staff is for a solo voice, marked 'solo' and 'f', with the lyrics 'всех ил ок-ра-ли-ла. Тир-вое зах-м-'. It includes first and second endings, with the second ending marked 'a tempo'. The middle staff is for a chorus, marked 'хор' and 'f', with the lyrics 'ил-мак ног бо-го-го...'. The bottom staff is for piano accompaniment, showing chords and a final cadence.

6

solo

Му-то вьном-ни-ме шл-ма; Яе умм бо-и... Вос-

solo

ча-но-бу-ме га-ни. Кор-га и рьш шл-ма о-соп-ба

solo

cresc.

f

вас? Бегъ го. сур ноп с бои-ни и-гым сан-га-ни...

7 a tempo

Handwritten musical score for the first system. It includes vocal lines for 'soprano' (sop) and 'alto' (sop) and piano accompaniment for the right and left hands. The lyrics are in Russian: 'Тысячи бы-гомъ ма-не-узъ-всѣхъ и бы-гомъ'. The piano part includes the instruction 'legato' and dynamic markings 'ff'.

sop Тысячи бы-гомъ ма-не-узъ-всѣхъ и бы-гомъ

sop Тысячи бы-гомъ ма-не-узъ-всѣхъ и бы-гомъ

ff legato

ff

Handwritten musical score for the second system. It continues the vocal lines and piano accompaniment. The lyrics are: 'всѣхъ про-на-вѣ-щихъ со-дѣ-ламъ. До-ва-ми-бѣ-же-на-ми'. The piano part continues with accompaniment.

sop всѣхъ про-на-вѣ-щихъ со-дѣ-ламъ. До-ва-ми-бѣ-же-на-ми

sop всѣхъ про-на-вѣ-щихъ со-дѣ-ламъ. До-ва-ми-бѣ-же-на-ми

solo

vox per-bu-er-nee-mo: u no u-me-ku beex ux haz-

per-bu-er-nee-mo: u no u-me-ku beex ux haz-

solo *rit.* *fff* *v*

vox bamb... u no u-me-ku beex haz bamb!

bamb... u no u-me-ku beex haz bamb!

rit. *fff* *v*

rit.

rit.

Фелпав 2007

bee-mu, bee-no, ushnykh gny zhi vno-mi, na-kom, say-mam
 me-me, zu Tro- bedy u byu-kl'v s'yo, byamk', say-mak

Trunet
 smen-ku i sil'zhe ro- na-rom, glas-gva, my, raz-gya
 byu-kl'v u ne-re-vo- mi-mak

my-vo-svo-en-ny, isk-no, svet-nyy k'v, krasnyy, ne

reshen-nyy, byut na- kol-nyy ro- es-nyy na-to-kek,

zha-a, su-uy zha- ko myk vai s'yo- kek. Do-ro-

u-e lo- y kas-ke-vo-ye, nyeti u-

на-ром по-бег-ны-е туч-бы. Вы таи-щуйте и

празд-ник про-длит-ся, и поз-воля-те вам

всем по-кис-лите-ся

проигрыш X перед вторым куплетом
 (Точное повторение 1-го куплета, затем в припева-читается цитата из песни „Синий платочек“)

2-й проигрыш после слов припева „Знаю
 силу знакамих вам строк” — при
 исполнении последнего припева — после 2-го куплета,
 после припева — заключительные такты: X

(фрагмент из песни „Синий платочек“)

ВОЕННЫЙ ВАЛЬС

В нашем парке имеется место
Для игры духового оркестра,
Под который полки провожали,
А потом победителей ждали.

Вновь они собираются вместе,
Обсуждают последние вести,
Всех погибших друзей вспоминают,
Смотрят снимки и слёзы роняют.

Припев:

Раз, два, три, раз, два, три – вальс военный,
Искромётный, прекрасный, нетленный
Вдруг напомнил про синий платочек,
Зная силу знакомых вам строчек.

Дорогие мои жизнелюбы,
Пусть играют победные трубы.
Вы танцуйте и праздник продлится
И позвольте вам всем поклониться.

Зная жизни великую цену,
Ветераны выходят на сцену.
«Рио-Рита» звучит и «Катюша»,
Молодеют уставшие души.

Ветераны, душой не старейте,
И сто граммов законных налейте
За победу и внуков любимых,
Самых близких и самых родимых.

Припев:

Раз, два, три, раз, два, три – вальс военный,
Искромётный, прекрасный, нетленный
Вдруг напомнил про синий платочек,
Зная силу знакомых вам строчек.

Дорогие мои жизнелюбы,
Пусть играют победные трубы,
Вы танцуйте и праздник продлится,
И позвольте вам всем поклониться. (2 раза)

Русь моя жива

(посв. Ивану Аполонovu)

♩ = 128 **Marcia**

Музыка и слова М. Веселовской-Томаш

Voice

Piano

5

9

1,2,3

Вдоль крем-лёв-ских стен, шаг че-ка-ня свой,

13

шёл сол-дат вой-ны, доб-лест-ный ге-рой.

17 *Присев:*

В му-зы-ке мар-шей во-ен-ных слы-шит-ся звон ор-де-нов,

21

зал- са-лю-тов ве-сен-них в па-мять по-гиб-ших сы-нов.

25

4.
В му-зы-ке мар-шей во-ен-ных слы-шит-ся звон ор-де-нов

29

зал-пы са-лю-тов ве-сен-них в па-мять по-гиб-ших сы-нов!

1. Вдоль кремлёвских стен,
Шаг чеканя свой,
Шёл солдат войны, -
Доблестный герой.

Припев: В музыке маршей военных
Слышится звон орденов,
Залпы салютов весенних
В память погибших сынов.

2. Помнит много бед
Русская земля.
Не сдалась врагам
Родина моя.

припев

3. В майский день звонят,
Бьют колокола,
Славят всех солдат:
Русь моя жива!

припев (2 раза)

Что с землёю стряслось

Музыка: А. Забара
Стихи: М. Веселовская

Lento $\text{♩} = 60$

Музыкальный фрагмент первого систем. Включает вокальную партию с нотными фигурами (шестьteenth, eighth, quarter notes) и аккордами, а также фортепиано с аккордами. Темп Lento, метр 4/4, тональность B-flat major. Слова: Про-звучал над Зем-лё-ю из Все лен-ной воп-рос: — "Что слу

Музыкальный фрагмент второго систем. Включает вокальную партию с нотными фигурами и аккордами, а также фортепиано с аккордами. Темп Lento, метр 4/4, тональность B-flat major. Слова: чи-лосьс то бо - ю, что с то бо - ю стряс - лось? О, пла не - та, ты

Музыкальный фрагмент третьего систем. Включает вокальную партию с нотными фигурами и аккордами, а также фортепиано с аккордами. Темп Lento, метр 4/4, тональность B-flat major. Слова: гиб - нешь от во-ды и ог - ня. Тут и там ка так - лиз - мы... Что слу чи-лось, Зем

10

ля?" И Зем-ля от ве - ча - ла, лишь на миг за - ме - рев: "Вид - но я о - ди

13

ча - ла, мой на - род о - зве - рел... Как в бре - ду за - ды -

a tempo $\text{♩} = 114$

16

ха - юсь, и от го - ря чер - на,

19

день и ночь воз - му - ща - юсь, так тер - за - ют ме -

22

ня! Бом - бы рвут - ся, сна - ря - ды,

25

са - мо - лё - ты го - рят. Го - во - рят ка - но -

28

на - ды, и по - жа - ры ды - мят.

rit.

$\text{♩} = 85$

31

Об - ра - ща юсь - к вам лю - ди, ус - по - кой - те ме - ня!

35

Будь - те муд - ры - ми, лю - ди, со - хра - ни - те ме -

38

ня!" ...Вновь раз-но-сит-ся где - то без-от-вет-ный воп -

42

рос: "Что слу - чи - лось с пла - не - той?"

46

Что с Зем - лё - ю стра - сь - лось?"

Ped. *

1. Прозвучал над Землёю
Из Вселенной вопрос:
"Что случилось с тобою,
Что с тобою стряслось?"
2. О, планета, ты гибнешь
От воды и огня.
Тут и там катаклизмы...
Что случилось, Земля?"
3. И Земля отвечала,
Лишь на миг замерев:
"Видно, я одичала,
Мой народ озверел..."
4. Как в бреду, задыхаюсь,
И от горя черна,
День и ночь возмущаюсь, -
Так терзают меня!
5. Бомбы рвутся, снаряды,
Самолёты горят.
Говорят канонады,
И пожары дымят.
6. Обращаюсь к вам, люди:
Успокойте меня!
Будьте мудрыми, люди,
Сохраните меня!"
7. ... Вновь разносится где-то
Безответный вопрос:
"Что случилось с планетой?
Что с Землёю стряслось?"

Колокола России

Музыка: С. Шебеко
Слова: М. Веселовская-Томаш

Moderato ♩=78

Piano

4

Зво - нят ко - ло - ко - ла под не - бом

7

си - ним, ко - ло - ко - ла кло - ко - чут над Зем - лёй. У -

10

слышь - те их, все жи - те - ли Рос - си - и, как стон, не - сёт - ся звон, та - кой гус -

13

той! *Принес:* Не смол-кни-те, ко-ло-ко-ла Рос-си-и, обь-е-ди-

16

ни-те и встрях-ни-те нас! Нас-ту-лит день,при-дёт,при-дёт Мес

19

си-я и в веч-ность о-той-дёт наш горь-кий час! Воспо-

22

час!

1. Звонят колокола под небом синим.
Колокола клокочут над Землёй!
Услышьте их, все жители России! -
Как стон, несётся звон, такой густой.

Припев: Не смолкните, колокола России,
Объедините и встряхните нас!
Наступит день - придёт, придёт Мессия,
И в вечность отойдёт наш горький час!

2. Вспошный звон взлетает над страню -
Услышьте все, кто от неё вдали:
И юные, и в сердце с сединою -
Ведь Родину забыть вы не смогли.

Припев.

3. Пройдитесь по полям моей России.
Какие складки горя пролегли!
Озёра, реки плачут от бессилья,
Повсюду ветры смерти залегли.

Припев.

ПЛЭЙКАСТЫ – ЭТО ТОЖЕ ПАМЯТЬ

Когда рукопись была почти готова, я случайно нашла в Интернете Playcast (плэйкаст) «...До сих пор с войны идут солдаты» (Страница пользователя Iara3103), автор – жительница города Ижевска, Удмуртской Республики – Лариса Викторовна Иванцова. Она медик по специальности, но с талантом художника, неравнодушна, с чувством высокой любви к Родине и гордости за своих предков. Они все воевали на фронтах Великой Отечественной.

У Ларисы Иванцовой несколько плэйкастов, посвящённых военной тематике. Благодарные потомки, взгляните на великолепно созданные шедевры! Они заставят вздрогнуть Ваше сердце.

Адреса плэйкастов Ларисы Иванцовой на тему: «Это было недавно, это было давно».

«...ДО СИХ ПОР С ВОЙНЫ ИДУТ СОЛДАТЫ...»

<http://www.playcast.ru/view/1043388/c21ed2...2ca22052ffdfdpi>

«ЕСЛИ Б НЕ БЫЛО ВОЙНЫ...»

<http://www.playcast.ru/view/1113613/b85d9c...b3bb0039acecbpl>

«Я МЫСЛЕННО СВЯЗАН С ТОБОЙ...»

<http://www.playcast.ru/view/1139833/8870cf...4c74858c3df99pl>

«ТЕРЯЯ ГОЛОВЫ, ВАС ЛЮБИМ!» Под № 1133856

<http://www.playcast.ru/view/1133856/495e8f...62e1995cb1765pl>

«МЫ ВЕРНЁМСЯ, МЫ КОНЕЧНО, ДОПЛЫВЁМ...»

<http://www.playcast.ru/view/1036016/d97cbc...c4a09cdb40c20pl>

«ИМ БЫЛО ТОЛЬКО ДВАДЦАТЬ ЛЕТ...»

<http://www.playcast.ru/view/1026561/86af8e...f66b76e6c1afbpl>

« ДАВНО ЗАКОНЧИЛАСЬ ВОЙНА...»

<http://www.playcast.ru/view/1019543/deb42f...ac269c7350904pl>

ПОТЕРИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

По уточнённым данным, потери Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941-1945гг. составляют 8 млн. 860 тыс. 400 военнослужащих. Об этом на заседании пресс-клуба Минобороны РФ сообщил начальник военно-мемориального центра Александр Кирилин.

Он пояснил, что при подсчете потерь не учитывались данные госпиталей и паспортная перепись населения послевоенных лет. Всего, как отметил А.Кирилин, в годы войны погибли около 11 млн. советских граждан, принимавших активное участие в боевых действиях, – кадровых военнослужащих, ополченцев, партизан.

А.Кирилин уточнил, что в архивных карточках Министерства обороны содержится информация о 18 миллионах погибших. Однако, по его словам, эти данные не соответствуют действительности, поскольку они составлялись во время войны неквалифицированными работниками и неоднократно дублировались (на одного погибшего поступало несколько документов – из воинских частей, госпиталей).

Стоит отметить, что спор о потерях Советской армии в годы Великой Отечественной войны ведется еще с 1945 года. В 1946 году И.Сталин объявил,

что общие потери (гражданские и военные) составили 7 миллионов человек. После этого данная цифра постоянно возрастала. Во времена Н.С.Хрущева она достигла 20 миллионов, а в годы перестройки – 27 миллионов.

В 1993 году были объявлены официальные данные по потерям военнослужащих, с которых был снят гриф секретности, – 8 миллионов 668 тысяч 400. С тех пор эта цифра также увеличивалась по мере деятельности поисковых отрядов и работы в архивах. Ещё не кончилась священная война, пока подснежники растут среди костей...

Я, Мария Веселовская-Томаш, автор-составитель Интернет-галереи “Алтарь Отечества”, автор и литературный редактор всех рассказов и воспоминаний, счастлива, что не одинока в своих устремлениях помочь тем, кто не потерял надежды найти следы на земле своих родных и близких – они отдали жизнь за Родину. Мне по дороге с теми, кому дорог принцип достоверности, правдивости в исповеди каждого Солдата, кто жаждет вытащить из потаённых уголков человеческой памяти имя каждого простого Солдата, добывшего Победу. Негодую, если находится смельчак, который пытается перевернуть события тех кровавых лет и переписать страницу истории со своей “колокольни”:: это кощунство и преступление против павших на полях сражений. Наш “мемориальный комплекс” никто не посмеет взорвать, перенести, надругаться над ним!

Работу по систематизации учётных данных документов о погибших воинах во Второй Мировой войне и последующих конфликтах ведёт “Корпорация Электронный архив “MEMORIAL OBD” – это титанический труд. Основная цель проекта – дать возможность миллионам граждан установить судьбу или найти информацию о своих погибших или пропавших без вести родных и близких, определить место их захоронения. В рамках проекта будет отсканировано и предоставлено в Интернет-доступ около 10 миллионов листов архивных документов, проиндексировано более 30 миллионов записей о солдатах и офицерах. Впервые вы сможете ознакомиться с реальными документами, самостоятельно провести поиск и исследование.

“Наша победа, день за днём” – проект РИА “Новости” Сводки Совинформбюро. Фронтовые истории, рассказы и фотографии, присланные посетителями. Плакаты, фотоленты. Песни войны. Цель проекта-акции: попытка пройти еще раз последний год Великой Отечественной войны...

Рады, что организаций, школ, групп энтузиастов и просто отдельных людей, занимающихся поисковой работой, возвращающих имена пропавших без вести, много. Рады вдвойне, что мы на одном пути с ними. Так как целью ПараАртийского Центра “Иван да Марья” является творческая реабилитация

ветеранов и инвалидов Великой Отечественной войны, труда и детства, то и материал для Интернет-галереи “Алтарь Отечества” не просто вспомнить каждого Солдата, не просто вернуть имя героя, а сделать это именно с творческой стороны – вспоминая родных, написать рассказ, эссе, стихи, песни...

БРОНЗОВОМУ СОЛДАТУ

(Эстония, улица Тынис Мягэ)

Бронзовый солдат,
Что же ты молчал?
Ты не мог стрелять...
Ты бы рассказал:

Как снег в окопах телом согревал,
Прошёл сквозь стену огненных дождей,
Как умирал сто раз – и оживал,
Чтоб отомстить за слёзы всех детей!

И по велению преданной души
Под танк себя с гранатой бросал.
Ты ж не забыл, солдат, как в той ночи
В бреду сестричку “Мама... мама!” звал.

Напомни миру, кто народы спас, –
Сам превратился в пепел, в светлый дым,
И в чьих глазах огонь любви погас,
А он остался вечно молодым...

В лесных болотах воины лежат –
Для них ещё не кончилась война...
О, скольких надо разыскать ребят,
И в вечность записать их имена!

Погибших поимённо назови,
Кто под плитою неизвестным спит.
Всех разбуди, Солдат, и позови
Во имя истины поднять свой щит!

В граните, в камне – всем в веках стоять:

До дома им дойти не суждено.
Солдат, напомни всем: не надо лгать,
Тревожить прах – кощунственно, грешно!

...А на могилах победителей войны
На эпитафиях сверкают имена.
И нет ни в чём вины моей страны.
Никто не вправе
править времена...

29 октября 2007
Мария Веселовская-Томаш

Не забудьте адрес нашего сайта: <http://www.paraartiada.com/>

День Победы – праздник с грустью пополам

НЕ ДАЙТЕ СЕРДЦУ ОЧЕРСТВЕТЬ!

*Юлии Карташёвой –
медсестре блокадного Ленинграда*

Страна в тот год была объята
Войной... Полно её следов:
На водах рек алеют пятна,
А в росных травах стынет кровь.

Не дай Бог сердцу очерстветь –
Гордитесь подвигами дедов!
Мы все обязаны воспеть
Тех, кто добыл для нас Победу.

Из года в год, из века в век,
Из поколенья в поколенья
Ты чти и помни, Человек,
Победы той святую цену
За мир и первый детский смех,
За счастье, радость и свободу!
Должны оплакивать мы всех –
Ведь гибли целые народы.

Не дайте сердцу очерстветь,
Героям павшим поклонитесь, –
Их голосам ещё б звенеть...

Тысячелетия и впредь
За упокой их душ молитесь.
Чтоб предков выполнить завет, –
Быть равнодушным разучитесь,
Трудиться сердцем не ленитесь!

*26 января 2009
Мария Веселовская-Томаш*

ПАМЯТЬ ПАВШИХ ГЕРОЕВ НЕТЛЕННА

Свято чтит революции годы
Вся огромная наша страна.
Вспоминают былые походы
Ветераны, надев ордена:

«Помнишь, Саша, прорыв под Рязанью?
Ты да я лишь остались в живых –
Согревали друг друга дыханьем
И делили судьбу на двоих».

«А тебя как, Петрович, снарядом
Вдруг накрыло... Спасали с трудом,
А друзей, кто лежал с нами рядом,
Тех совсем не нашли мы потом.
Смертоносная сила мгновенно
Оборвала дыхание им»...

Память павших героев нетленна,
Как и Вечный Огонь негасим.
И лихие ветра не согнули
Тех, кто голову честно сложил...

И в почётном стоят карауле
Ветераны у братских могил.

Валентина Колесникова

ФРОНТОВИКИ ПОД МАРШ ШАГАЮТ

Под марш на праздничных парадах
Фронтовики пока шагают.
Сверкают золотом награды –
В них гордость Родины играет.

Опять весна! Начало мая...
Вновь ордена звенят чуть слышно,
Но с каждым годом заглушает
Их звоны соловьиным свистом.

Грядут рассветы и закаты.
Фронтовики – ещё шагают.
Их кружат годы-листопады,
В последний танец вовлекают.

Когда уйдёт солдат последний, -
Осиротеет вся Россия,
Но соберутся в День Победы
Потом их души в небе синем.

Пока на праздничных парадах
Фронтовики под марш шагают.
Сверкают золотом награды –
В них гордость Родины играет.

*26 октября 2004
Мария Веселовская-Томаш*

Альманах «Алтарь Отечества» – воспоминания самих фронтовиков или их родных и друзей о них. Содержат документы, письма, фотографии военной поры солдат Великой Отечественной войны, стихи, прозу, песни, воспевающие их честь и совесть, героизм и немеркнущие доблесть славу.

Альманах посвящён 65-летию Великой Победы – самого страшного преступления XX века. Приглашает все поколения людей помнить имена победителей.

В основе книги лежит материал Интернет-галереи «Алтарь Отечества» на сайте <http://www.paraartiada.com/>

Автор-составитель будет благодарен за новые материалы и документы для пополнения Интернет-галереи с последующим изданием нового альманаха.

Замечания и пожелания можно направить по адресам:
paraartiada@mail.ru altar-07@mail.ru

Контактные телефоны: 8 (495) 386-65-12 388-42-27

АЛТАРЬ ОТЕЧЕСТВА

АЛЬМАНАХ

- ВОСПОМИНАНИЯ •
- ДОКУМЕНТЫ • СТИХИ •
- ОЧЕРКИ • РАССКАЗЫ • ПЕСНИ •

Автор-составитель

Веселовская-Томаш Мария Максимовна

Формат 60x84/₁₆. Печать офсетная.

Объем 15 усл. печ.л.

Тираж 1000 экз.

ISBN 978-5-9901894-1-6

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 287-0619 e-mail: probel-2000@mail.ru